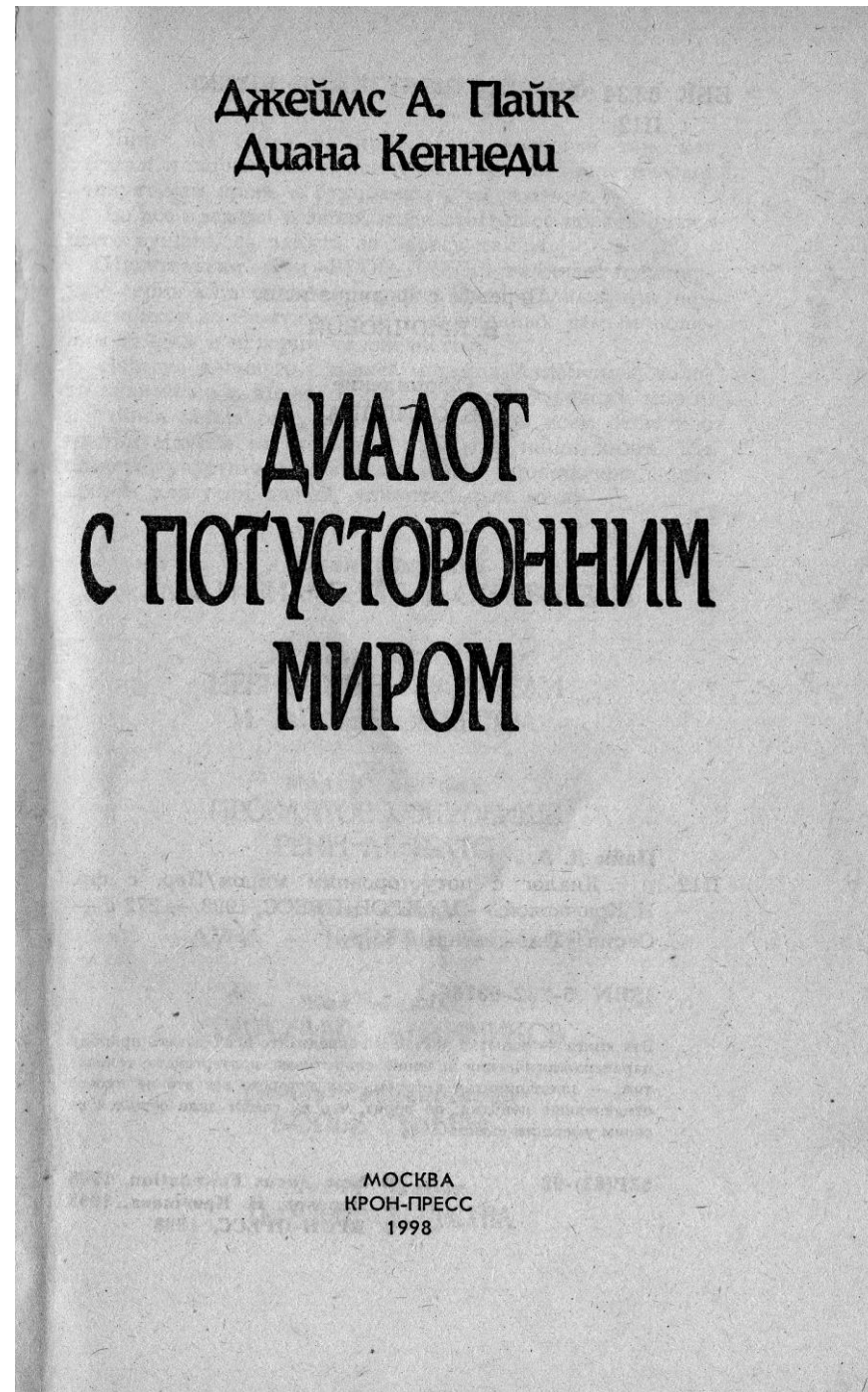
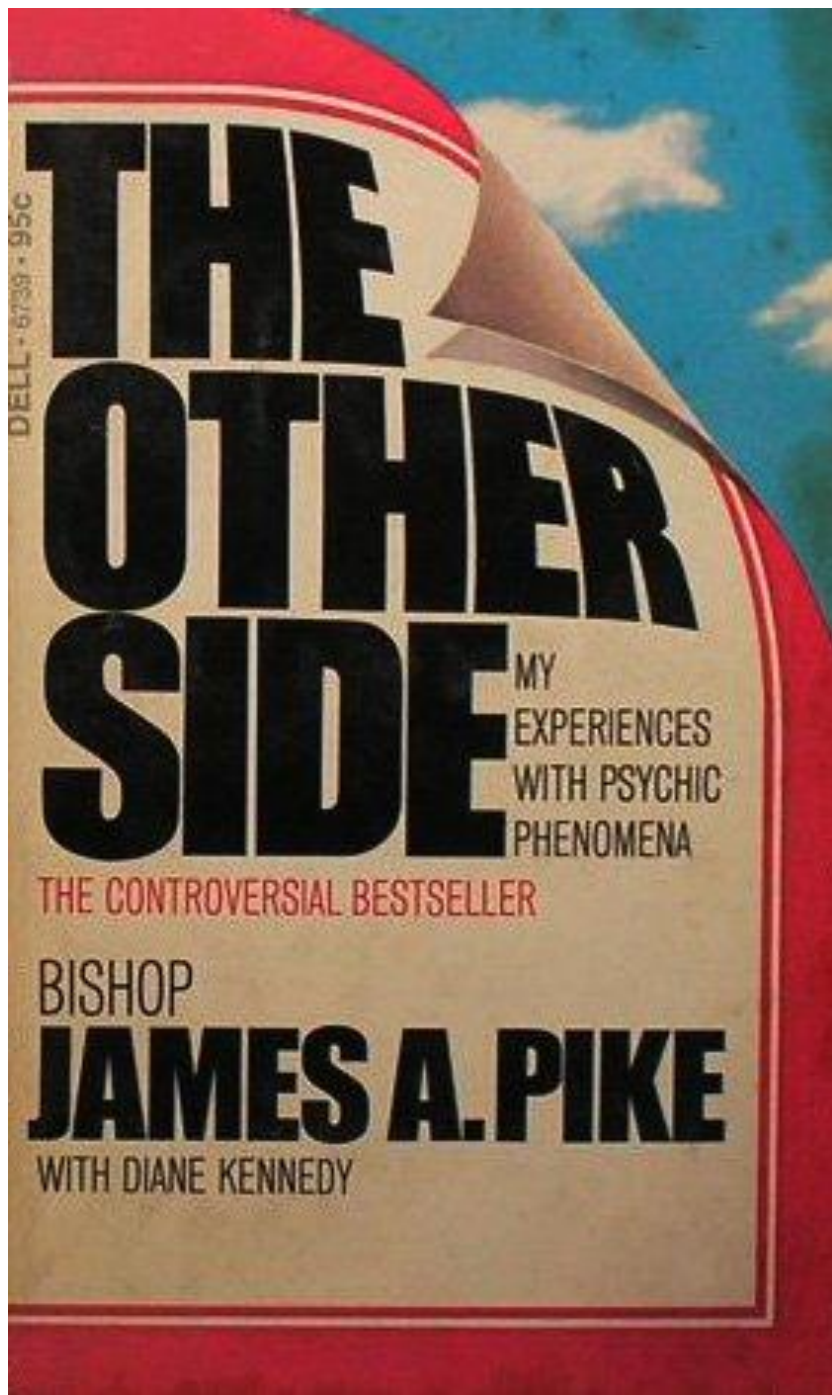

**Книга из библиотеки Российской ассоциации
инструментальной транскомуникации (РАИТ)**

Наш сайт в интернете: egf.ru

Группа в контакте: http://www.vk.com/itc_russia

Франсуа Биро, Жан-Клод Риб
ДОУБЕ ВНЕЗЕМНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Жерар де Сед
ТАЙНА КАТАРОВ

Эрих фон Деникен
ЗОЛОТО БОГОВ

Жак Бержье
ТАЙНАЯ ВОЙНА ОККУЛЬТНЫХ СИЛ

Жак Бержье
ПРОКЛЯТЫЕ КНИГИ

Жак Бержье
ТАЙНЫЕ ХОЗЯЕВА ВРЕМЕНИ

Луи Шарпантье
ТАЙНЫ ТАМПИЕРОВ

Вернер Герсон
НАЦИЗМ. ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО

Абель Шевале
ЗВЕРЬ ИЗ ЖЕВОДАНА

Робер Шарру
СОКРОВИЩА МИРА — ЗАРЫТЫЕ,
ЗАМУРОВАННЫЕ, ЗАТОНУВШИЕ

Лео Ларгье
НИКОЛА ФЛАМЕЛЬ.
В ПОИСКАХ ЗОЛОТА

Камиль Фламнармон
ПОСЛЕ СМЕРТИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Оригинальное название этой книги — «Другая сторона» — имеет двойной смысл. Для читателя, знающего из газет об исследованиях, связанных со смертью моего старшего сына, это, во-первых, «по ту сторону» смерти. Действительно, в этой книге много говорится об экспериментах, которые я проводил в течение двух с половиной лет после смерти Джима. Однако, учитывая искажения, допущенные в прессе при их описании, я решил представить здесь также «другую сторону» доверчивости и наивности.

Вряд ли мне удалось бы так далеко продвинуться в своих исследованиях, если бы не помощь окружавших меня людей. Это в первую очередь все, кто в той или иной степени участвовал в событиях, описанных здесь.

Я также признателен специалистам, к которым обращался за консультациями: директору Института изучения человека, доктору философии Дж.Б.Райну; профессору медицинского факультета университета штата Вирджиния, психиатру и невропатологу, доктору медицинских наук Яну Стивенсону; директору Американского общества парапсихологических исследований, доктору философии Карлису Озису; директору Фонда Меннинджерера, президенту Американского об-

щества парапсихологических исследований доктору философии Гарднеру Мерфи; члену Совета администрации Центра изучения демократических институтов, изобретателю ксерокса Честеру Карлсону; одному из моих коллег по Центру, автору книги о потусторонних явлениях Ирвингу Лауксу. Я благодарю также моих многочисленных корреспондентов, которые одобряли или критиковали мою работу, обращались ко мне за информацией, духовной поддержкой или описывали свой собственный опыт.

Некоторые из них рассказывали о вещах, так или иначе касающихся людей и фактов, описанных в моей книге. Не давая оценку этим рассказам в целом, отмечу, что я упомянул в книге лишь те события, свидетелем которых был лично, и результаты своих собственных наблюдений. Тем не менее я благодарю всех, кто писал мне, — в частности, моих друзей мистера и миссис Фил Дик, Анну Борг и Майкла Хэкетта.

Поскольку на время написания книги никто не освобождал меня от служебных обязанностей, подготовка ее к изданию была бы невозможна без постоянного сотрудничества директора «Нью Фокус Фаундэйшн» мисс Дианы Кеннеди. Совет этой организации не раз помогал и поддерживал меня в моей работе. Секретари Джойс Дункан и особенно Гертруда Платт посвятили много времени этой рукописи. Я ценю также работу, проделанную моим секретарем в Центре, мисс Миртл Гудвин, и помощь, оказанную мне студентом Калифорнийского университета в Санта-Крус мистером Скоттом Кеннеди.

Надеюсь, что усилия всех людей, внесших свой вклад в подготовку и издание этой книги, позволят выполнить поставленную перед ней задачу.

Джеймс А.Пайк

Иерусалим, день Вознесения 1968 г.
(десятая годовщина моего возведения
в епископский сан)

В воскресенье 20 февраля 1966 года, войдя в свою комнату в Кембридже, я заметил на полу рядом с ночным столиком две открытки. Они лежали картинками кверху, образуя на паркете угол в 140 градусов. В этом не было бы ничего странного, если бы открытки принадлежали мне, но я видел их впервые. На выходные я уезжал из Кембриджа и в мое отсутствие прислуга должна была привести квартиру в полный порядок.

До того момента эта женщина работала вполне добросовестно, и казалось совершенно невероятным, что она могла оставить что-либо валяться на полу.

— Эй, посмотрите-ка! — крикнул я двум моим друзьям, которые тут же вбежали в комнату.

И мы начали обсуждать первое из длинного ряда последующих событий, более сложных и необычных, чем все, что мне довелось пережить до того дня. Таким образом, внезапно, без предупреждения и против собственной воли я оказался лицом к лицу с проблемами, с которыми мне никогда раньше не приходилось сталкиваться.

За две недели до этого случая, в пятницу 4 февраля 1966 года, мой старший сын Джим покончил с собой в номере нью-йоркской

гостиницы. Ему было двадцать лет. Излишне говорить, что эта трагедия глубоко потрясла меня психически и морально. Но восстановить последовательность событий, приведших его к самоубийству, стало гораздо труднее после странных явлений, начавшихся в тот зимний вечер в Кембридже.

В период, предшествующий смерти Джима, мы провели с ним четыре месяца в Кембридже и никогда прежде не чувствовали такой близости друг к другу. Наши взаимоотношения развивались в той атмосфере задушевности, которой мы были лишены прежде, ведя беспокойную жизнь в Калифорнии. Наше пребывание в Англии было по-настоящему счастливым, но по мере того, как проходили недели, я все лучше понимал всю глубину и сложность проблем, стоящих перед моим сыном. Поэтому потом, когда его не стало, зная его характер и хорошо обдумав произошедшее, я был способен лучше понять его поступок. В то же время тесная связь, возникшая между нами в Кембридже, сделала для меня катастрофу еще более неожиданной и трагичной.

Я уверен, что история моего сына — это история многих молодых людей нашего времени. Возможно, возникнет вопрос, вправе ли отец вот так выносить на публичное обсуждение внутренний мир своего сына в критический период его жизни, полный смятения и безысходности. Я могу лишь ответить, что в течение этого года, прошедшего после смерти Джима, я испытывал настолько сильное чувство вины, что, кажется, это слишком даже для отца, чей сын покончил жизнь самоубийством. Такие острые угрызе-

ния совести были вызваны поступком матери одного юноши, который был очень дружен с Джимом. Узнав, что ее сын покончил с собой, будучи под воздействием ЛСД, эта женщина обратилась по радио и телевидению к другим молодым людям, чтобы предостеречь их от повторения его пути.

Разумеется, я много думал, прежде чем решить, следует ли открывать публике глубоко личные стороны жизни моего сына. Кроме того, как мы увидим, все, что предшествовало смерти Джима и что произошло после нее, было настолько сложным, что мне понадобилось не только значительное время, но и продолжительные исследования, чтобы прийти к более или менее определенным заключениям. Теперь я абсолютно уверен в необходимости детального и последовательного изложения событий.

В этой книге описан очень важный период жизни двух человек. Чтобы понять, что происходило в тот период, когда мы с Джимом были тесно связаны, нужно не только описать факты, но и откровенно рассказать, что происходило в душе Джима.

Самые счастливые стороны характера, личности и образа мыслей моего сына были характерным для многих людей его поколения. Он презирал формализм, у него было безошибочное чутье на пошлость и низость в человеческих отношениях. Он был очень открыт для всего нового. Будучи последовательным, он хотел видеть вещи такими, какие они есть, и открыто говорить о них. Наконец, он очень любил жизнь и мог бы прожить ее с пользой.

Но он не избежал и других, менее привлекательных качеств, характерных для его поколения. Он не был настроен на осуществление долговременных задач. Он резко критиковал общество «взрослых» и в значительной степени отвергал его. Джим разделял негативизм выбитой из колеи молодежи, к которой себя причислял. У него не было четких представлений о собственной личности, и будущее, даже не столь отдаленное, оставалось для него туманным. Мой рассказ должен быть максимально откровенным — иначе невозможно будет понять те необычные явления, которые имели место после исчезновения моего сына.

* * *

Лишь в последнее лето перед своим кембриджским отпуском¹ я начал беспокоиться о его образовании вне тех рамок, которыми сегодня, как правило, ограничивается роль родителей учащихся.

Казалось, первый год в колледже дал Джиму возможность обрести свободу. Как и многие молодые люди, он горячо желал независимости, и мы с женой делали все возможное, чтобы помочь ему в этом, хотя, признаюсь, наш энтузиазм в этом вопросе был довольно сдержанным. Они с товарищем сняли маленькую квартиру в районе Хэйтс-Эшбери², ставшем впоследствии печально знаменитым. Джим выбрал это место только

¹ В США некоторым преподавателям и духовным лицам периодически (обычно раз в семь лет) предоставляется дополнительный шестимесячный отпуск для индивидуальной научной работы.

² Квартал, населенный хиппи и наркоманами.

из-за близости к колледжу: жить там было удобнее, чем в резиденции епископа. К несчастью — сейчас, после произошедшей драмы, я отдаю себе в этом отчет — царящая в этом квартале атмосфера никоим образом не способствовала успешной учебе. Последствия оказались катастрофическими.

В ту зиму Джим начал регулярно посещать психиатра, специализировавшегося по проблемам молодежи. У Джима было на то две причины. Во-первых, он начал катастрофически терять интерес к учебе. Другой проблемой были его контакты с людьми: мой сын чувствовал себя неспособным поддерживать по-настоящему глубокие отношения с кем бы то ни было. Было, к счастью, несколько исключений, но, казалось, он все сильнее страдает от неспособности любить.

Джим первым предложил в качестве средства для лечения своих комплексов использование ЛСД под контролем психиатра. Но на применение такого средства по закону требовалось разрешение родителей.

В то время ЛСД довольно широко употреблялось в терапевтических целях. Теперь применение этого наркотика в большинстве стран официально запрещено — правда, эта мера не дала значительного сокращения его потребления. Итак, психиатр, лечивший Джима, долго беседовал с нами, его родителями. Мы, со своей стороны, проконсультировались со знакомыми врачами и, хорошо как следует все обдумав, дали свое согласие на применение наркотика, не подозревая, к каким последствиям это приведет.

Наступил день первого сеанса. Я отчетливо помню вечер, когда Джим пришел домой

после первой попытки. Он рассказал, что проделал приятное, как он это называл, «путешествие», и оно помогло ему, но более говорить об этом он не захотел. Он оставался подавленным и замкнутым. Я помню, что спрашивал себя, действительно ли этот эксперимент поможет Джиму добиться желаемой цели. Но я не испытывал серьезного беспокойства по поводу возможных последствий, так как знал, что, с одной стороны, сеансы проходят под контролем врача, а с другой — что галлюциногенные наркотики не вызывают интоксикации. Однако тогда об этих препаратах было известно меньше, чем сегодня, и я не осознавал всей их опасности.

* * *

Как могут родители контролировать девятнадцатилетнего юношу, который к тому же не живет дома? Во время большей части учебного года у меня не было возможности наблюдать за поведением сына и тем более влиять на него. Но в течение следующего лета обстоятельствам было угодно, чтобы я отчетливо понял, что происходит. Чтобы оплачивать квартиру и сохранять свою независимость, Джим работал на полставки в одном банке, который находился недалеко от моего собора в Сан-Франциско. Не желая платить за парковку, он оставлял свою машину на специальной стоянке перед собором и часто заходил ко мне в кабинет по дороге в колледж или из колледжа в банк. Иногда он приходил потому, что я оставлял ему на ветровом стекле записку с приглашением подняться ко мне. В течение лета наши

беседы постепенно становились все более частыми и долгими. По мере того как наши отношения становились ближе, мое беспокойство возрастало: я обнаружил, что дела у Джима идут не лучшим образом — он постепенно погружался в наркотики, и результаты их воздействия начинали проявляться.

Однако я был счастлив, что наши отношения вступили на новый этап. Наши встречи позволяли мне лучше узнать сына, и поэтому я очень ценил то время, что мы проводили вместе. Чем ближе были наши отношения, тем откровеннее становились его разговоры.

Однажды в пятницу он сказал мне:

— Сегодня вечером я попробую совершить «путешествие» с «Ромиларом».

— Что такое «Ромилар»? — поинтересовался я.

— Вот. — Он вынул из кармана большую бутылку с аптечной наклейкой.

— Но это же сироп от кашля! — Ничего лучше мне в голову не пришло. — Для чего он тебе?

— Это недорого, а действует отлично. Выпиваешь три ложки, и готово: путешествие длится так же долго, как с ЛСД, но ощущения совсем другие.

— Что ты имеешь в виду? — произнес я в полном ошеломлении.

— Это значит, что ты «улетаешь», но по-другому. Еще больше теряешь ощущение реальности, чем с ЛСД, но становишься более восприимчивым к своим собственным ощущениям. Физические ощущения усиливаются и ты видишь необычайно живые сцены. С ЛСД сознание остается более ясным, но

«Ромилар» — это нечто необыкновенное. Одной бутылки хватает на три-четыре «путешествия».

Я слушал очень внимательно, не зная толком, что сказать. Я старался скрыть свое беспокойство, которое положило бы конец откровенности Джима, а мне хотелось узнать больше. К своему ужасу я понял, что Джим не только увеличивал частоту своих «путешествий», но и экспериментировал с новыми и новыми галлюциногенными средствами: марихуана, ЛСД, мескалин, эхинокактус, а теперь еще и «Ромилар»... Похоже, мне следовало начать проявлять обеспокоенность.

— Это мне совсем не нравится, Джим, — сказал я, глядя ему в глаза. Мне интересны твои опыты, но они меня тревожат.

— Не волнуйся за меня, папа, что в этом плохого? Жизнь дана нам, чтобы все испытать и извлечь из этого пользу. Так что беспокоиться не о чем. — Похоже, его совсем не тронули мои опасения.

— В любом случае мне это не нравится, — заключил я. Хотя в то время не так уж много писали об опасности наркотиков, я сам немедленно сделал малоутешительное заключение.

Меня преследовал вопрос: что делать? Я знал, что ни в коем случае нельзя разрушать доверие, характерное для наших разговоров, особенно в том, что касалось главной проблемы. Я говорил насколько мог искренне, не рискуя вызвать враждебность, которую спровоцировало бы неодобрение или слишком явная обеспокоенность с моей стороны. Однако нужно было срочно действовать. И тут в голову мне пришла идея,

позволяющая углубить ту близость, которая появилась в наших отношениях с сыном, и в то же время удалить его из среды Хэйтс-Эшбери, так пагубно на него влиявшей.

В последнюю неделю сентября начался мой полугодовой отпуск, право на который мне давали семь лет службы в звании пятого номинального епископа Калифорнии. Благодаря поддержке епархиального совета и епископальной комиссии я имел возможность провести этот период отдыха и интеллектуального и духовного обновления в Кембриджском университете.

Я решил взять с собой в Англию Джима. Там он мог бы, с одной стороны, продолжать учебу, а с другой — оказавшись в совершенно иной среде, порвать с нежелательным окружением, к которому, как мне иногда казалось, он привязался. Тогда он, наверное, смог бы взглянуть на жизнь иначе и лучше представить себе свое будущее.

У нас оставалось совсем мало времени на подготовку к поездке, особенно, что касалось организации учебы Джима. К счастью, один профессор из Кембриджа, проездом оказавшийся в Сан-Франциско, сообщил мне все необходимые сведения: в Кембридже даже существовал колледж, полностью соответствующий уровню и типу обучения Джима. Несколько телеграмм и международных звонков — и вопрос был улажен. Джим был записан в Колледж искусств и технологии Кембриджшира.

Теперь можно было начать собираться. Джим признался мне, что мысль об отъезде вызывала у него чувство тревоги. Хотя он был искренне убежден в необходимости «выр-

ваться из всего этого», его иногда охватывал страх перед мучениями в случае, если у него возникнет непреодолимое желание «совершить путешествие», а наркотиков под рукой не окажется. Я в самом деле очень надеялся, что он не сможет их там раздобыть. Перед самым отъездом он спросил меня, не стоит ли ему захватить с собой запас эхинокактуса. Доза, необходимая для одного «путешествия», имеет довольно значительный объем; я объяснил ему, что перевоз растений через границу запрещен, даже если они не обладают галлюциногенными свойствами, и тот факт, что эхинокактус является психоделиком, вряд ли послужит оправданием.

Джим решил отказаться от эхинокактуса, но положил в карман куртки две пачки совершенно безобидных на вид сигарет с марихуаной. Кроме того, на последней странице своей записной книжки он записал несколько «контактных адресов» в Нью-Йорке и Лондоне. К сожалению, будущее покажет, что эти меры предосторожности были излишними.

Мы с женой были наивно убеждены, что в Кембридже невозможно достать какие-либо наркотики. Нам даже казалось, что там о них никогда и не слыхивали. Лишь после смерти Джима мы узнали правду: именно в Англии зародилось массовое потребление психоделиков! Если бы мы тогда знали, как эфемерна наша надежда спасти Джима, увозя его за океан подальше от наркоманов Хэйтс-Эшбери...

Сначала все шло прекрасно.

Мы приехали в Кембридж в конце сентября. Семестр только начался, и найти жилье было практически невозможно. Мы было пришли в отчаяние, как вдруг помог нам случай: один американский преподаватель, вынужденный внезапно уехать из города, предложил нам свою двухкомнатную квартиру. Эта абсолютно новая и весьма комфортабельная квартира находилась в Карлтом-Уэй — очень приятном жилом районе, расположенном в десяти минутах ходьбы от университета и Кембриджского колледжа. На следующий день в полдень мы въехали туда со своим багажом.

Мы с Джимом и раньше много путешествовали, но всегда останавливались в гостиницах или мотелях. Никогда еще мы не оказывались вдвоем в квартире, предоставленные сами себе. Разумеется, наше общение, ограниченное решением бытовых вопросов, происходило теперь на гораздо более низком интеллектуальном уровне, нежели прежде. Впрочем, наши откровенные беседы не прекращались.

Мне особенно запомнился первый вечер в Кембридже, когда Джим вдруг заговорил о своих личных проблемах. Я никогда не про-

сил его подробно рассказать о лечении, лишь время от времени интересовался, как идут дела. Но на этот вопрос, дававший возможность многое рассказать, если бы Джим того захотел, я никогда не получал ответа, который бы свидетельствовал о каком-либо прогрессе. Однако в тот вечер, после ужина, когда мы впервые оказались вдвоем в гостинице, Джим внезапно начал рассказывать. Он говорил о том, что я назвал бы его «личностным кризисом». Оказывается, Джим мечтал стать альтруистом, полюбить людей, чтобы стать ближе к ним, найти настоящих друзей, которые были бы ему интересны и всегда готовы были прийти на помощь.

— Но это невозможно, — заметил он убежденно. — Как можно любить людей, если каждый, кто заботится не только о себе, неизбежно будет раздавлен обществом? Никого во всем мире не волнует, кто ты и что ты чувствуешь. Люди топчут тебя, эксплуатируют, присваивают тебе номер и забывают о тебе. Никто никому не интересен. Тогда зачем мне беспокоиться о людях? Зачем протягивать им руку?

В его словах сквозило настоящее отчаяние.

— Люди не так уж плохи, Джим. По крайней мере, большинство, — добавил я с чуть меньшей убежденностью.

— Чтобы ты ни говорил, папа, ты прекрасно знаешь, что это не так. А религиозные деятели еще менее милосердны, чем все остальные, не отрицай!

Я назвал ему несколько примеров человеческого альтруизма, но было очевидно, что

ни один частный случай не мог разрушить его обобщений. Джим был твердо убежден, что общество безлико и беспощадно, и никакие исключения из правил не могли разубедить его в этом.

— Я кое-что повидал, — настаивал он, — и знаю, о чем говорю. Ты же не будешь утверждать, что кто-то заботится о людях, живущих в Хантерс-Пойнт³. А в колледже? Там все то же самое. Кто там заботится обо мне? Никто, ты это прекрасно знаешь. Люди чудовищно эгоистичны.

Он приводил пример за примером в подтверждение своих слов, и мне трудно было опровергнуть его аргументы. Я решил сменить тему.

— Даже если люди так плохи, как ты говоришь, это не означает, что ты должен походить на них. Если каждый из нас будет поступать так же, ничего никогда не изменится. Ты волен выбрать иной путь.

Конечно, как раз это я и делаю в Хэйтс. Но вы, взрослые, называете это бегством. Как ты думаешь, почему о хиппи говорят, что они выбиты из колеи и потеряли почву под ногами?

И вновь я почувствовал, что он прав. Джим продолжал:

— По крайней мере, они знают любовь и милосердие, и мне нравится их образ жизни. Они делятся с тобой всем, что имеют. Они готовы часами обсуждать твои проблемы, и ты для них не обуза — они просто принимают тебя таким, как ты есть. Они умеют

³ Квартал наиболее грязных трущоб Сан-Франциско с негритянским населением.

любить. (Мой сын говорил с глубокой убежденностью, и я мог почувствовать, какое огромное значение имело для него приобщение к миру наркотиков.) Но сколько в мире хиппи?

Этот вопрос явно выдавал его растерянность.

Наша беседа продолжалась несколько часов, в течение которых Джим рассказал мне о своей жизни больше, чем когда-либо прежде. Он говорил о своих друзьях. Он анализировал свое чувство непригодности и страха, которое мешало ему развивать и углублять отношения с людьми.

— Вся ваша жизнь, — сказал он, — это подготовка к финальному взрыву. Разве стоит ради этого жить?

Эта беседа ознаменовала собой важный этап в наших отношениях. Она открыла путь нашим глубоко искренним разговорам в последующие месяцы. То, что я с самого начала нашей совместной жизни был в курсе кризиса, который переживал Джим, очень помогло мне отвечать на его слова и поступки и понимать некоторые его суждения и планы. То, что рассказал о себе Джим в ту ночь, вполне вписывалось в мои наблюдения последующих месяцев, которые подтвердил психиатр после смерти моего сына. Это также соответствовало тому, что произошло впоследствии. Впрочем, не будем забегать вперед.

* * *

Мы беседовали о смысле жизни, и разговор неизбежно касался ее обратной стороны, мысль о которой представляла Джима

уже несколько лет. Я имею в виду смерть, но смерть добровольную — самоубийство.

— Все бессмысленно, — говорил он мрачно. — Я ни на что не гожусь и никогда не буду годиться. Иногда я ненавижу себя до такой степени, что мне хочется умереть.

— Ты знаешь, Джим, мне кажется, что эта мысль время от времени возникает у всех. У меня в том числе. Тем не менее смерть не является решением — это лишь окончательный отказ от борьбы, преждевременное бегство.

— Да, я знаю. Порой, когда я теряю силы, когда я чувствую, что ничего не стою и ничего не могу поделать, я серьезно думаю покончить со всем этим. Понимаешь, это было бы так просто — избавиться от всего одним ударом!

— Ты в этом уверен? — спросил я. — Самоубийство, по-моему, это капитуляция. В нашей власти изменить самих себя. В этом и состоит свобода личности: изменить свои мысли, свои привычки, обстоятельства — короче, измениться самому. Если мы откажемся от этой свободы, то есть убедим себя, что не можем ничего изменить, это будет означать, что мы признаем себя побежденными.

— Да... наверное, ты прав, — сказал Джим не слишком уверенно.

— Будущее откроется перед тобой, Джим, при условии, что ты захочешь его прожить.

Джима, должно быть, тронули моя теплота и желание помочь ему, так как он слушал внимательно. Я продолжал:

— Я знаю, что ты сможешь достичь успеха в том, что тебя интересует. Ты сможешь найти ответы на свои вопросы и разобраться

в себе. И я думаю, что именно этим ты и занят с тех пор, как приехал в Кембридж, не так ли? — сказал я, глядя ему в глаза.

— Это верно, папа, я уже во многом не тот. Я очень сильно изменился. Это действительно здорово. Я люблю тебя, папа, и я счастлив, что нахожусь здесь с тобой. И все-таки... — Он внезапно замолчал.

Я нахмурился. У Джима не было привычки так откровенно выражать свои чувства.

— Я тоже люблю тебя, Джим, — сказал я, — и я не могу выразить, как мне дороги эти недели, что мы провели вместе... наше взаимопонимание важно для меня. Очень важно.

— В определенной степени, — ответил он, — я думаю, было бы глупо с моей стороны спорить с тобой. По-моему, ты прав, папа. Возможно, есть какая-то надежда.

— Есть, Джим, я в этом уверен! — воскликнул я горячо.

Через две недели нашего пребывания в Англии у Джима кончились сигареты с марихуаной, которые он провез контрабандой... Но, поближе познакомившись со своими соучениками, он обнаружил, что существует гашиш — более очищенная разновидность марихуаны, — который здесь нетрудно было достать.

Так что всего через несколько недель Джим пристрастился к гашишу, а поскольку ребята, с которыми он общался, увлекались ЛСД, он и сам вскоре вернулся к прежним привычкам.

Первое время я об этом не подозревал, с радостью наблюдая за чудесными изменениями его здоровья. Он заметно окреп, стал

бодрее, на щеках появился румянец. Исчез его ужасный апатичный взгляд, глаза блестели здоровым блеском. Джим снова обрел способность интересоваться учебой и всем, что он делал.

Однажды вечером, вернувшись в квартиру после лекции о «новых границах разума» или о чем-то подобном, я нашел Джима под воздействием ЛСД.

— Папа, — сказал он, — я только что принял «кислоту» (ЛСД). Не хочешь посидеть рядом и сопровождать меня в моем «путешествии»?

— Да, конечно, — ответил я быстро, опасаясь, как бы он не передумал.

Я по-настоящему испугался, обнаружив, что он снова погрузился в свой порок. Но поскольку я больше всего на свете хотел ему помочь — хотя не имел ни малейшего представления, как за это взяться, — я решил, что протестовать не время. Сначала нужно было вывести его из этого состояния. Любая помощь с моей стороны могла быть эффективной лишь в той мере, в какой Джим был готов ее принять. Я знал это, и тот факт, что он просил сопровождать его, был, я убежден, свидетельством доверия и откровенности.

Я сел в кресло, наблюдая как Джим заправляет музыкальный комбайн специально подобранными пластинками и включает проигрыватель. Потом он тоже сел, и мы обменялись несколькими словами; надеюсь, мне удалось скрыть свое беспокойство при мысли о том, что произойдет дальше.

Я украдкой бросил взгляд на наручные часы (настенные часы в гостиной показывали

12.15. Они остановились после нашего приезда в эту квартиру; я отметил про себя, что надо бы не забыть завести их). Было 9 часов 48 минут. «Это начнется, наверное, минут в пятнадцать одиннадцатого, — подумал я: насколько мне было известно, до начала действия наркотика должно было пройти около получаса. 9.57 — ничего. 10.06 — никаких изменений... Но всего через пару минут Джим, казалось, вошел в транс. Он застыл в кресле с широко открытыми глазами, глядя расширенными зрачками куда-то в сторону окна. Я никогда раньше не видел, как действует на человека ЛСД, но слышал, что расширенные зрачки — «естественный» признак такого состояния.

Я не знал, следует ли мне заговорить первому или подождать. Прежде чем я решил, Джим начал рассказывать. Говорил он очень четко, совсем не так, как говорят пьяные.

— Я иду вперед; дорога передо мной становится все темнее и темнее. Здесь и там какие-то силуэты, — продолжал он, указывая на одному ему видимые предметы, — но я не знаю, что это. Они большие, я чувствую себя совсем маленьким. Я не могу с ними совладать... Отовсюду идут неземные звуки...

— Это пластинка, Джим, — я попытался вернуть его на землю. — Играют два инструмента...

— Два инструмента?! Но я слышу по крайней мере дюжину! — обескураженно отозвался он.

Тогда я вспомнил, что ЛСД, как и марихуана, может разлагать звук на обертоны.

— Выключить проигрыватель? — спросил я его.

— Нет, это часть декорации, настоящей декорации.

В его словах было явное противоречие, но момент совсем не подходил для дискуссий. Я промолчал.

Джим снова заговорил:

— Она никуда не ведет... (Видимо, речь шла все о той же темной дороге.) Совсем, совсем никуда. — Его губы скривились в ухмылке, впрочем, довольно мрачной. — Никуда, ничего, ничего, абсолютно ничего. — Он снова стал серьезным. — Лучше мне туда не ходить.

— Ты можешь повернуть назад, Джим?

То, о чем он рассказывал, становилось для меня все более реальным. В любом случае стоило участвовать в его игре, чтобы поддерживать с ним диалог.

Он встал и направился на кухню, затем вернулся, держа в руке стакан с водой. На минуту мне показалось, что он вырвался из своего видения. Однако, усевшись, он снова начал описывать мрачную и грозную атмосферу, в которой оказался. Я мог бы поклясться, что она не покидала его, и тогда, когда он ходил на кухню. В какой реальности он находился в тот момент? Вероятно, в обеих одновременно. Это мне напомнило, что опыты с психоделиками приравниваются к приступам шизофрении и, следовательно, к раздвоению личности. Я вздрогнул.

Отвечая тогда на мой вопрос: «Ты можешь повернуть назад?» — он сказал:

— Я думаю, не стоит этого делать, папа, я слишком далеко. Мне кажется, я погружаюсь. — Пауза. — Это становится все более и более зловещим. Я вижу огромные искрив-

ленные деревья. Они шагают ко мне? Они делают мне знаки! Они приближаются... Боже мой, они уже надо мной!

Я встал и схватил его за руку, пытаюсь поймать его взгляд. Но его расширенные зрачки смотрели куда-то поверх моей головы.

— Попробуем вернуться назад, — предложил я; мне на самом деле казалось, что я смогу ему помочь, если он только захочет.

— Хорошо, папа, — ответил он.

Мне стало легче, но не более того. Я был непривычно взволнован.

— Сейчас стало светлее? — спросил я, пытаюсь сориентироваться в пространстве, которого я не видел и не ощущал.

— Нет, я... то есть мы, — спохватился он; действительно ли я был вместе с ним в его «путешествии» или это была простая вежливость, — мы бежим теперь в обратном направлении. Но это правда слишком далеко. Темно. Деревья шевелятся. Они наклоняются так, что почти касаются меня! И есть что-то еще. Не могу понять, что...

Значит, ничего не изменилось. У меня возникла идея.

— Ты не видишь какого-нибудь перекрестка, Джим? Может быть, есть путь покороче — по другой дороге?

— Здесь нет перекрестков, — ответил он серьезно.

Пауза. Затем он продолжил:

— Но я смотрю, я ищу. А! Я думаю, есть другая дорога... вот здесь. Давай остановимся, папа, и посмотрим, что это.

— Хорошо, Джим.

Теперь я уже представлял себе то, что его окружало.

— Я вижу какой-то свет, вон там.

Его палец указывал на угол комнаты.

— Может, пойдём напрямик, через поля? — рискнул я.

— Думаю, это возможно, — согласился он, но тут страх омрачил его лицо. — Мы опять движемся в темноту... Я не вижу, куда ставлю ноги... О, эти видения!

— Как бы то ни было, у нас нет выбора; мы знаем, что движемся к свету. Эта дорога, кажется, темна с двух концов. Пойдем к свету. Попробуем счастья.

Я подумал о молитве Аякса из поэмы Гомера: «Да будет свет, во что бы то ни стало!» (Илиада 17, 647). Я восхищался этой фразой еще в 1960 году, когда пытался примирить свою интеллектуальную честность с позицией епископа. Теперь я процитировал эти слова Джиму.

— Это прекрасно, — сказал он. — Пойдем!

На несколько минут воцарилось молчание.

— Мы вышли оттуда, целы и невредимы. Все прояснилось! Вон свет, вон дорога! Мы на ней. Пойдем туда... — Он указал куда-то в сторону стены. — Нет, остановимся, посмотрим. Как красиво! Краски, звуки... (Я вдруг заметил, что музыка звучит теперь гораздо приятнее.) И деревья! Они тоже живые. Они дышат. Я вижу листья насквозь, я вижу сосуды и клетки... — Он вытянул руки и внимательно посмотрел на них. — Я и себя так же вижу. Я часть земли, но я двигаюсь. Я больше не чувствую себя маленьким. Я сливаюсь со всем, что меня окружает. И тем не

менее это я, единственный в своем роде. Я Единственный! Я Бог!

В его словах не было ни следа гордыни, о чем свидетельствовала и следующая реплика:

— А ты не чувствуешь, что принадлежишь к вселенной, что ты Бог?

— У меня бывает иногда такое чувство, — сказал я.

Такой ответ казался мне достаточно осторожным; тогда я еще не отделил философию от теологии, но я понимал, что хотел сказать Джим.

Снова наступила тишина. Но по выражению лица моего сына я видел, что он продолжает идти по этой светлой дороге, поглощенный сияющей красотой своих видений.

Затем он встал и начал молча медленно ходить взад и вперед. Вернувшись в кресло, он, казалось, увидел меня. В первый раз с момента начала сеанса Джим посмотрел мне в лицо.

— Место, где я был и где я, думаю, еще нахожусь, расплывается и постепенно исчезает. Эта комната и все, что в ней находится, мы в том числе, кажется теперь более реальным. Это было хорошее путешествие, папа. Удалось ли мне помочь тебе представить, как это происходит?

— Да, безусловно! — воскликнул я. — Что касается меня, я...

Как же трудно было тогда говорить об этом! Несколько минут я молчал, приводя в порядок свои мысли.

Потом я заговорил. Я привел цитату из рукописей Мертвого моря и Учения двенадцати Апостолов: «Существуют две дороги,

которые ведут к знанию и власти: дорога света и дорога тьмы. Их разделяет огромная разница: на одной ангелы Божии освещают нам путь, на другой встречаются ангелы сатаны». (Послание Варнавы.)

Я был доволен, что смог найти подходящую к случаю фразу из классического религиозного источника. Отношение Джима к религии не вызывало желания цитировать ему Библию или Катехизис, но он хорошо воспринял мою реплику, и я рискнул привести еще одну строфу из Библии.

— Есть еще кое-что во Второзаконии, Джим.

— Что же? — спросил он.

— «Я тебе предлагаю жизнь и смерть, благословение и проклятие. Выбери жизнь».

Молчание. Затем Джим медленно, но твердо проговорил: «Выбери жизнь». Он несколько раз повторил эти слова, и в последующие дни я часто слышал от него эту фразу. Как я потом узнал, он даже цитировал ее в письме одному своему другу из Калифорнии.

— Я думаю, теперь неплохо бы немного поспать, Джим.

Мы встали и направились к себе в спальню. Дойдя до двери, он повернулся и сказал, улыбаясь:

— Спасибо, папа.

Было семь часов утра.

Однажды вечером Джим попросил у меня разрешения пригласить на ужин одного из своих товарищей по колледжу, который, кажется, хотел со мной познакомиться. Меня это очень обрадовало.

— Конечно! Пусть приходит хоть завтра. Джим согласился.

На следующий день мы сидели втроем в гостиной, пили кофе и разговаривали. В прическе и одежде нашего гостя были черты и классического и современного стиля. Он оказался весьма неглупым и легко выражал свои мысли. В следующем году он собирался защищать диплом по философии в одном из университетов центральной Англии. После ужина мы, как настоящие холостяки, вместе убрали со стола и вымыли посуду, продолжая беседу, которая живо интересовала как меня, так, по всей видимости, и их. Речь шла о монизме и дуализме. Когда мы вернулись в гостиную, я сказал, что мне надо поработать — впрочем, это была правда — и поставил на обеденный стол свою пишущую машинку. Когда два часа спустя наш гость ушел, Джим заглянул ко мне, и я поднял глаза от работы.

— Это очень интересный юноша, — начал я, — он заставил меня по-другому взглянуть на...

— Тогда почему ты не остался с нами? — резко перебил меня сын, было видно, что он в плохом настроении.

— О, — ответил я спокойно, — я думал, что вы хотели поговорить вдвоем, послушать пластинки. Я не хотел вам мешать.

— Ты нам совсем не мешал, — возразил Джим. — Мы решили, что тебе скучно было с нами разговаривать.

Очень жаль, потому что я, наоборот, был действительно увлечен нашей беседой. Попроси же своего друга снова прийти к нам.

Джим так и сделал. На этот раз после ужина, убрав посуду, я расположился вместе с ними в гостиной.

— Извини, папа, мы тебя оставим, — тут же заявил Джим. — Мы уходим.

Все родители сталкиваются с подобными резкими переменами в поведении своих детей, но в случае с Джимом это было действительно серьезно. В отношениях с людьми Джиму были свойственны двойственность и противоречивость. Питер, наш гость, познакомил его с группой студентов, юношей и девушек, которые жили в большом доме около колледжа. Мой сын часто ходил туда по вечерам, и хотя он не посвящал меня в подробности, у меня было впечатление, что он неплохо чувствовал себя среди них, и меня это очень радовало. Но однажды вечером, отправившись, как обычно, в этот дом, он вернулся уже через час, тихий и явно подавленный. Я оставил свои занятия и сел в гостиной, надеясь, что он поделится со мной своими проблемами. И хотя он почти ничего мне не рассказал, то малое, что мне удалось узнать, свидетельствовало о мягкости и

мечтательности его натуры, резко контрастировавших с манерами Джеймса Бонда, которым он пытался подражать.

— Я теряю время, папа, — сказал он хрипло. — У меня ничего не получается. Я ни на что не годен. Я хочу иметь друзей, мне необходимо быть любимым. Но ничего не выходит. Во мне что-то не так. Я просто не могу! — воскликнул он с отчаянием.

— Но у тебя же есть друзья, — возразил я ему.

— Да, есть... вернее, приятели.

— Возьмем, например, тех ребят, от которых ты только что ушел. Насколько я понимаю, они тебя очень хорошо приняли, ты ценишь их общество и они платят тебе тем же.

— Это не совсем то, что меня беспокоит, — ответил мой сын. — В компании все идет хорошо, но как только я пытаюсь установить с кем-то более близкие отношения, начинаются проблемы.

Я рассказал ему, какое впечатление он произвел на меня этим вечером.

— Ты был чем-то расстроен, Джим?

— Не совсем так. Сегодня все было почти как всегда. Но если я хочу особой привязанности к кому-либо, то, не знаю почему, это мне никогда не удается. Мне кажется, я просто боюсь.

Он произнес это так, будто боялся самого этого слова.

Я хочу сказать, что если я откроюсь кому-нибудь, то неизвестно, чем это кончится. Вдруг этот человек будет шокирован?

— Верно, Джим, такой риск есть, — согласился я. Но также верно и то, что ты

никогда не узнаешь, что такое любить и быть любимым, если не сделаешь первый шаг. Понимаешь, альтруизм и любовь развивают чувствительность человека.

Я надеялся, что Джим не воспримет сказанное мной как общее место. Похоже, он понял меня правильно.

На этом наш разговор закончился; Джим ушел к себе. Я слышал, как он разбирает постель и ложится.

Я наблюдал, как Джим учится общаться с людьми — и одновременно все больше теряет эту способность. Наша взаимная близость, без сомнения, возрастала. Вскоре после той ночи, когда мы вместе совершили «путешествие», он посмотрел мне в глаза и сказал:

— Я знаю, что я действительно люблю тебя, папа. Я очень рассчитываю на тебя и очень хочу, чтобы мы были вместе.

Такое проявление сыновней любви очень редко для молодых людей, даже менее закомплексованных, чем Джим. Впрочем, это было больше, чем чувство сына к своему отцу: благодаря нашей совместной жизни в Кембридже наши отношения стали отношениями двух взрослых людей.

Казалось, что именно благодаря этой сыновней привязанности и нашему взаимному доверию, Джим научился легко общаться с людьми старше его. Когда к нам приходили мои коллеги по университету, он принимал их непринужденно и даже с удовольствием и почти всегда участвовал в нашем разговоре. Он также часто ходил вместе со мной в гости и во время этих визитов никогда не чувствовал скованности. Казалось, наоборот,

что он интересуется этими людьми и отлично себя чувствует в их обществе.

Однако время от времени он реагировал совершенно противоположным образом. Иногда, встретив пришедших ко мне гостей, он вдруг уходил к себе, а потом объяснял, что «почувствовал себя лишним», словно моментально забыв о своем положительном опыте общения.

Я отчетливо помню один вечер, когда мы собрались с ним в кино: этот фильм мне порекомендовал профессор Мак-Киннон, чьи лекции я посещал. Джим хотел пойти со мной, но раздумал в последнюю минуту, и я отправился в кино один. Я сидел в первом ряду балкона. К концу фильма я вдруг почувствовал себя плохо. Левый бок так болел, что меня даже затошнило. Я отчетливо чувствовал, что боль наступает на меня из левой половины зала. (Позже я установил, что в этом направлении находилась наша квартира.)

Мне стало настолько плохо, что пришлось встать и выйти на какое-то время в фойе. Когда фильм подходил к концу, я вернулся на свое место, но тревожное ощущение неизбежного несчастья не покидало меня.

К дверям нашей квартиры я подходил со страхом, не зная, что ожидает меня внутри. Из-за двери словно исходило что-то пугающее. Не успел я повернуть ключ в замке, как услышал взволнованный голос Джима:

— Папа? Как хорошо, что ты пришел!

— Что произошло? — спросил я в тревоге.

— Плохое «путешествие», — ответил он. — Просто кошмарное. Я оказался в море, киша-

щем чудовищами, и они никак не желают уходить...

Мы перешли в гостиную, и Джим стал шаг за шагом описывать мне свое «путешествие». Из последних сил, в агонии он сражался со своими чудовищами. Я пытался нарисовать ему более успокаивающие картины, и не знаю, то ли это мои усилия подействовали, то ли просто заканчивалось действие наркотика, но он постепенно успокоился. Правда, ни радости, ни удовлетворения это ему не принесло. Джим лег спать в два часа ночи.

На следующий день он встал только в полдень, когда я уже вернулся из университета. Я приготовил ему завтрак, а себе обед. Затем немедленно и со всей откровенностью начал разговор о наркотиках.

— Послушай меня, Джим, — сказал я ему, стараясь говорить твердо, но не впадать в правоучительный тон: иначе Джим немедленно перестал бы реагировать на мои слова. — Одной из причин, по которым мы сюда приехали, было желание избавиться тебя от этой зависимости. Теперь мне кажется, что ты снова погрузился в это.

— О, довольно, папа! Только не надо проповедей!

Я хорошо запомнил подробности этой сцены, так как это был первый из целого ряда случаев, когда я наблюдал раздвоение личности моего сына.

— Нет, папа, — продолжал он. — Мой номер выпал где-то в большой лотерее. Нужно жить столько, сколько получится, пока все идет хорошо; надо пользоваться настоящим. От будущего ждать нечего. Давай же посмот-

рим на вещи реально: надо брать от жизни все, что возможно, и не создавать себе лишних трудностей. Иначе жить нельзя.

— Но у тебя так жить не получается.

— Я стараюсь. Все идет хорошо, пока я делаю то, что хочу, а я хочу жить именно так. Вы мне скажете, что другие так не думают, но мне это абсолютно безразлично. Если вникнуть, то никому нет дела до того, что я собой представляю и что делаю.

— Но мне есть до этого дело, — прервал его я.

— Да, папа, я знаю. И все же я должен идти своим путем.

— Но ведь ты не один! Надо вести себя так, чтобы представлять какую-то ценность для окружающих тебя людей.

— Для других? — переспросил он. — А какое мне до них дело? Большинство из них немного стоят; да и в любом случае, пусть они разбираются со своими собственными проблемами, а меня оставят в покое. У них тоже свой путь. Мы живем в мире волков. С волками жить — по-волчьи выть.

Джим стоял, облокотившись на холодильник, в то время как я мыл тарелки после обеда. Он притворялся небрежным: скрещенные ноги, сигарета в углу рта, — он изо всех сил старался выглядеть «крутым», как теперь говорят.

Мне это вовсе не нравилось. Он говорил так, словно не слышал меня, словно меня здесь не было. Но я был рядом и должен был продолжить разговор, чтобы попытаться ему помочь.

— Ну, допустим, — сказал я, — ты решил, будто ты один во всем мире. Но даже если

ты хочешь чего-то добиться для себя лично, нужно вести себя по-другому.

— Ты говоришь, как все взрослые, — возразил Джим. — Вы хотите навязать нам свои ценности. Люди твоего поколения стремятся только к богатству, успеху, славе... Я же и пальцем не пошевелю ради этого. Чтобы кем-то стать, нужно иметь какое-то значение в глазах других, хотя в действительности ты остаешься для них пустым местом. Лучше уж жить изо дня в день полной — насколько это возможно — жизнью. Жить настоящим — ведь никто не знает, что будет завтра.

Я попытался зайти с другой стороны:

— Но ведь настоящая, наполненная жизнь невозможна без связи с другими людьми! А если ты будешь продолжать употреблять наркотики, тебе никогда не удастся найти с ними контакт.

Казалось, у него был ответ и на это:

— Если я — такой, как я есть, — устраиваю окружающих, тем лучше; если я им не нравлюсь, что ж, ничего не поделаешь. Надо воспринимать вещи реально. Что бы и когда бы ни случилось — забудьте, не жалеете и не возвращайтесь к этому. Иначе жить нельзя. Люди бывают иногда очень милыми, и мы бежим к тем, кто делает вид, что интересуется нами, но лучше сразу понять, что, каким бы ты ни был замечательным, в сущности ты никого не заботишь. Каждый сам для себя пуп земли. Большинство людей живет, замкнувшись в своем эгоизме, так зачем же себя обманывать? Наиболее распространенный вид контакта с обществом — это борьба. Нужно быть сильным, по-насто-

ящему безжалостным. Если у тебя мягкий характер — ты пропал.

— Подожди минуту, — перебил я его. — Я не верю, что ты говоришь серьезно. Так жить невозможно: без друзей, без любви, в полном одиночестве...

— Очень даже возможно, — ответил он, — лично я так и живу. Человек, который разбирается в жизни, не ищет общения; он прячется и защищает себя. И именно поэтому нет ничего лучше наркотиков. Они уведут тебя в мир, который принадлежит только тебе и где никто тебя не найдет. Понимаешь — это твой собственный, ни на что не похожий мир. Там ты можешь плавать, летать, и ничто больше тебя не заботит... Нет, я никем не дорожу. Если тебе кажется, что меня кто-нибудь или что-нибудь хоть немного волнует, — ты просто ничего не понял. Нет, папа, каждый человек должен ощущать себя Номером 1, и если единственное средство для этого — наркотики, тем лучше.

Все мои возражения были напрасны. Джим был в состоянии, близком к трансу. Казалось, он произносит заученную наизусть речь, — так гладко он говорил.

Закончив свою триаду, он повернулся ко мне спиной и вышел, даже не удостоив меня взглядом. Все это так мало походило на Джима, которого я знал и с которым мы были так близки эти месяцы, что его монолог, который длился добрых три четверти часа, показался мне дурным сном. Я прекрасно понял каждое его слово, и все же, выйдя из кухни, он оставил меня в полной растерянности.

Несколько раз я уезжал из Кембриджа — то в Лондон, то в другие места, — чтобы встретиться с кем-то из своих друзей или коллег. Джим всегда был свободен в выборе: поехать со мной или остаться в Кембридже. Когда он отправлялся со мной, путешествие доставляло удовольствие нам обоим; особенно Джиму нравилось водить машину.

Одно из таких путешествий было связано с моими исследованиями эпохи раннего христианства. Я хотел съездить в Иерусалим, чтобы поработать над рукописями Мертвого моря и побеседовать с авторитетными в этой области учеными. Мне удалось приурочить эту поездку к Рождественским каникулам, чтобы Джим смог поехать со мной. Это было мое третье путешествие в Израиль, а Джим никогда еще там не был, и в течение всего нашего путешествия он радовался, как ребенок, и не пропустил ни одной экскурсии.

Хотя у нас были необходимые визиты, чтобы поехать в Иорданию и провести Рождество в Вифлееме, мы решили остановиться в Назарете. 24 декабря я закончил и отослал по почте корректуру моей книги «Что это за сокровище?». Я писал в ней о том, что теории, называющие местом рождения Христа Вифлеем, обязаны своим происхождением иудаистской религиозной традиции, и мне не хотелось отправлять из Вифлеема накануне Рождества работу, в которой делалось заключение, что Христос, скорее всего, родился в Назарете. Джим оценил мою щепетильность и был в восхищении, когда я подписал предисловие: «Назарет, день Рождества».

Я был приглашен на рождественские мессы в англиканскую церковь и в собор неокатолического толка. Нас с Джимом глубоко тронула атмосфера обоих богослужений, которые совершали вместе священники двух религиозных культов — протестантского и римско-католического.

Джим, уже давно не причащавшийся, принял Святое Причастие. Это было последнее причастие в его жизни.

Было уже поздно, когда мы вернулись к себе в гостиницу. Я заметил Джиму, что, поскольку он был уже на двух богослужениях, ему было бы лучше отдохнуть на следующий день, пока я буду читать проповедь в англиканской Церкви Христа.

— Нет, папа, я хочу пойти. Ты помнишь молодую арабку, которую я встретил там в прошлый раз? Она идет на службу, и я собираюсь пойти с ней.

Я вспомнил эту девушку: она была очень красивая.

— Хорошо, — ответил я, — тогда я тебя разбужу. После службы мы приглашены в дом священника на кофе по-турецки, если хочешь, можешь взять девушку с собой.

— Я не люблю такой кофе, он слишком густой и сладкий, но это может быть забавно. Я скажу Саиде.

Перед тем как лечь спать, Джим подошел ко мне.

— Папа, я надеюсь, завтра на проповеди ты скажешь правду?

— Что ты имеешь в виду? — удивился я.

— Вы знаете, что иорданские власти разрешают израильтянам, у которых родственники живут по ту сторону границы, поехать

в Вифлеем лишь один раз в год — на Пасху или на Рождество. Арабы стремятся в Вифлеем, так как считают, что это колыбель Христа. Почему бы не сказать им, что Христос родился в Назарете?

— Я не знаю, как бы они восприняли эту новость. В святых местах евангельская традиция очень живуча.

— Тем более нужно сказать им правду — ведь ты такой поборник истины! Надо обращаться с людьми, как со взрослыми, и называть вещи своими именами. Ты же сам учил меня этому!

В этих словах проявилась одна из лучших черт моего сына, то, что мне в нем больше всего нравилось.

— Хорошо, Джим, я скажу об этом завтра в проповеди.

— Отлично, папа.

Ложась в постель, я услышал, как он шепчет в полусне: «Я вижу, как прорастает зерно. Росток смелости... росток любви»...

На следующий день я выполнил свое обещание. Никогда не забуду, с каким удивлением смотрели на меня прихожане, когда я сообщил, что мог бы провести Рождество в Вифлееме, но мои исследования убедили меня, что Христос родился именно здесь, в Назарете.

Джим одобрительно улыбался.

Позже я узнал, что моя рождественская проповедь была очень плохо воспринята арабами-христианами, которые вне зависимости от реального места рождения Христа, желали поехать в Иорданию по причинам более земным: семья, дела и тому подобное.

После приема в доме священника Джим с грустью попрощался с Саидой. Зная, насколько

важны для Джима человеческие контакты, я был огорчен, что мы не могли дольше оставаться в Назарете.

* * *

Джим остался в Израиле, а мне пришлось улететь в Солсбери. Дело в том, что наша епархия в Калифорнии была побратимом епархии в Матабелеленде, в западной Родезии. В то время епископ Матабелеленда Джон Робинсон подвергался преследованиям за то, что выступал против расистской политики правительства. Я собирался оказать ему помощь, но меня выдал один американский священник из Флориды, который написал Яну Смит⁴, что я еретик и коммунист.

Родезийская полиция арестовала меня и выслала из страны. Я нашел убежище в Кении. Из Найроби я безуспешно пытался позвонить Джиму, чтобы успокоить его, так как газеты писали о моем аресте.

Сделав пересадку в Тегеране, я наконец добрался до Иерусалима. Подъезжая к гостинице, я увидел освещенного ярким солнцем Джима — он возвращался с пляжа. Он увидел, что я цел и на свободе; мы улыбнулись друг другу и, не говоря ни слова, обнялись.

* * *

Я отправился в Малави, где в то время находилась делегация высшего духовенства

⁴ Смит Ян Дуглас (р.1919) — южнородезийский политический деятель, председатель расистской партии «Родезийский фронт»; премьер-министр Родезии.

из Матабелеленда. В конце месяца я собирался съездить в США, чтобы присутствовать на ежегодной епархиальной ассамблее в Калифорнии и выступить там в защиту наших африканских братьев.

Из Малави я проехал в Рим, где Джим присоединился ко мне, и мы вместе вернулись в Англию.

Если бы не теплые воспоминания о нашей совместной поездке в Израиль, могло бы показаться, что мы и не покидали Кембридж: после нашего возвращения абсолютно ничего не изменилось. Мы так хорошо себя чувствовали в нашей квартире, что автоматически вернулись к нашим привычкам совместной жизни.

Наша квартира в Карлтон-Корте была теперь наполнена воспоминаниями: серьезные дискуссии, обеды с гостями, тихие вечера вдвоем, совместно решенные проблемы... Но здесь незримо присутствовали также следы удачных и неудачных «путешествий», которые мы совершали вместе с Джимом: он — под воздействием наркотиков, я — в беспокойстве за него.

Нет, ничто не изменилось, и я по-прежнему тревожился за Джима. Я видел, что он становится все более неуравновешенным, но не мог с точностью определить, насколько это серьезно, — отчасти потому, что сам Джим приписывал мои опасения той пропасти, которая разделала наши поколения и которую, как я надеялся, мне удалось сократить, насколько это было возможно. Мой сын мог часами сидеть на полу, погруженный в себя, перед включенным на полную мощность проигрывателем. Музыка гремела так,

что ни один звук из реального мира не мог бы дойти до его слуха. Джим использовал музыку как еще один способ бегства от реальности — это тоже было в некотором смысле «путешествие». «Когда музыка проникает в тебя, ты словно куда-то улетаешь», — утверждал он.

Над его кроватью на черной клейкой ленте свешивались с потолка абстрактные рисунки, которые он называл «знаками концентрации». Джим подолгу лежал на спине, устремив взгляд на эти странные изображения. Это не беспокоило бы меня, если бы речь шла о своеобразной медитации, но я боялся, что эта привычка — новый способ уйти от реальности.

Было также несколько загадочных событий, смысл которых я тогда не понял и постеснялся попросить Джима объяснить. Например, однажды вечером я должен был ужинать в городе и попросил Джима пойти со мной. Он отказался, сказав, что ждет гостей. Меня это обрадовало, и я ушел в хорошем настроении. «Хорошо тебе повеселиться», — сказал я ему уходя.

Вернувшись домой около полуночи, я нашел гостиную пустой. Никаких следов гостей — ни пепла от сигар, ни грязных тарелок, ни рюмок. Тем не менее вставные доски от раздвижного стола были сложены посреди комнаты. Напрасно я пытался разгадать смысл этой декорации: в голову мне не приходило ничего вразумительного. Джим уже лег и, кажется, спал. Я был уверен, что в тот вечер к нему никто не приходил. Может быть, он и не собирался никого приглашать и просто-напросто обманул меня? Или он

отменил гостей? Как бы то ни было, я был расстроен и смущен, хотя и не совсем понимал причину этого.

* * *

Сразу после нашего возвращения в Кембридж, где легко можно было достать наркотики, Джим снова начал регулярно их принимать. Однако, зная, что я этого не одобряю, он попытался сначала скрыть это от меня.

Однажды он вернулся в три часа дня и сказал, что хочет прилечь. В семь часов, когда я уже собирался разбудить его к ужину, он вошел в кухню. Я сразу же заметил его расширенные зрачки, но не успел даже рта раскрыть, как он воскликнул:

— Я вижу колонну, огромную колонну! Она заслонила собой весь мир! Меня медленно притягивает к ней... Вот я уже в колонне, я стал колонной... Мы с ней одно целое, нет ничего, кроме колонны, и ничего, кроме меня...

Он говорил отрывисто и так убедительно, что я сам чувствовал себя словно в наркотическом опьянении. А Джим продолжал:

— Я падаю... я падаю в колонну! О Боже! Все черное, вокруг зияющая пустота, я продолжаю падать и не вижу ни дна, ни стен. Я падаю в небытие! Так темно, не за что зацепиться... Помогите! На помощь, кто-нибудь... спасите меня! Я падаю... небытие!..

Я слушал, и ужас Джима постепенно передавался мне.

— Джим, я здесь! — Мне показалось, что он услышал меня, но не смог ответить,

парализованный своими видениями. — Джим, постарайся взять мою руку, это поможет тебе восстановить контакт с...

Я вдруг замолчал. Я собирался сказать «с реальностью», но вспомнил, что психоделические теории рассматривают обычный мир как иллюзию и проповедуют реальность мира наркотиков. Я взял сына за руку и повел в гостиную.

— Садись, — приказал я.

Джим долго сидел в оцепенении на стуле, скованный страхом, устремив взгляд в одну точку, время от времени его сотрясала дрожь.

Затем вдруг выражение его лица изменилось — как будто луч света озарил его. Он встал.

— Боже мой! — воскликнул он. — В конце виден свет. Когда я смотрю вверх, я вижу свет, папа! Свет!

Мне казалось, что я тоже вижу этот свет, отражавшийся на его лице или, возможно, идущий изнутри.

— Я так счастлив, Джим. Я знал, что ты выберешься.

— Это было... как будто огромный магнит втягивал меня внутрь колонны, сквозь колонну, и в то же время я сам был колонной. Сейчас я поднимаюсь все выше и выше к свету, это спасение, папа! — Он замолчал, нащупал на столике блокнот и записал: «Индийская колонна». Затем снова заговорил: — Я не хочу забывать этот свет! Это была индийская колонна, уводящая от действительности. Но теперь я спасен! Благодарю тебя, Господи!..

— Да, слава тебе, Господи! — вздохнул я, вытирая лоб.

Я предложил Джиму немного поесть, затем мы продолжили разговор. Я, естественно, был обеспокоен тем, что он снова совершил «путешествие», но решил не говорить с ним об этом, пока он полностью не придет в себя, и посоветовал ему лечь спать. Он так и сделал. На следующий день он был на занятиях, а когда вернулся, я тут же заговорил о наркотиках. Но все было напрасно — ведь я не мог сказать ему ничего нового.

Действительно, у меня оставалось все меньше слов. Джим довольно часто принимал «Ромилар» — в Англии это лекарство продавалось свободно, здесь его выпускали в таблетках, а не в сиропе, как в США, — и я был так обеспокоен результатом воздействия этих таблеток, что решил даже спросить у одного врача, насколько они опасны. Он знал это лекарство, но только как средство от кашля. Мы обратились за информацией к специалисту по наркотикам, и тот ответил, что только недавно узнал о возможности использования «Ромилара» как галлюциногенного средства, но уже первые наблюдения показали — этот наркотик еще опаснее, чем ЛСД, независимо от срока применения. Я подробно рассказал об этом Джиму, который выслушал меня и вежливо поблагодарил.

Он, видимо, думал об этом, так как вскоре радостно сообщил мне:

— Папа, я никогда больше не буду принимать «Ромилар»!

— Это очень хорошо, — сказал я.

— Я так и знал, что ты обрадуешься, — улыбнулся он.

И все же он попробовал его еще один раз — последний.

Хотя я был всерьез обеспокоен тем, что Джим все глубже погружается в наркотики, я не видел никакой возможности ему помешать. Сколько бы мы ни спорили, окончательное решение всегда оставалось за ним. Если бы я запретил ему принимать наркотики дома, он начал бы посещать наркопритоны, а я добился бы лишь того, что он перестал бы мне доверять. Если уж он не мог с этим справиться, я предпочитал находиться рядом, чтобы помогать ему в его путешествиях, а в случае необходимости вызвать врача. И все-таки я не мог уследить за каждым его шагом — ведь ему было уже двадцать лет.

Постепенно я осознал, что, несмотря на все положительные стороны нашей жизни в Кембридже и Израиле, ничто, в сущности, не изменилось. Джим снова погрузился в свой порок, который побудил меня увезти его в Англию.

Да и сам он, похоже, признавал, что ничего не достиг, что все радостные и тревожные события прошедших месяцев прошли, не оказав на него никакого влияния. В своем дневнике он писал:

«Дни плывут, как вертящиеся двери, становясь все тяжелее и тяжелее. Мы отталкиваем их от себя один за другим, но за ними приплывают новые. Ничего не поделаешь. Именно поэтому так тяжело...»

Должен признаться, что я, как это ни печально, потерял всякую надежду на его выздоровление. Правда, теперь он принимал наркотики реже, но не было никакой уверенности, что так продолжится и дальше.

После долгих колебаний Джим решил вернуться в Соединенные Штаты, куда я собирался съездить на епархиальную Ассамблею. Он рассчитывал записаться на второй семестр в государственный колледж в Сан-Франциско. Однако Джим хотел задержаться на несколько дней в Нью-Йорке, так как я должен был уехать 2 февраля, а у него было время до пятого — предельного срока, чтобы успеть записаться в колледж.

Так что на среду 2 февраля мы оба с ним заказали билеты на самолет, только я должен был лететь через полюс в Сан-Франциско, а Джим отправлялся в Нью-Йорк.

Когда мы проходили контроль в лондонском аэропорту, Джим обнаружил, что забыл свой паспорт в Кембридже. Сначала я собирался посадить сына в самолет, а сам улететь часом позже, но это недоразумение изменило наши планы. Один из служащих посоветовал нам обратиться в генеральное консульство США в Лондоне, где Джим мог получить дубликат своего паспорта, и тогда ему не нужно было бы возвращаться в Кембридж. В этом случае он успел бы вернуться в аэропорт к следующему рейсу, который улетал через три часа.

Другого выхода не было. Я дал Джиму деньги на такси до Лондона и обратно. В зале ожидания мы обнялись и попрощались, и я поднялся на второй этаж, чтобы пройти паспортный контроль. На верхней ступеньке я оглянулся, и именно в этот момент Джим поднял на меня глаза. Мы помахали друг другу, и тут я вздрогнул. Меня вдруг испу-

гала мысль, что мой сын должен будет провести несколько дней совсем один. Эта смутная тревога связана с мыслью о наркотиках.

* * *

Хотя я был очень занят в последующие дни, я обратил внимание, что Джим не позвонил мне из Нью-Йорка, чтобы сообщить адрес своей гостиницы и предупредить о времени приезда в Сан-Франциско. К пятому числу мое беспокойство возросло: ведь именно в этот день он должен был прилететь, чтобы успеть записаться в колледж. Тем не менее я отнес это опоздание на счет беспечности, свойственной молодым, которые не способны понять, что родители за них волнуются.

Входя в собор, где должна была состояться служба в честь открытия епархиальной Ассамблеи, мы с женой говорили о Джиме, и Эстер пообещала уйти сразу после окончания моей проповеди, чтобы не пропустить его звонок.

— Конечно, он может приехать и без звонка, — сказал я, пытаюсь скрыть свою тревогу.

Служба шла своим чередом до того момента, когда жезлоносец в сопровождении капеллана, преподобного Дэвида Барра проводил меня с клироса на кафедру, откуда я должен был выступать. Хотя я успел уже привыкнуть к присутствию в церкви телекамер, фотографов и репортеров, к их передвижениям во время проповедей, оживление, царившее в тот день в соборе, показалось мне необычным. Журналисты шныряли туда-сюда, оживленно переговариваясь. Я за-

метил, что даже каноник Ховард Фриман, ответственный за связи епархии с общественностью, направился к северному нефу и заговорил с каким-то человеком, чего никогда раньше не делал. Все это мельтешение отвлекало меня и мешало сосредоточиться.

Тем не менее я закончил проповедь и даже остался ею доволен. Когда я снова надевал епитрахиль и митру, чтобы вернуться на свое место на клиросе, я увидел каноника Тревора Хоя, который ждал меня вместе с другими коллегами по епископству. Такое неожиданное нарушение этикета удивило меня, так как по рангу каноник не имел права занимать место капеллана.

— А где же Дэвид? — спросил я.

— Его вызвали на улицу, — коротко ответил Тревор.

Он повернулся и проводил меня к моему креслу, и в тот же момент викарный епископ, преподобный Ричард Миллард, поднялся со своего места и подошел ко мне. Они с Тревором повели меня к двери, за которой начинались внутренние монастырские галереи; Дик держал меня под руку. Я находил этот новый церемониал странным и не совсем подходящим для собора.

— Что происходит? — спросил я наконец.

— Вас срочно просят выйти.

Тут я увидел Дэвида, который стоял во внутренней галерее, одетый в городской костюм.

— Что такое? — Все происходящее все больше меня беспокоило.

— Мне нужно вам кое-что сказать, — ответил Дэвид. — Пойдемте в резиденцию.

Он повел меня через автомобильную сто-

янку. Я помню, что в душе у меня была какая-то пустота. Зачем прерывать службу? Я совершенно не понимал, что происходит.

— Джим, ваш сын...

— Джим?

— Он... умер, — с трудом произнес капеллан.

Я едва разобрал, что он сказал, и посмотрел на Дэвида с недоверием.

— Покончил с собой в номере гостиницы в Нью-Йорке. Выстрелил себе в голову...

— Этого не может быть, — прошептал я, еще не осознав до конца, что произошло. — Откуда известно, что это Джим?

Дэвид уверенно повел меня в резиденцию.

— Пойдемте, — сказал он мне, — вас ждет Ховард, он вам расскажет все подробности.

Почти ничего не видя, я последовал за Дэвидом в кабинет Тревора. Ховард обнял меня со слезами на глазах. Дэвид тоже плакал.

— Джеймс, — сказал он тихо, — это я помешал журналистам сообщить об этом. Я хотел, чтобы вы произнесли эту проповедь, которая была так дорога вам и, полагаю, Джиму тоже. В конце концов, ничего бы не изменилось, если бы вы узнали об этом немного раньше.

— Понимаю, но... это точно Джим?

— Да, я проверил. Я звонил в Нью-Йорк и разговаривал непосредственно с сержантом полиции. Нет никаких сомнений...

— Это произошло в номере гостиницы? — зачем-то переспросил я.

— Да, на 31-й улице. Вне всякого сомнения, самоубийство. Он выстрелил в себя из ружья.

Мне это было безразлично; гораздо важнее было знать, когда это произошло.

— В полиции считают, что это, должно быть, произошло в первые часы после полуночи по нью-йоркскому времени. Никто не слышал выстрела, и его обнаружили только во второй половине дня. Потребовалось время. Чтобы установить его личность (при нем не было паспорта) и чтобы определить название магазина, где он купил оружие. В номере нашли квитанцию, выданную в местном магазине спортивных товаров. Нас предупредили около семи утра. Я едва успел сдержать репортеров, но они, надо сказать, отнеслись к этому с пониманием.

Я хорошо слышал Ховарда, но смысл его слов не доходил до моего сознания.

— А моя жена? — вдруг вспомнил я. — Кто-нибудь сообщил Эстер?

— Нет, — покачал головой Дэвид. — Она ушла из собора, как только закончилась ваша проповедь.

— Да, я знаю, она хотела вернуться домой, чтобы подождать телефонного звонка от Джима. Фил, — я повернулся к своему старому другу Филу Адамсу, канцлеру епархии, который бесшумно подошел к нам, — не могли бы вы позвонить Эстер и попросить ее не подходить к телефону до моего возвращения? Я немедленно еду домой.

Я не хотел, чтобы Эстер узнала о гибели сына от репортеров.

Машинально я снял облачение; Дэвид протянул мне пальто и шляпу, и мы быстро сели в машину.

Эстер ждала моего возвращения. Телефонный звонок Фила совсем ее растро-

жил — я мог бы догадаться об этом, если бы сам не был в таком состоянии. Поскольку новостей от Джима не было, она подозревала худшее.

— Джим, да? — спросила она, заглядывая мне в глаза.

— Да. — Я отвел ее в гостиную и усадил на софу.

— Я знала, — сказала она, схватившись за голову, — я сразу поняла.

— Он покончил с собой в Нью-Йорке, в гостинице. — Я сам до конца еще не верил в то, что говорил. — Выстрелил в себя из карабина.

Мои собственные слова эхом звучали у меня в ушах. Эстер, как и я, не могла плакать. Пока еще не могла. Но позже, когда страшная правда во всей своей непоправимости дошла до ее сознания, она разрыдалась. Я, как мог, пытался ее утешить.

Приходили какие-то люди, выражали нам свои соболезнования. Один за другим возвращались дети, и я каждому сообщал о Джиме. К нам зашли несколько близких друзей, чтобы сказать, как они нам сочувствуют. Мы с Эстер разговаривали с каждым, объясняя то небольшое, что знали.

В соборе викарный епископ попросил всех помолиться за усопшего и его семью, а потом прервал службу.

Только поздно ночью я смог какое-то время побыть один. В спальне меня встретила теплая улыбка Джима с портрета на тумбочке, и тут я сдался и заплакал. Я повернул фотографию лицом к стене, не в силах смотреть на нее, упал на кровать, только теперь до конца осознав, что Джима не стало, что он умер. Боль душила меня.

Собор был полон. Служба утешила меня и очень взволновала. Все присутствующие были охвачены единым чувством, вместе пели и молились. Здесь были люди разных вероисповеданий и даже атеисты. Мы слушали пасхальную литургию. Панихида состоялась в понедельник. В среду мы отправились в Сан-Рафаэль, к северу от Сан-Франциско и сели в комфортабельный катер с крытой кабиной. Нас сопровождал ректор колледжа Сан-Пол, мой давний друг, который и организовал это путешествие. Сначала мы взяли курс точно на юг, затем, пройдя Анжел-Айленд, повернули на запад.

Возле Голден-Гейт-Бридж мы прошли под мостом со стороны Тихого океана и, выходя из бухты, развеяли пепел Джима по волнам. Глядя, как ветер уносит его, я почувствовал, как жестокая тоска сжимает мое сердце. Я потерял не только сына, но и самого дорогого друга.

Из-за этих трагических событий мое возвращение в Англию, разумеется, было отложено. Однако, когда я почувствовал, что мое присутствие не является больше необходимостью ни для моей семьи, ни для меня, я заказал билет в Англию.

Мой капеллан Дэвид Барр уже улетел в Лондон, чтобы подготовить проект помощи Мателеленду, который был принят епархиальным съездом. Переписка с Родезией стала почти невозможна из-за почтовой цензуры, и английская африканская миссия, которая располагалась в Лондоне, служила нам для передачи информации. Следовательно, мне необходимо было вернуться в Англию.

Дэвид пригласил в Кембридж миссис Мэйри Бергруд. Эта дама, принадлежавшая к калифорнийской епархии, помогала мне раньше в расшифровке рукописей. Теперь она поправлялась после тяжелой хирургической операции и не могла еще в полную силу приступить к работе. В момент смерти Джима она находилась в Норвегии, где жили ее родители, а теперь приехала в Англию, чтобы помочь Дэвиду подготовить кое-что к моему приезду.

Джим оставил в квартире вещи, которые я намеревался увезти вместе со всем багажом при окончательном отъезде в США. Они с

Мэйрн все рассортировали: кое-что выбросили, кое-что отдали на благотворительные цели. Некоторые вещи были приготовлены к отправке, остальные аккуратно лежали в шкафу в ожидании, когда я решу, что с ними делать. Затем Дэвид и Мэйрн навели полный порядок в квартире и закупили все необходимое. Кроме того, они пересмотрели расписание моих проповедей и перенесли на другие дни консультации, которые я пропустил в связи с трагическими событиями. Они ответили на все письма, которые были в их компетенции, и в ожидании моего приезда начали готовить проект помощи Матабелеленду.

Я прибыл в Лондон утром в среду 15 февраля 1966 года, то есть примерно через две недели после трагической даты. Дэвид Барр и Мэйрн Бергруд встречали меня в аэропорту. Для меня это было радостью и утешением — снова увидеть двух моих друзей, чья поддержка так много для меня значила. Пройдя таможенный контроль, я вздохнул с облегчением — я рад был, что снова нахожусь в Англии с этими дорогими для меня людьми.

Я бы солгал, если бы не признался, что ощущал некоторый страх при мысли о возвращении в квартиру, полную воспоминаний о моем сыне. Я боялся, что мне тяжело будет вновь оказаться в этом доме, где мы прожили с ним несколько счастливых месяцев, и невольно пытался оттянуть момент приезда в Кембридж: мы то и дело сворачивали с шоссе, и я демонстрировал капеллану, впервые приехавшему за границу, архитектуру англиканских церквей. Таким обра-

зом, огибая Лондон, мы осмотрели по дороге собор Св. Албана и прилегающую к нему территорию, а также множество деревенских приходских церквей.

Но, конечно, мы же не могли избежать разговоров о смерти Джима и снова и снова пытались найти причину.

Я опять задавал себе вопросы, которые возникали еще в Сан-Франциско и которые мучили меня в течение многих последующих месяцев. Мог ли я что-нибудь сделать, чтобы помочь Джиму? Какова была причина его самоубийства? Не совершил ли я ошибку, позволив ему одному вернуться в США? Мог ли я заставить его — вполне взрослого человека — изменить свое поведение? Выполнил ли я свой отцовский долг? Я не сомневался, что Джим покончил с собой под воздействием наркотиков, — впрочем, это утверждалось и в заключении судебно-медицинского эксперта. Бессвязность стихов, которые он написал перед смертью, говорила о том, что он потерял контакт с реальностью. Но подробностей мы не знали. В том, что наркотики повлияли на его поступок, я был уверен, но разве было бы лучше, если бы он действовал в состоянии нервной депрессии? Что с ним происходило в эти последние дни в Нью-Йорке? Обдумал ли он заранее свой поступок?

Когда мы наконец приехали в Кембридж, я первым вошел в квартиру и обвел взглядом знакомые комнаты. Удивительная вещь — чувства угнетенности, которого я боялся, не было. Наоборот, меня тотчас же охватил поток счастливых воспоминаний. Несмотря на страшные моменты, когда Джим предавался наркотикам, мы прожили здесь с ним много

счастливых дней. Мы вместе развивались, учились любить, узнавать и ценить друг друга больше, чем когда-либо прежде. В Америке я с благодарностью вспоминал Кембридж и теперь был счастлив, что снова оказался здесь.

Я с облегчением и удвоенным рвением посвятил себя работе. Это было превосходное отвлекающее средство, и нас — моих замечательных помощников и меня — ожидал большой труд. Мой полугодовой отпуск подходил к концу 15 марта, и у нас оставался всего месяц. Я не чувствовал, что предаю сына, возвращаясь к своей работе: большая часть моих планов была одобрена Джимом, и он сам хотел участвовать в их осуществлении. Например, когда на следующий день после моего возвращения из Малави я позвонил по телефону профессору Манчестерского университета д-ру Джону Аллегро, именю Джим предложил мне договориться о встрече с ним.

Заранее условленная дата визита пришлась на пятницу после моего возвращения. И мы отправились в Манчестер, но Джима с нами уже не было.

Мы с друзьями обсудили с профессором Аллегро результаты его исследований рукописей Мертвого моря, а на следующий день посетили выставку этих самых рукописей в библиотеке Джона Райленда в Манчестере. В воскресенье мы посетили утреннюю службу и причастие в соборе Линкольна и затем отправились обратно в Кембридж через Кингс-Линн и Или. Когда мы вошли в квартиру, было девять часов вечера.

Это был тот самый вечер, когда мы, вернувшись, нашли две почтовые открытки,

лежащие под углом в 140 градусов на полу между двумя кроватями в моей спальне.

Поскольку никто из нас троих прежде не видел этих открыток, то было логично предположить, что их уронила уборщица. Но когда мы спросили ее об этом, она очень удивилась. Я знал ее как человека порядочного и честного, и у меня не было причин подвергать ее слова сомнению. Мы так и не нашли никакого объяснения появлению этих открыток, поскольку уборщица, уходя, всегда закрывала дверь на ключ. Случай был любопытный, но ничего сверхъестественного здесь не было, и хотя эти открытки напомнили мне о Джиме, который покупал их всюду, куда бы ни приезжал, нам и в голову не пришло как-то связать их появление с моим сыном. В конце концов мы решили, уходя, тщательно закрывать дверь на ключ, что до сих пор казалось нам излишним. Уборщица пообещала поступать так же.

Но утром 22 февраля произошло нечто еще более необъяснимое. Мы с Дэвидом уже завтракали, когда в кухню вошла Мэйрн.

— Что с вашими волосами? — удивленно спросил Дэвид.

— С волосами? — переспросила она. — А что такое?

Тогда и я увидел то, что заметил Дэвид.

— Часть ваших кудрей порыжела, — объяснил я.

Мы с Дэвидом присмотрелись внимательнее: у Мэйрн справа надо лбом волосы были сожжены. Кончики прядей почернели (Мэйрн была блондинкой), но на лице не было никаких следов ожога. Миссис Бергруд подошла к зеркалу, чтобы взглянуть на себя, и вернулась крайне удивленная.

Мы принялись строить предположения. Очевидно, ожог все-таки имел место: результат был налицо, — но мы не могли себе представить, как это могло произойти.

Итак, мы столкнулись с настоящей тайной, и от этого нам было не по себе. Мы не стали больше об этом говорить, надеясь, что будущее даст нам ключ к этой загадке.

На следующее утро явление повторилось. Треть кудрей Мэйрн загадочно исчезла, сожженная по прямой линии. Мы были крайне расстроены и даже смущены. Разве можно было найти этому объяснения? В конце концов Мэйрн попыталась пошутить:

— Ну, Бог с ними. Тем лучше для тех, кому не нравились мои кудри.

Эти слова поразили меня: я вспомнил, как Джим сказал мне однажды в Сан-Франциско, после встречи с Мэйрн, что ему не нравятся ее кудри. Со свойственной ему откровенностью он и ей заявил, что лучше бы ей подстричься!

* * *

На следующий день, 24 февраля, мы собирались в Лондон, где у всех у нас были дела. Я проснулся первым, приготовил кофе, разбудил Дэвида и направился к спальне Мэйрн. Когда я поднял руку, чтобы постучать в дверь, из ее комнаты вдруг донесся крик боли. Осторожно приоткрыв дверь, я позвал:

— Мэйрн?

Ответа не было. Я заглянул в комнату. Мэйрн сидела на кровати, словно загнипнотизированная глядя в окно. Как бы в ответ на скрип двери она прошептала что-то невнятное о «тех, кто снаружи», и об «архидьяконах».

Между тем Дэвид, услышав крик Мэйрн, подошел ко мне, и какое-то время мы стояли с ним на пороге, не зная, что делать. На лице миссис Бергруд был написан ужас.

— Мэйрн! — позвали мы в один голос.

Она тихо застонала, как будто пытаюсь очнуться от глубокого сна.

— Мэйрн, что происходит?

Она повернулась, посмотрела на нас и вдруг схватилась левой рукой за правую руку, вскрикнув:

— О! Мои пальцы!

Я посмотрел на ее руки. Ногти на третьем и четвертом пальцах были сломаны и кровоточили, словно под них втыкали иголки. Один из ногтей был совершенно сломан и позже сошел, под другим была нешуточная рана.

— Надо вызвать врача, — сказал я, чувствуя потребность что-то делать.

Мы с Дэвидом оба были потрясены: все это казалось совершенно невероятным.

— Да нет... все нормально, — отозвалась Мэйрн не слишком уверенно.

Дэвид ходил по комнате в полной растерянности.

— Да мы и не можем задерживаться, у нас же назначены встречи...

Разумеется, Дэвид был прав, но я чувствовал, что его реакция выдает скорее нашу беспомощность в этой ситуации, чем опасение не выполнить свои обязательства. Однако нужно было как-то помочь Мэйрн.

— У нас здесь есть бинты... или пластырь? — спросил я, хотя был единственным, кто должен был это знать.

— Я посмотрю.

Это ответила сама Мэйрн, направляясь к двери.

— Давай поищем, может быть, мы найдем какие-нибудь следы, — сказал я Дэвиду. — Ей под ногти вгоняли что-то острое...

Мы открыли ящики, посмотрели под кроватью, на полу, в шкафу, но не нашли ни одного острого предмета — ни булавки, ни иголки, ни ножниц. Вернулась Мэйрн, заклеив лейкопластырем сломанный ноготь.

— Боже мой! Мэйрн! — вскрикнул Дэвид. — У вас сожжены все кудри!

Мы осмотрели ее волосы — точнее, то, что от них осталось; казалось, этим загадочным явлениям не будет конца.

— Что же все-таки происходит в этом доме? — проговорил я, зная, что ответ не получу.

Мы с Дэвидом расспросили Мэйрн о ее сне про «архидьяконов». Она почти ничего не помнила, и я напомнил Дэвиду — Мэйрн об этом не знала, — что слово «архидьякон» означало когда-то «архидемон». В Средние века «архидьяконы», епархиальные администраторы, были настолько непопулярны, что их называли «глазами епископа». Вопрос о том, может ли архидьякон спасти свою душу, был предметом частых дискуссий на теологических факультетах университета.

Но ничто не могло рассеять нашего недоумения.

Время поджимало. Если мы не хотели опоздать на встречи в Лондоне, нужно было немедленно выезжать. Мы оделись, наскоро позавтракали и поспешили к гаражу. Чувствовали мы себя неважно. Что касается меня, я помню, что мой завтрак надолго застрял где-то на подходе к желудку.

* * *

В машине мы с Дэвидом говорили не умоляя, как будто обилие слов могло компенсировать наше непонимание. Перебрав все возможные гипотезы, какие только смогли изобрести, мы решили составить отчет о событиях, начиная со случая с открытками, включив туда дату, описание явлений и указание на то, кто первый его обнаружил. Мы собирались записывать лишь то, чему свидетелями были все трое, отказавшись от всяких попыток объяснить эти загадочные явления. Мэйрн первая отпечатала свой отчет на листке, который мы так и оставили в пишущей машинке, чтобы соблюдать порядок записей.

Начиная с этого дня, мы тщательно фиксировали все детали. Эта предусмотрительность дала мне незаменимый материал, который я использовал при написании этой книги.

Пока мы ехали в Лондон и пытались отвлечься, разговаривая о работе. В какой-то момент я заметил, что Мэйрн не сказала ни слова с момента нашего отъезда.

— Что с вами, Мэйрн? — спросил я. — Так болят ногти? Вы всю дорогу молчите...

— Болят, но терпимо. Дело не в этом. Я не знаю, сколько еще смогу выдержать...

— Конечно, я вас понимаю, — тепло сказал я. — Это довольно тяжело. Очень жаль, что вы стали жертвой всего этого. Надеюсь, мы сможем все выяснить и понять, что происходит.

Но, к моему большому удивлению, Мэйрн ответила:

— Мне кажется, я могла бы вынести что угодно, пока доверяла вам обоим и уважала вас. Но, откровенно говоря, после того, что

вы наговорили мне сегодня ночью, я не знаю, что и думать.

— Я не понимаю, что вы имеете в виду, — сказал я совершенно искренне.

— Да то, что вы кричали вчера вечером у себя в спальне.

— Я на самом деле не понимаю, о чем идет речь, — повторил я. — Вчера я моментально заснул.

Я лег в тот вечер немного раньше Дэвида и Мэйри, желая хорошо выспаться накануне предстоящей поездки.

— Вы говорили вполне отчетливо. Вы уже легли, когда нам с Дэвидом понадобилась одна книга, которая стоит у вас в шкафу. Я заглянула к вам — вы спали. Тогда я на цыпочках вошла в комнату, и в этот момент вы приподнялись на кровати и начали говорить.

— Да что вы?! — Я был совершенно ошеломлен.

— Я думала, это мои шаги вас разбудили...

Мэйри заговорила громче; видно было, что она очень взволнованна.

— То, что вы сказали, открыло мне глаза. Я в вас так разочаровалась! Я была счастлива, что могу помочь вам здесь так же, как помогала в Сан-Франциско, и не только из-за денег, которые вы мне платите, но и потому, что очень уважала вас... уважала таким, каким вы мне казались...

— Спасибо, это очень любезно с вашей стороны, — сказал я саркастическим тоном. — Я знаю, что вам пришлось многое пережить, я об этом думал, но все же вы преувеличиваете. Итак, вы «уважали»...

— Да, вот именно, «уважала», — подтвердила Мэйри. А затем добавила: — Я знаю,

что вы перенесли тяжелый удар, и счастлива, что вы возвращаетесь к жизни, но это еще не дает вам права выдавать себя за того, кем вы не являетесь!

— Выдавать себя за кого? — спросил я, совсем сбитый с толку.

Мой недоуменный вид, кажется, поразил ее.

— Вы хотите сказать, что ничего не помните? Если бы вы были пьяны, я бы еще вам поверила, но...

— Я вам повторяю, что абсолютно не помню ни как вы вошли, ни как я сел на кровати, и не имею ни малейшего представления, что я там мог наговорить!

Какое-то время она испытующе смотрела на меня. Затем вмешался Дэвид:

— Послушайте, Мэйри, вы же видите, он не понимает ничего из того, что вы говорите. Скажите же, что вы слышали, а потом я вам тоже кое-что расскажу.

И Мэйри начала свой рассказ. По ее словам, в ту ночь я сказал примерно следующее:

— Нет ничего глупее, чем заботиться о людях. Я ни на кого не могу рассчитывать и абсолютно не хочу, чтобы кто-нибудь рассчитывал на меня. Единственное, что их всех интересует, — это они сами. Значит ли это, что надо эксплуатировать людей, использовать их, а затем выбросить, как ненужную вещь? Раньше я так не думал, но иногда это единственный способ добиться того, чего хочешь. Лучше быть сильным, чем мягким. Тогда никто не сможет тебя обидеть. Принципы должны основываться на фактах. Думайте только о себе, любимом — это единственная верная позиция!

Мэйри призналась мне, что была особенно поражена моим голосом, который звучал с не свойственной мне жестокостью. Она решила, что ошиблась, считая меня человеком добрым и чувствительным, что это была лишь видимость, а в действительности — я представляю собой полную тому противоположность. Мэйри не хотела говорить об этом Дэвиду, чтобы он «не узнал, кто я такой на самом деле».

Дэвид, в свою очередь, рассказал нам, что произошло этой ночью с ним. Он отправился спать очень поздно. Когда он вошел в нашу спальню, я уже спал глубоким сном. Он лег в кровать, но не мог заснуть, несмотря на поздний час. В конце концов он, должно быть, задремал и проснулся в половине третьего ночи в ужасной тревоге: его вдруг пронзила мысль, что он никогда ничего не достигнет в этой жизни. Его угнетало острое ощущение собственной неполноценности, он чувствовал себя слабым, отвратительным и бездарным.

Тогда, чтобы разогнать черные мысли, Дэвид встал с целью еще немного поработать. Его кошмар был настолько сильным, что он дрожал еще и теперь, рассказывая нам об этом. Он хотел поделиться с нами раньше, но утренние события отвлекли его. А теперь рассказ Мэйри напомнил ему об этом ночном кошмаре.

По мере того, как Дэвид рассказывал, мне все больше становилось не по себе, так как я начал подозревать, что последние события каким-то образом связаны с Джимом. В это трудно было поверить, но других правдоподобных объяснений я не видел. Я спрашивал

себя: возможно ли, чтобы эмоциональная, депрессивная и негативная сущность Джима каким-то образом осталась в этой квартире и что она-то и явилась причиной всех этих невероятных явлений?..

* * *

Несмотря на утренние события, мы все же успели сделать в Лондоне все, что намечали. Странные приключения последних дней постепенно забыты, и мы все трое сосредоточились на работе. Но, вернувшись в Кембридж на следующий день, мы стали свидетелями серии таких необычных явлений, что нам волею-неволею пришлось вернуться к их осмыслению.

Я четко помнил, что, уезжая, тщательно запер дверь. И все же теперь на полу моей спальни между двумя кроватями лежали две книги карманного формата, расположенные под таким же углом, что и открытки, и в точности в том же месте — перед ночным столиком. Ни Дэвид, ни я этих книг не брали; собственно, к ним никто не прикасался со дня их покупки, и они спокойно стояли на полке в гостиной. В одну из них — «Армагеддон»⁵ Леона Уриса — была вклеена почтовая открытка с изображением собора в Питерборо, которая лежала раньше на буфете вместе с тремя другими. Что за клейкая масса была при этом использована, мы так и не поняли — это было какое-то неизвестное нам вещество. Другая книга называлась «В кровать в полдень».

⁵ В Библии сражение Армагеддона символизирует борьбу между добром и злом

Какое-то время мы стояли в полном недоумении, как вдруг Мэйрн вскричала:

— А где фотографии верблюдов? Помните, они здесь стояли?!

Она имела в виду два мгновенных снимка, которые сделал гид из Бершевы во время нашего с Джимом путешествия в Палестину и которые стояли на раме зеркала, куда я сам их вставил месяц назад, после нашего возвращения. С тех пор их никто не трогал, и Дэвид с Мэйрн, разумеется, не раз их видели на этом месте. На запыленном зеркале еще виднелись чистые прямоугольники там, где они стояли. Неожиданно Дэвид повернулся и уверенно направился к платяному шкафу. Он сунул руку под грудку одежды на книжной полке и... вытащил оттуда пропавшие фотографии.

— Откуда вы знали, где их искать? — ошеломленно спросил я.

— Не знаю... — Он сам был, видимо, удивлен своим успехом. — Меня как будто что-то толкнуло в этом направлении!

Немного оправившись от замешательства, мы внимательно осмотрели шкаф, где Дэвид нашел фотографии. В левой половине шкафа царил ужасный беспорядок: все было вверх дном, словно кто-то специально перевернул всю одежду. Я открыл дверцу, чтобы посмотреть с правой стороны. К нашему великому удивлению, там царил абсолютный порядок: рубашки и костюмы тщательно развешаны на плечиках, обувь и тапочки выстроены в безупречную линию. Это поразило меня, так как мне никогда не удавалось поддерживать в шкафу такой идеальный порядок

* * *

Раньше я слышал о явлении, называемом полтергейстом⁶, но довольно смутно представлял себе, что означает это слово. Насколько я помню, это дух умершего человека, который создает некоторый беспорядок в доме, где он раньше жил. Я задумался, не это ли происходит в нашей квартире. Ведь похоже, что все, что нам пришлось испытать в последнее время, было делом рук моего сына, исчезнувшего, но живого!

Я был так погружен в свои мысли, что не заметил, как Дэвид и Мэйрн вышли из комнаты. Позже Дэвид признался, что теперь что-то подтолкнуло его в гостиную. Он сразу же заметил, что будильник Джима, стоящий на полке, показывает 8 часов 19 минут. Дэвид хорошо помнил, что эти часы давно уже не шли — я не заводил их после возвращения из Америки — и на них все время было 12.15.

— Джеймс! — позвал он.

— Я поспешил к нему; за мной прибежала Мэйрн, заинтригованная тоном Дэвида. А он спросил меня, прикрыв циферблат рукой:

— Как по-вашему, Джеймс, какое время показывает этот будильник?

— Погодите... — Я задумался. — Он давно стоит... По-моему, он должен показывать полдень или половину первого, самое позднее.

Я вспомнил, как утром 22 февраля, собираясь в Лондон, я несколько раз смотрел на эти часы, не замечая, что они показывают одно и то же время: 12 часов 15 минут.

⁶ Полтергейст — необъяснимое перемещение вещей, невольными виновниками которого часто считают подростков.

Дэвид не сказал мне, что уже больше часа. В результате мы чуть не опоздали. Дэвид хорошо помнил этот эпизод.

— Ну и что? — отозвался я. — Куда вы клоните? В тот день вы вели машину так быстро, что мы все-таки умудрились приехать в Лондон вовремя.

— О, я совсем не об этом! Посмотрите...

И он открыл циферблат. На нем было 8 часов 19 минут. Будильник все еще стоял, но теперь угол между стрелками составлял 140 градусов!

— Это любопытно, — заметил я. — Похоже, это тот же самый угол, что был между открытками и книгами!..

— Ну разумеется, — нетерпеливо перебила меня Мэйрн. — Только вот что это означает?

В ходе дальнейшего разговора мне пришла в голову мысль, что существует, вероятно, связь между положением стрелок будильника и временем смерти Джима (3 часа ночи по нью-йоркскому времени) — оно было указано в полицейском отчете. Учитывая разницу во времени между Нью-Йорком и Лондоном, мы решили, что 8 часов 19 минут вполне могло соответствовать часу самоубийства Джима по английскому времени. Мы все трое как-то сразу поверили, что это именно так.

Кроме того, все это напомнило мне о том, как Джим любил симметрию в расположении линий и вещей. Он часто проводил время за рисованием геометрических фигур или с особой художественной изысканностью переставлял мебель в квартире.

Каков бы ни был смысл этого угла — 8 часов 19 минут или 140 градусов, — мы все

более убеждались, что Джим каким-то таинственным образом причастен к этим событиям. Слишком уж много было совпадений: его любовь к почтовым открыткам, тот факт, что ему не нравились кудри Мэйрн, склонность изображать Джеймса Бонда, характер, любовь к симметрии, сомнения в себе и своем будущем... Да и как еще можно было объяснить все эти загадочные явления? Правда, я еще не решался до конца поверить, что Джим был во всем этом замешан, поскольку я не допускал мысли, что он все еще жив. И ни Мэйрн, ни Дэвид не верили в загробную жизнь. Однако мы не могли найти другого объяснения, — что, как я потом понял, было следствием нашего незнания физических явлений.

Между тем, стоило нам примириться с мыслью, что Джим некоторым образом присутствует в квартире и является автором кажущихся нам необъяснимых явлений, мы начали обращать внимание на разные мелочи. Однажды, например, Дэвид вошел в спальню и заметил, что жалюзи закрыты не так, как я это делаю обычно. Естественно было предположить, что это уборщица, приходившая в тот день, закончив работу, дернула шнурок с другой стороны, но мы не помнили, чтобы она делала так раньше, и она тоже не помнила. Поэтому мы классифицировали этот факт как необъяснимый. В другой раз Мэйрн заметила, что исчезла фотография Конни, моей младшей дочери. Джим приколот снимок на стену рядом с дверью в гостиную, чтобы тот сразу бросался в глаза: он очень любил свою сестру. Мы попытались найти фотографию, но у нас ничего не вышло, и

мы оставили поиски. А на следующее утро, одеваясь, я зачем-то открыл ящик комода: фотография лежала там, вместе с открытками, найденными прежде на полу.

Наконец, глядя изнутри на стекло входной двери, Дэвид заметил на наружной поверхности стекла несколько значков, написанных желтым карандашом; раньше он их там не видел. Значки были неразборчивы, но можно было с трудом прочесть «go» или «so» в правом углу и ниже «au»⁷. Кажется, там было еще две буквы, но разобрать их было невозможно.

Мы обследовали входные двери других квартир в поисках похожих надписей. На первом этаже не было ничего необычного, но на третьем этаже на двери виднелись неразборчивые линии, начерченные белым мелом. Разумеется, это мог быть знак для перевозчиков мебели или просто мальчишеские каракули — и все же прежде мы не находили ничего подобного, и это еще больше убедило нас, что над нашей квартирой витает тайна.

В тот вечер нам нелегко было приняться за работу. Мы знали, что не имеем права попусту терять время, но было так трудно сосредоточиться, чувствуя, что вокруг происходит нечто столь новое для каждого из нас! Тем не менее мы надеялись, что мало-помалу сумеем разобраться в происходящем. Позже мы признались друг другу: каждый из нас подозревал, что двое других его разыгрывают, и потихоньку следил за ними! Все это было очень и очень странно... если Джим

⁷ Go away — уходите прочь (англ.)

действительно был причастен ко всему этому, я был просто обязан во всем разобраться!

Несмотря ни на что, нам все же удалось как следует поработать, прежде чем лечь спать.

На следующее утро было холодно и сухо. Собираясь позавтракать, Дэвид залил кукурузные хлопья молоком из бутылки, которую достал из холодильника. Но есть это было невозможно: молоко оказалось кислым. Он открыл еще одну бутылку — тот же результат. Тогда Дэвид вышел на террасу, чтобы взять другую бутылку (температура на улице была такой низкой, что молоко там сохранялось так же хорошо, как в холодильнике), но и это молоко пить было невозможно. Он открыл четвертую, пятую, шестую бутылки — включая то, что нам принесли в то же утро, — везде молоко было совершенно скисшим. Мы снова вернулись к предположениям, от которых с трудом оторвались накануне. Я вспомнил, что где-то читал истории о ведьмах, которых обвиняли в том, что коровы в их присутствии переставали доиться — или молоко у них скисало. Меня передернуло от такой ассоциации, но похоже, перед нами было явление того же порядка. Как бы это ни было невероятно, физический факт был реальным и неоспоримым, и мы все трое были этому свидетелями.

В тот вечер в шесть часов я должен был читать проповедь в часовне Клер-Колледжа. Я пригласил с собой Мэйри и Дэвида: после всего, что произошло в нашей квартире, им было полезно ненадолго уйти оттуда.

Когда служба закончилась, я был приглашен на ужин в столовую колледжа. Мои

коллеги отправились в гостиницу Блу-Бор, чтобы подождать меня. После ужина я пил кофе в компании преподавателей и, хотя был поглощен беседой, вдруг вспомнил о времени и машинально бросил взгляд на огромные настенные часы. Меня как будто током ударило: стрелки показывали 8 часов 19 минут. Это стало символом живого присутствия Джима. Я вернулся к общей беседе, но настроение мое изменилось. Я все больше убеждался, что мой сын всеми возможными способами заставляет меня почувствовать свое присутствие... Извинившись, я попрощался с коллегами и направился в гостиницу Блу-Бор. Дэвид и Мэйри были приятно удивлены: они не ждали меня так рано.

По дороге мы выработали последовательность действий, которую решили соблюдать каждый раз, когда возвращались в квартиру. Я медленно повернул ключ в замке и осторожно открыл дверь, как будто ожидая найти кого-то внутри, хотя и знал, что это невозможно. Затем мы подробно осмотрели каждую комнату, чтобы определить, не была ли передвинута какая-нибудь вещь в наше отсутствие. Мы отмечали и обсуждали все, что казалось нам необычным. В тот субботний вечер 27 февраля, когда мы вернулись, в квартире было почему-то очень жарко. Перед нашим отъездом в Клер-Колледж у меня была встреча с молодым священником из епархии Или, я и был уверен, что опустил бы термостат, если бы во время нашей беседы почувствовал, что температура поднимается. В любом случае я больше, чем мои друзья, привык жить по-английски — при довольно низкой температуре в помещении.

Кроме того, я был уверен, что проверил термостат перед выходом.

К этому времени мы стали очень впечатлительными. Я сразу же вспомнил, что Джим имел привычку включать отопление на максимум, и иногда эта его манера меня слегка раздражала.

Мы осмотрели гостиную, не обнаружив ничего необычного, но, войдя в спальню, увидели, что моя Библия, которую я положил утром на комод, лежит теперь на полу между двумя кроватями точно на том же месте, где в предыдущие дни мы обнаружили открытки и книги. Кроме того, мы нашли Ежегодный справочник Английской церкви спрятанным за электрическим радиатором, хотя я прекрасно помнил, что днем оставил эту книгу на полке в гостиной. Так кто же мог ее потом спрятать?

Все эти факты побудили меня к действию. Я созвал своих друзей в гостиную, на военный совет и рассказал им об одном прошлогоднем разговоре.

Когда я приехал в Англию прошлой весной, чтобы прочитать лекцию в летнем лагере для священников в Клектон-он-Си, епископ Стоквуд пригласил меня поужинать в компании каноника Джона Пирса Хиггинса, настоятеля собора в Саузворке. Во время нашего неспешного и изысканного ужина во французском ресторане мы разговаривали о многом, и в том числе о парапсихологических явлениях. Когда я сообщил своим коллегам, что собираюсь взять полугодовой отпуск и обдумать на досуге некоторые теоретические вопросы, используя мой метод «факты + вера», они предложили мне провести некото-

рое время в Лондоне, где существуют обширные архивы англиканской церкви и Общества парапсихологических исследований. Покопавшись в них, я мог бы расширить свои знания парапсихологии, которые помогли бы мне в доказательстве существования жизни после смерти. Каноник Пирс Хиггинс, который много занимался аномальными явлениями, предложил помочь мне в этой работе.

Поскольку эта тема меня не интересовала, я был поглощен изучением раннего христианства, — я не давал о себе знать ни епископу, ни канонику. Время от времени я читал в прессе статьи о привидениях, полтергейсте или заклинании духов, от которых у меня осталось впечатление, что англичане более доверчивы, чем американцы, не только в вопросе загробной жизни, но и в вопросе связи с умершими.

Когда я закончил свой рассказ, мы с Дэвидом и Мэйрн решили связаться с Джоном Пирсом Хиггинсом, чтобы попросить его о помощи. Утром 28 февраля я позвонил канонику по телефону и с некоторой неловкостью извинился, что не давал о себе знать раньше.

— Но я звоню вам, Джон, — добавил я, — не по теологическому вопросу. Я нуждаюсь в... так сказать... технической помощи!

И я коротко изложил ему события, свидетелями которых мы стали за последние восемь дней, добавив, что мы с друзьями поневоле пришли к выводу, что все это связано с самоубийством моего сына.

— О да, — ответил Хиггинс, — я читал об этом. Извините, что не выразил вам свои соболезнования. Сколько точно времени прошло с того момента, как вы потеряли сына?

— Это произошло утром 4 февраля... значит, двадцать четыре дня.

— А когда начались эти явления?

— 20 февраля, — ответил я.

— Естественно, — заметил каноник. — В случае насильственной смерти, каковы бы ни были обстоятельства, душа покойного находится в растерянности и обычно не проявляет себя в течение двух недель.

— Понимаю, — сказал я, хотя все это было мне не слишком понятно. — Но что означают эти явления?

— Обычно называют одну из двух причин: или душа усопшего проявляет некоторую враждебность по отношению к новым жильцам своей квартиры, или просто способ привлечь чье-либо внимание.

— Я не могу поверить, что мой сын может испытывать враждебность при мысли, что я продолжаю жить в нашей квартире. Но если он хочет привлечь мое внимание, ему это отлично удалось! Что теперь... Как вы думаете, не посоветоваться ли мне с медиумом? Помню, вы называли мне одно имя...

— Верно, — ответил мой собеседник. — Я говорил вам о миссис Инне Твитт. Но, возможно, ваш сын хочет лишь передать вам послание; в таком случае вмешательство медиума необязательно. Вот что я вам советую: сядьте с кем-нибудь за стол, поставьте на гладкую поверхность перевернутый стакан, вырежьте из бумаги буквы алфавита, расположите их по кругу, добавьте листки со словами «да» и «нет» и положите пальцы на основание стакана; вы с вашим помощником должны сидеть напротив друг друга. А потом ждите, что произойдет.

Это предложение мне совсем не понравилось: слишком все это походило на гадание на кофейной гуще. Однако, за неимением лучшего, а также поскольку я доверял Джону Пирсу Хиггинсу, который не стал бы шутить подобными вещами, мы с Мэйрн попытались последовать его совету. Довольно быстро стакан, стоящий вверх дном на клеенке, скользнул к букве М, затем вернулся в центр полукруга и начал медленно двигаться к букве Ф.

Довольно долго ничего больше не происходило. Мэйрн уступила место Дэвиду; вскоре после этого стакан снова зашевелился, и, чтобы проверить себя и Дэвида, я слегка подтолкнул его влево. Возможно, из-за этого стакан скользнул по направлению к букве Б.

Явление было любопытным, но, несмотря на это, я отказался от дальнейших экспериментов: слишком это было долго и малоубедительно. Я не мог часами сидеть за столом в ожидании, пока стакан соизволит шевельнуться. У меня было очень много дел перед возвращением в США, и я просто не мог себе позволить тратить время на подобные занятия.

Я вновь позвонил Пирсу Хиггинсу и рассказал ему о неудаче нашего эксперимента. Не лучше ли было бы все же встретиться с миссис Твигг?

— Хорошо, — ответил каноник с некоторой неуверенностью. — Я попробую с ней договориться о вашей встрече. Она лучший медиум из всех, кого я знаю, но она очень занята. Я вам перезвоню.

Чуть позже он сообщил мне, что миссис Твигг ждет нас у себя через два дня, 2 марта, в три часа дня.

Оставшаяся часть дня прошла спокойно, за серьезной работой. Перед тем как идти спать, мы заметили, что за весь день ничего не произошло.

— Странно, — заметил я. — Неужели Джим перестал подавать нам знаки? Мне их будет не доставать...

В последние дни загадочные явления были вполне безобидными, и мы привыкли в какой-то мере чувствовать присутствие Джима. Я скучал по сыну и теперь сказал об этом друзьям.

— Все это так ново для меня, что я долго сомневался, консультироваться ли с медиумом. Надеюсь, что из-за наших колебаний Джим не потеряет надежду!

Как будто в опровержение моих слов, на следующий день произошла целая серия впечатляющих событий. Книги необъяснимым образом перескакивали с места на место, окна, которые мы оставляли открытыми, сами по себе закрывались, повсюду валялись расстегнутые булавки, в шкафу снова царил ужасный беспорядок...

Тем не менее кульминационными в тот день были два эпизода. Осматривая переворошенную одежду в спальне Мэйрн, мы стали свидетелями единственного случая самопроизвольного движения предмета.

Недавно Мэйрн купила в Уэллсе, маленьком городке на юго-востоке Англии, известном своими тонкими изделиями из серебра, туалетный набор из четырех предметов и поставила его на полку. И вот на наших глазах один из предметов набора, еще завернутый в бумагу, стал медленно двигаться к краю полки. Пока мы смотрели на него не

веря своим глазам, он дополз до края и упал бы на пол, если бы Мэйрн не поймала его на лету. Развернув пакет, мы увидели, что это ручное зеркало — единственное в этом доме. Осмотрев другие предметы набора, мы убедились, что они вполне недалеко стоят на полке, которая наклонена не к наружному краю, а скорее к стене. Я тут же вспомнил истории про демонов и ведьм, которым зеркала служили инструментами для сглаза. Но, как бы мы ни были ошеломлены, у нас не было сомнений, что это Джим напоминает нам о себе.

— Вернемся к работе, — сказал я, и мы прошли в гостиную.

Сев за стол, за которым он прежде работал с епархиальной газетой и ежегодным справочником, Дэвид обнаружил, что книга исчезла. Мы все втроем принялись за поиски, и вдруг Мэйрн почувствовала, что ее как будто что-то подтолкнуло к портфелю, который стоял у меня в спальне. Мы с Дэвидом последовали за ней; по дороге я сказал, чтобы их успокоить:

— Я уверен, справочник где-то в квартире.

И действительно — книга, которую мы искали, оказалась в моем кожаном портфеле, и никто из нас не знал, как она туда попала.

Сейчас, вспоминая все это, я понимаю, что мы слишком уж быстро приписали все эти явления Джиму и с легкостью отказались от поисков других предположений. Все, что казалось нам непонятным, мы тут же объясняли присутствием моего сына, уверенные, что он в ответе за все, что происходит. Лишь гораздо позже, в ходе моих исследо-

ваний парапсихологических явлений, мне пришла в голову другая, не менее сложная гипотеза.

Утром того дня, когда у нас была назначена встреча с миссис Твигг, мы стали свидетелями трех странных явлений. Сначала, на привычном месте между двумя кроватями была обнаружена прядь светлых кудрявых волос, принадлежавших, без всякого сомнения, Мэйрн. Надо сказать, что на прошлой неделе нам ни разу не удалось найти порывших и обугленных волос; больше того, в то утро на голове Мэйрн не было ни одного обожженного волоса.

Во-вторых, мы заметили в ванной комнате две расстегнутые булавки, образующие угол в 140 градусов, что соответствовало положению стрелок на будильнике Джима. Наконец, книга «Армагеддон» была снова найдена около ночного столика ближе к левой кровати. Между страниц была приклеена все та же открытка с видом Питерборо, но на этот раз на клейком веществе мы с удивлением обнаружили... отпечаток большого пальца! Каким образом это было возможно? Я посмотрел с подозрением на Мэйрн и Дэвида.

— Сравним эти отпечатки с вашими... и с моим, — тут же добавил я.

Мы не были экспертами в дактилоскопии, но нам показалось, что таинственный отпечаток пальца совершенно не походил на наши.

Позже я нашел этим событиям целых два возможных объяснения, но тогда мы только лишний раз утвердились во мнении, что все это — дело рук Джима.

Дом в Ист-Эктоне, куда мы приехали, походил на сотни других в этом лондонском пригороде. Маленькие и удобные комнаты, скромная старая мебель создавали очень теплую атмосферу. Ина Твитг, женщина лет сорока, встретила нас на пороге. Ее сдержанная элегантность была типична для англичанки, принадлежащей к среднему классу; именно такой я ее себе и представлял. У миссис Твитг были приятные манеры, обаятельная улыбка и приветливая речь. Входя в гостиную, я был уверен, хотя и не бывал прежде в этом доме, что не найду там ни красных абажуров, ни ваз с ладаном, ни тяжелых штор. Разумеется, это была совершенно обычная комната, такая теплая и уютная, как множество других гостиных.

Дэвид с нами не поехал: «Лучше, если нас будет не слишком много, это может помешать медиуму», — сказал Хиггинс. Сам он пообещал вести записи.

Каноник посоветовал мне ничего не скрывать от миссис Твитг и ответить на все ее вопросы обо мне, моей семье и, разумеется, о Джиме. То, что хозяйка обо мне ничего не знала, меня удивило и даже несколько задело. Она была прихожанкой англиканской церкви, а я в последние годы проповедовал в соборе Святого

Павла в Лондоне, в Кентербери, в Йорке и других церковных приходах Англии; кроме того, и делал несколько передач на британском телевидении. Время от времени английские газеты и церковные бюллетени печатали статьи моих противников, обвиняющих меня в ереси, а иногда в прессе появлялись мои фотографии, на одной из которых я был запечатлен во время беседы с герцогом Эдинбургским. Во всяком случае, миссис Твитг знала хотя бы мое имя, так как Джон Пирс Хиггинс назвал ей его, договариваясь о встрече.

Мы устроились в гостиной, и беседа зашла о положении англиканской церкви. Миссис Твитг говорила на эту тему откровенно и по существу. Она осознавала упадок британских религиозных институтов и не скрывала этого. В ее прогнозах на будущее, хотя потом они и оправдались, не было ничего сверхъестественного: достаточно было знать Библию.

«Она, вероятно, захочет с вами немного познакомиться, — предупредил меня наш каноник еще по дороге. — Разговаривая на вполне отвлеченные темы, не имеющие никакого отношения к цели вашего визита, она улавливает вибрации и «ощущает» вашу личность. Затем мы поднимемся в ее приемную для проведения сеанса».

Поговорив некоторое время с миссис Твитг, я попросил позволения ненадолго удалиться. Откровенно говоря, от этого ожидания мне было несколько не по себе. В коридоре, оставшись наедине с самим собой, я вдруг почувствовал себя смешным. Как я мог так опрометчиво, не подумав, попасть в эту странную незнакомую мне ситуацию. Работы у нас было выше головы, и словно дамоклов

меч надо мной висел срок: конец шестимесячного отпуска, который начался так чудесно, а заканчивается в горе. Все это просто не оставило мне времени, чтобы подумать! Теперь я уже жалел, что принял такое поспешное решение.

И вдруг, дотронувшись до ручки двери, чтобы выйти в холл, я отчетливо ощутил присутствие Джима. В этот момент я бы ничуть не удивился, если бы мой сын встретил меня в холле. Это было удивительно реальное ощущение, которое прекратилось, как только я открыл дверь. Зато на меня нахлынули радостные воспоминания: я словно вновь пережил то мгновение в Израиле в начале января, когда мы с Джимом встретились после моей поездки в Родезию. Тогда я точно так же открыл дверь, он улыбнулся мне, и мы обнялись.

Я вернулся к реальности; передо мной был пустой холл. Все уже ждали меня в приемной, которая находилась в передней части дома. Ощущение, что Джим здесь, все еще согревало меня, несмотря на тот ясный и очевидный факт, что я не видел в холле ни Джима, ни кого бы то ни было еще.

В приемной, очень тесной и скромно обставленной, не было ничего особенного. Сквозь окно проникал ровный и холодный серебристо-серый свет, обычный для зимнего лондонского дня.

— Нет ли у вас при себе предмета, принадлежащего вашему сыну? — спокойно спросила меня, усаживаясь, г-жа Твигг и мило улыбнулась.

Я протянул ей паспорт Джима — тот самый, который он забыл в Кембридже, уез-

жая из Англии. Но очевидно было, что эта вещь не имела для нашей хозяйки первостепенной важности.

— Это может мне помочь, — сказала она просто.

Мы сидели молча. Хотя место казалось не совсем подходящим, я начал молиться, опустив голову на грудь. Я чувствовал то же, что испытывал верующий, становясь на колени перед святым причастием. Он не совсем понимает, что такое евхаристическое присутствие, ведь «Бог вездесущ», — и тем не менее...

Тем временем миссис Твигг начала проявлять знаки волнения.

— Он здесь... Он делает усилия, чтобы проявить себя, — сообщила она совершенно нормальным голосом, словно возвращаясь к прерванной беседе. — Ваш сын был очень подвижным и веселым мальчиком.

Тут голос ее изменился, теперь она говорила как будто за кого-то другого:

— Я не смог преодолеть испытания... Я не выношу всех вас! Я не выношу эту жизнь! Я в полном смятении! Внезапная смерть... Я не мог иначе. Я не мог никого найти... Боже! Я не знал, что делаю. Но теперь, когда я здесь, я понимаю, что это не было поражение, как я думал. У меня сдали нервы...

Все это время я ощущал присутствие Джима. Я отчетливо чувствовал, что он стоит немного позади миссис Твигг, справа. Слушая медиума, я от всей души сочувствовал страданию, которое, видимо, пытался выразить мой сын.

Ина Твигг снова заговорила:

— Я нахожусь не в чистилище, а скорее в аду, но никто меня ни в чем не обвиняет.

Я был ошеломлен этими словами. Что он хотел сказать? Он наказан, но не осужден?

Она продолжала:

— Я надеюсь, что никто из вас не осуждает меня.

Затем:

— Я встретился с бабушкой.

«Это неправда», — подумал я, так как обе бабушки Джима, к счастью, живы и здоровы, — но вслух ничего не сказал.

— У тебя было много волнений в последнее время. Мне жаль, папа, что тебе пришлось это пережить.

Джим назвал меня «папа», как обычно, и действительно, у нас было много волнений. Надо сказать, тогда я еще не осознавал, насколько много, и я по-настоящему понял это лишь два с половиной года спустя, когда все закончилось.

— Я подошел к твоей двери. Я передвинул книги, я постучал в дверь, я подошел к вашему изголовью. Я снился тебе, и ты со мной разговаривал, — звучал голос миссис Твитт.

Несмотря на некоторые неточности, эти слова верно отражали события двух последних недель. Правда, я ни разу не слышал стука в свою дверь, но все остальное вполне соответствовало тем явлениям, которые мы наблюдали в квартире.

— Я вас очень люблю, — продолжал медиум. — Столько любви, и никакой возможности вам ее доказать!

«Как это верно! — подумал я. — Как это верно!» При жизни Джим был любящим мальчиком, но, казалось, что-то мешало ему свободно выразить свою любовь. В последние месяцы ему удавалось иногда излить свои чувства ко мне,

но у меня сложилось впечатление, что обычно скованность не позволяла ему открыто высказывать людям то, что у него на уме.

Ина Твитт продолжала:

— Мне трудно преодолеть свое сожаление, но другие здесь помогают мне бороться с ним, и мы должны идти вперед все вместе. Я должен жить своей жизнью, а вы — своей.

После паузы медиум заговорила от себя:

— Он посылает нежные приветы вашим детям — двум девочкам, одному мальчику. И еще что-то насчет золотой двери⁸... Он говорит, что вы очень хорошо сделали. Вы понимаете, о чем идет речь? — спросила она.

— Конечно, — кивнул я.

Перед моими глазами стоял тот солнечный, но печальный день, когда мы развеяли пепел Джима над волнами Тихого океана у моста Голден Гейт.

Джим заговорил снова:

— Там, где я сейчас нахожусь, нет туч, нет смятения на земле света...

«Интересное размышление», — подумал я.

— Вот путь свободы: вернуться и попытаться объяснить.

Теперь миссис Твитт говорила прерывисто, словно задыхаясь:

— Это было невольно... все рухнуло сразу. Проглотил слишком много таблеток...

Я помнил, как перед отъездом в Нью-Йорк Джим сказал мне, что хочет купить «Ромилор», хотя раньше твердо решил больше его не употреблять. Я отговорил его, но боялся, что он не устоит. То, что говорил медиум, было правдой.

⁸ Golden Gate — золотая дверь (англ.).

Джим — если, впрочем, это был он — продолжал говорить. Он назвал дату рождения Мэйри и фамилию пары наших старых друзей (я не буду упоминать ее здесь, так как следующее высказывание не слишком для них лестно). Вспомнив об их последней встрече, он добавил:

— Но мы говорим на разных языках.

В январе эти люди приехали в Кембридж, чтобы нас навестить. Меня в тот день дома не было, но вечером нашел Джима очень раздраженным их визитом. Они читали ему мораль по поводу его учебы, упрекали его в лени, в отсутствии цели в жизни и планов на будущее.

— Но, Джим, — возразил я ему тогда, — это все в твоих интересах. Они говорили все это для твоего же блага, они беспокоятся о тебе...

— Им на меня наплевать, — ответил он. — Они так кричали, чуть ли не плакали.

— Но...

— Мы с тобой разговариваем совсем по-другому, — продолжал Джим. — Между ними и нами целое поколение. Я их ненавижу.

Я помню, что оценил этот скрытый комплимент (пара, о которой шла речь, была немного моложе меня), хотя и подумал, что он слишком строго судит наших друзей.

Этот случай запомнился мне, потому что отражал отношение моего сына к «взрослым» и демонстрировал негативную сторону его личности. Он часто говорил: «Взрослым на меня наплевать. Я им неинтересен. Я их не люблю, меня от них тошнит»...

— Они говорят на другом языке, между нами целое поколение... Я победил последне-

го врага, поэтому, мне кажется, худшее осталось позади.

Г-жа Твигт снова заговорила от себя, глядя мне в глаза с понимающей улыбкой:

— Он очень хорошо говорит, у него богатый запас слов. Он хотел писать... Он может помочь вам в работе.

Потом она снова заговорила от лица Джима:

— Меня здесь никто ни в чем не упрекает, я нашел лишь сочувствие и понимание. Я очень огорчен тем, что произошло, я так хотел жить. Скажите моим сестрам и друзьям, что я их всех люблю. Меня так мучило, что я не мог найти способа вам это сказать... Я не могу верить в Бога, но я верю теперь в вечность... Я думал, что есть средство выйти из этого. — Он словно оправдывался. — Я этого хотел. Жаль, что я не смог подумать над этими проблемами в более знакомой атмосфере.

Мне вдруг вспомнилась одна страница из дневника Джима: там было несколько слов, которые вполне соответствовали тому, что я теперь слышал. Позже, вернувшись в Сан-Франциско, я нашел это место в его тетрадах:

«Больница спит, скрипят кровати... Я выхожу в коридор. Неоновые лампы дают свет без тени; нет ни уголка, чтобы спрятаться. План этого места мне незнаком: из коридора в коридор, из дверей в коридор, и снова дверь. Всюду одна и та же чистота, та же безупречность. Нужно следовать инстинкту, чтобы найти выход среди всех этих дверей и вырваться из этой темной и холодной ночи. Шагать, как свободный человек, но бесшумно. От стен исходит дыхание коллектива.

Двойная зеленого металла дверь с горизонтальной перекладиной. Я тихо толкаю ее: нет, там опять длинный коридор. Сейчас быгодились фетровые подошвы. Слева слышны взрывы хохота. Тихо, тихо... Кажется, это правильный путь, вдалеке выход. Черная голова и черные руки в белой одежде — он читает, но не теряет бдительности. Пойдем, человек может понять человека. Любезная гримаса, нет. Пойдем! Пройдем напролом! Я продолжаю шагать, напрягая силы, я бегу — куда? Быстрее, быстрее...

В этих строках звучала скорее позитивная — или хотя бы активная — позиция. Но незадолго до того Джим таким же образом описывал подобную больницу, утверждая, что он хотел бы стать сумасшедшим, чтобы провести в таком заведении всю жизнь, всего лишь не оказывая сопротивления. В конце концов он выбрал другой путь — но так и не нашел выхода!

Голос мадам Твигт продолжал:

— Я знаю, что я не могу умереть, но я не могу стать христианином. Я буду усиленно работать, в этом году экзамены, может быть, я смогу сдать их здесь? Я думаю, что я сдал бы их успешно.

Слова произносились очень быстро, и я был рад, что Хиггинсу удастся записать хоть что-то. Потом я обязательно прочту его заметки и подумаю над ними. А пока что я был поражен, что все еще ощущаю присутствие Джима — каким-то образом общаюсь с ним.

До этого момента я все время молчал, внимательно слушая. В комнате царила благоговейная и сосредоточенная атмосфера. Мне было как-то неудобно самому заговорить с

миссис Твигт или с Джимом — если, конечно, он действительно был здесь и если мои слова могли дойти до него. Тем не менее теперь я рискнул заговорить:

— Скажите Джиму, что я скоро улетаю в Чикаго, на церковное собрание.

Я хотел еще добавить, что позвоню по телефону его матери, чтобы рассказать об этом сеансе, но миссис Твигт перебила меня.

— Держись, — сказала она, — не трать понапрасну силы.

Статья в журнале «Look» вышла сразу же после смерти Джима. Содержащиеся там нападки на меня, обвинения в ереси обеспокоили его святейшество епископа Джона Е.Хайнса. Он позвонил мне из аэропорта Сан-Франциско и предложил встретиться в Чикаго с ним и восемью провинциальными епископами, чтобы обсудить эти обвинения, как только я вернусь в США из Англии.

Я, разумеется, согласился и добавил, что, готовясь к этому собранию, вышлю каждому епископу экземпляр моей последней книги «Что это за сокровище?», которая должна была вскоре появиться.

Судя по всему, Джим сразу понял, о каком собрании идет речь, и я оценил его краткий одобряющий комментарий.

— Спасибо, Джим, — ответил я. — Но я хотел сказать, что позвоню твоей матери из Чикаго, чтобы рассказать ей обо всем этом.

— Очень хорошо, — был ответ. — Я хочу, чтобы она знала, что я очень ее люблю и что я жив.

— Она верит в это, — ответил я растроганно. — Ты сейчас один или?.. Что вокруг тебя происходит?

— Вокруг меня огромное количество людей, их руки поддерживают меня... — Ина Твигт помолчала. — Меня так мучило, что я не могу с вами связаться...

Тут голос миссис Твигт изменился; ясно было, что теперь она говорит от себя:

— Вмешался кто-то с иностранным акцентом, немецким, я думаю. Пол, его зовут Пол. Он говорит: «Не беспокойтесь за мальчика, он в безопасности, наша любовь окружает его». И еще он передает вам, епископ, чтобы вы не сдавались, защищая свое дело, если оно достойно защиты. Пол говорит, что еще работает и ничто не разрушает его веру. Он посылает вам привет. Он с вами. Он добавляет: «Спасибо, что вы посвятили мне книгу».

Я был ошеломлен и глубоко взволнован. Я действительно посвятил мою книгу «Что это за сокровище?» своему другу, писателю Полу Тиллиху, который в самом деле говорил с немецким акцентом. Доктор Тиллих умер прошлой зимой. Джим встречался с ним в резиденции епископа в Сан-Франциско и в Нью-Йорке, куда Пол приезжал меня навеситить, но миссис Твигт, разумеется, не знала этих деталей. Точно так же она никак не могла знать о посвящении, так как когда проходил наш сеанс, моя книга еще печаталась в Нью-Йорке.

К сожалению, все это было так ново для меня, что я не сообразил задать еще какие-то вопросы, чтобы проверить, был ли это на самом деле Тиллих. Лишь много позже я научился контролировать достоверность личности контактирующего во время сеанса. В тот же момент я мог лишь определить, соответствуют ли его слова истине.

Пол Тиллих продолжал:

— Мальчик был мечтателем, оторванным от своего времени. Он столкнулся с враждебным обществом, в котором чувствительность расценивается как слабость.

Это вполне соответствовало тому, что я знал о моем сыне.

Джим перебил его:

— Я хочу поблагодарить секретаря (Пирса Хиггинса) за то, что он помог мне найти путь к вам.

Теперь я хотел говорить с Джимом напрямую; мне казалось странным обращаться к нему через посредников.

— Знал ли ты, что с тобой произойдет, когда мы прощались в лондонском аэропорту? — спросил я.

Голос Джима ответил:

— Я этого боялся, я чувствовал, что вижу вас в последний раз.

Вновь вмешался Пол Тиллих; они с Джимом словно соперничали за место у «микрофона».

— Боритесь за правду; к чему бояться энергичных действий, если ангелы уже с вами?

— Подождите, Пол, — снова сказала г-жа Твигт своим обычным голосом, наполовину шутливо, наполовину неодобрительно. — Вы должны говорить по очереди, и сейчас молодой человек хотел что-то сказать своему отцу.

Кажется, снова заговорил Джим:

— Я обманул ваше доверие?

— Нет, конечно нет, — ответил я. И, чтобы совсем успокоить его, объяснил: — Мы с Дэвидом Барром работаем над проектом сотрудничества нашей епархии в Сан-Франциско с епархией Матабелеленда в вопросе церкви,

школ и так далее. Ты же знаешь, как трудно сейчас молодым африканцам получить образование? Помнишь, как мы беседовали с тобой об этом? Они не могут учиться, а люди необразованные в Родезии не имеют права голоса.

— Белые сделали так, чтобы черные не имели ни того, ни другого, — сказал Джим со знанием дела.

— Именно так, — подтвердил я. — Кроме того, мы знали, что тебе не понравилось бы, если бы на цветы для твоего отпевания мы потратили слишком много денег.

— Я знаю, двух букетов на клиросе было достаточно.

Странно, но я не ощущал никаких затруднений, беседуя со своим сыном таким необычным способом. Поэтому я продолжал:

— Мы открыли специальный счет, куда люди могут вносить деньги, предназначенные на стипендии для черных студентов в Родезии. Известие о твоей... — я колебался, — о том, что с тобой случилось, многих взволновало, и пожертвования были очень щедрыми, так что на этом счете уже тысяч пять долларов. Помнишь, какой ты придумал девиз?

— Цена одного бочонка виски — это стоимость года обучения одного ребенка, — прервал голос, — так?

— Совершенно верно, — ответил я. — Так что, как видишь, ты продолжаешь помогать людям.

— Я здесь тоже работаю, — сообщил голос. — Учусь использовать свои способности на благо человечества. Лучшее средство общения — это конкретное дело. Сейчас это моя книга стихов. Она, наверное, у тебя? Не мог бы ты ее напечатать?

В Кембридже Джим начал сочинять белые стихи. Тетрадь в линейку, куда он их записывал, хранилась в верхнем ящике маленького письменного стола, и Джим доставал ее оттуда, когда к нему приходило вдохновение. Иногда он показывал мне только что законченные стихотворения. Я всегда читал их медленно и внимательно; на то были три причины: во-первых, я хотел поддержать поэта, во-вторых, это была возможность лучше узнать моего сына, а главное — его стихи мне действительно нравились. Правда, не все. Я помню два из них, написанные во время его «путешествия». Я нашел бы эти стихи интересными, если бы их автор не был моим сыном, но они меня успокоили. Почерк Джима оставался четким и ясным, но смысл...

Он взял эту свою тетрадь в Нью-Йорк, а после его самоубийства ее вместе с другими вещами прислали мне в Сан-Франциско. Я нашел там два новых, неизвестных мне стихотворения. Джим записал их уже в гостиничном номере. Они были написаны твердой рукой, но смысл был непонятен. Все это мгновенно промелькнуло у меня в голове.

— Некоторые из них вполне достойны публикации, — сказал я. — Я займусь этим, как только разберусь тут немного.

— А когда я тут немного разберусь, — подхватил он, — когда у меня будет побольше опыта, я попытаюсь снова сочинять и помогу тебе в твоей работе. Хотя, в сущности, я тебе уже помог. Вспомни наш разговор о загробной жизни. Думаю, мы решили вопрос...

Видимо, снова вмешался Пол Тиллих:

— Я не знал, что это возможно. — Видимо, он имел в виду связь через посредство медиума. Затем он добавил: — Какой дорогой пойдет епископальная церковь? Будут большие беспорядки, но это хорошо. Не сдавайтесь. Не уступайте.

Эти слова Пола показались мне особенно верными. Тиллих был одним из самых активных теологов-реформистов; его деятельность наделала в свое время много шума, и он оставил много смелых, бескомпромиссных работ.

— Это напоминает мне...

— Да, Джим? — произнесла г-жа Твигг своим естественным голосом.

— ...что ничто из того, что я видел здесь за все это время, не побуждает меня верить в Бога.

— Вы хотите что-нибудь сказать, Пол? — спросила г-жа Твигг. И, повернувшись ко мне: — Опять этот немецкий акцент.

— Понимаете, Джим здесь с нами недавно. Что касается меня, я все еще верующий: я смотрю на вещи иначе.

— Скажите маме, что я люблю ее, — произнес Джим; похоже, он чувствовал, что связь подходит к концу.

У меня было такое же впечатление. Как будто разрядились батареи аккумулятора. Впрочем, мы услышали еще несколько фраз:

— Мы все должны созреть. Будь любезен, скажи ей, что я вернусь. Поцелуй ее за меня. Я буду с вами в июне. Мы преодолели нашу боль. Мы победили последнего врага. Все, папа, больше не будет ни беспорядка, ни перемещения вещей.

И действительно, долгое время никаких таинственных явлений не наблюдалось.

Следующие двенадцать дней пролетели молниеносно, поскольку нам пришлось очень напряженно работать. Я был полностью поглощен делами, среди которых была организация научной конференции по рукописям Мертвого моря. В этот период не произошло ничего необычного.

Наступил день моего отъезда в США. Прибыв в Чикаго, я сразу же позвонил жене. Я и так собирался это сделать, но теперь я к тому же отчетливо помнил, как во время спиритического сеанса Джим настаивал на том, чтобы я все объяснил матери.

Я не хотел ей рассказывать о сеансе в письме, так как человеку, который там не присутствовал, было бы трудно во все это поверить.

Во время долгого телефонного разговора я изложил Эстер все по порядку, начиная с эпизода с двумя открытками и кончая деталями сеанса с миссис Твигг. Реакция моей жены была такой же, как и у многих, кому я рассказывал об этом потом. Но поскольку Эстер была первой моей слушательницей, мне очень помогло то, что она не отрицала и не умаляла факты. Моя жена не говорила, что я ошибся или стал жертвой своего воображения, чтобы ее утешить, например,

или чтобы самому успокоиться, или по какой-то другой причине. Кроме того, как я уже говорил, Эстер верила в жизнь после смерти, и эта вера сейчас соединяла их с сыном.

Тем не менее она проявила сдержанность в отношении возможности реальной связи между живыми и мертвыми. Не отвергая гипотезы физической связи, она была убеждена, что должно было существовать другое объяснение, или, если быть точным, другая комбинация объяснений этих явлений, которые она была готова принять как реальные.

* * *

Вскоре настал час встречи с епископами, организованной Хайнсом. Мы вместе обедали, затем его святейшество предложил мне удалиться в соседнюю комнату, пока они обсудят мой случай. Я вышел, опасаясь, что не успею ничего сказать в свою защиту, так как должен был улететь в тот же вечер. Но когда меня пригласили вернуться к коллегам, оказалось, что, не считая обвинения в нарушении канонического права, выдвинутого против меня одним священником, остальные ошибки, в которых меня упрекали, епископы расценили как относящиеся скорее к общественным связям, чем к теологии. Мы договорились о формальностях: я согласился написать в журнал «Look» объяснительное письмо, уточняющее смысл спорных мест; копии этого письма его святейшество пообещал разослать в 190 епархий, чтобы рассеять кривотолки, которые мог вызвать текст ста-

ты, опубликованной в «Look» после моих интервью в Кембридже.

Этим же вечером, сидя в самолете, направляющемся в Лондон, я вспомнил напутствие Джима — «Держись». Меня радовала мысль о том, что, несмотря на церемонность, которая отличала нашу послеобеденную беседу и которая могла бы вызвать во мне чувство вины, я никоим образом не опустился до роли виновного, пытающегося оправдаться.

* * *

Мой полугодовой отпуск подходил к концу. Мы закончили доклад по Метабелеленду, который Дэвид должен был отвезти в Сан-Франциско, чтобы размножить. Мы начали укладывать багаж. Дэвид и Мэйри уехали раньше; и последние дни в Англии я провел в одиночестве, занимаясь всякими формальностями, связанными с моим окончательным отъездом. Состоялись последние встречи со специалистами, с которыми я работал над теологическим методом и проблемами происхождения христианства. И вот, наконец, я продал свою машину и поехал на поезде в Лондон.

Мысль о Джиме не покидала меня эти последние дни. У меня было впечатление, что я смотрю фильм, прокручивая пленку назад: я шаг за шагом проходил тот же путь, который мы с сыном так счастливы были проделать полгода назад, приехав в Кембридж.

Если бы, вернувшись в Соединенные Штаты, я захотел бы снова установить контакт с

Джимом, я бы просто не знал, как за это взяться. Поэтому перед отъездом из Англии — хотя мое расписание в эти последние дни было весьма напряженным — я решил снова увидеться с миссис Твигг. Я договорился с ней о встрече на 10 часов утра 14 марта, за четыре часа до моего вылета в Вашингтон.

К сожалению, я потерял записи, сделанные после этого визита, но, хотя кое-что, разумеется, за эти два года и забылось, некоторые вещи навсегда остались в моей памяти и заслуживают того, чтобы о них рассказать.

Во время этого второго сеанса миссис Твигг вошла в транс. Я впервые видел медиума в таком состоянии, и меня это смутило гораздо больше, чем простое ясновидение. Миссис Твигг закрыла глаза и, казалось, заснула. (Позже я узнал, что состояние медиума в трансе принципиально отличается от обычного сна.)

Когда она начала говорить, у меня создалось впечатление, что это мой сын говорит ее устами. Женщина не использовала косвенной речи, как это было в предыдущий раз; я готов был поклясться, что говорю непосредственно с Джимом. Он сообщил, что я продолжу мои текущие исследования, и обещал мне в этом помочь.

Я помню, что Джим сказал:

— Скоро ты сложишь с себя свои обязанности, чтобы целиком посвятить себя исследованиям.

Я не возразил: в то время у меня не было никакого намерения отказываться от епископской должности.

Голос говорил:

— Ты это сделаешь. Я буду с тобой в августе.

Это меня окончательно смутило, но эти слова я запомнил. Затем я перешел к некоторым практическим деталям.

— Если я захочу войти с тобой в контакт, что я должен буду делать? Я не знаю медиумов в США.

— Одну минуту... — казалось, ответил Джим.

Наступила тишина, как если бы он с кем-то советовался, затем прозвучали следующие слова:

— «Спиричуэлс Фронтьерс», отец Роше, проповедник церкви в Нью-Джерси.

Затем последовало несколько предупреждений — или скорее инструкций, — касающихся, вероятно, последствий, которые могло бы вызвать мое участие в слишком большом количестве спиритических сеансов.

— Ты хочешь сказать, что мне не следует делать это слишком часто? — спросил я с любопытством и некоторым сожалением.

— Нет, только имей в виду, что сеансы могут оказывать на людей определенное воздействие. Если экран исчезнет, последствия могут быть самыми неожиданными. Но неожиданные не означает плохие.

Голос продолжал:

— Я знаю, что ты возвращаешься; ты едешь в Вирджинию.

— Нет, в Сан-Франциско, — поправил я.

Помню, мне пришло в голову, что Джим намекает на мои частые визиты к моему кузену Хэйкоку. Он жил в пригороде Вашин-

гтона, где я должен был вскоре читать проповеди, и их дом действительно находился в штате Вирджиния.

— На этот раз, Джим, — сказал я ему, — у меня в Вашингтоне будет слишком много дел, и я вряд ли смогу съездить на другой берег⁹ к тете Рут и дяде Стиву.

— Тем не менее ты поедешь именно в Вирджинию, — повторил голос.

Я сменил тему разговора. Джим ошибался, меня же интересовали только положительные откровения.

Я помню, что он поздравил меня с тем, что я не уступил на собрании епископов. Кроме того, мне было сообщено, что я правильно сделал, написав письма епископам, но что период раздора с моими собратьями продлится еще довольно долго. Снова вмешался Пол; он посоветовал мне продолжать проповедовать, следуя линии «религиозного возрождения», и не ограничивать полет своей мысли. Это напомнило мне его лаконичные теологические комментарии во время первого сеанса с миссис Твигг. Я спросил:

— А у тебя, Джим, как дела? Прояснилось ли что-нибудь?

— Да, — был ответ. — Теперь я понимаю — нечто существует. Я начинаю чувствовать, что кто-то дергает за веревочки и определяет ход событий.

Я собирался было назвать Его, но Джим словно читал мои мысли:

— Однако с тех пор, как я здесь, я ни разу не слышал об Иисусе!

⁹ Граница между штатами проходит по реке Потомак.

Затем он сказал, что ему еще многое нужно узнать и что его окружает много людей готовых ему помочь.

— Я начинаю чувствовать себя легко и спокойно, — добавил он.

Джим не в первый раз уже упомянул о людях, готовых прийти ему на помощь, и меня это очень обрадовало: ведь я знал, в какой депрессии находился Джим в момент смерти.

— Значит, тебя окружают люди, личности? — спросил я.

Он подтвердил это и выразил желание узнать больше людей и лучше их понять.

— Скажи, там, где ты находишься, есть мужчины и женщины? Есть ли что-нибудь, что похоже на... интимные отношения?

Мне показалось, что мой вопрос позабыл его. Это так походило на Джима.

— Мужчины и женщины? Да, есть, но это не так, как у вас. Естественно, ничего физического, но на самом деле мы менее ограничены. Здесь лучше понимаешь, что такое на самом деле пол. Можно войти в другого человека, почти слиться с ним. Ты как бы «становишься» другим.

Очень жаль, что записи не сохранились, потому что в этот день было сказано еще много. Часто повторялась одна фраза: «Я начинаю понимать». Я также отчетливо помню конец сеанса.

Миссис Твигг замолчала. Она тяжело дышала и, казалось, никак не могла прийти в себя. Я даже забеспокоился; я понятия не имел, чем ей помочь, поскольку впервые столкнулся с явлением транса. Чисто инстинктивно я поступил, словно священник перед лицом тяжелобольного. Вынув из кармана флакон с олив-

ковым маслом, которое я использую для соборования, я уверенно возложил руки на голову медиума и начертил ей крест на лбу. Миссис Твигт тут же проснулась и спросила:

— Что вы сделали?

— Только освятил вас. Мне показалось, я должен был это сделать, — объяснил я. — Я был обеспокоен тем, что вы так долго не приходите в себя.

— Вы были совершенно правы, — ответила она, улыбаясь.

Так как ей явно стало лучше, а мне уже пора было в аэропорт, я вызвал такси.

В ожидании машины, я спросил у миссис Твигт:

— Как вы думаете, что означали слова, которые вы упомянули во время сеанса ближе к концу? «Спиричуэлс Фронттиерс», кажется, так это звучало.

Она не отвечала, и мне пришлось ее поторопить.

— Прошу вас, постарайтесь вспомнить!

— Когда я выхожу из транса, — ответила она, — я никак не могу помнить, что говорила во время сеанса.

Я пожалел о своей наивности. Мне нужно было просто-напросто спросить у медиума, знает ли она что-нибудь об организации, называемой «Спиричуэлс Фронттиерс», или об отце Роше. Но уже подъехало такси. Я поблагодарил миссис Твигт, обещая поддерживать с нею связь, и уехал в аэропорт.

* * *

Пока мы летели над юго-западной Англией, Уэльсом и Ирландским морем, я был

погружен в свои мысли. Некоторые из них были очень печальными: в сентябре мы летели сюда с Джимом, а теперь я уезжал один. Что касается моего полугодового отпуска, он получился не таким плодотворным, как я надеялся, и моя работа о происхождении христианства была еще далека от завершения. Подумав о том, что в епархии меня ждут многочисленные проблемы, которые придется решать, я вдруг почувствовал себя очень одиноким. Но затем, поборов эту мысль, я ощутил, как меня обдало теплом: Англия навсегда останется для меня страной, где я лучше всего узнал моего сына. Наконец, утешительной была мысль о моих родных и друзьях, которые будут встречать меня и всегда меня поддержат.

Когда Ирландия скрылась из виду, я открыл свой портфель и погрузился в работу, забыв об ужине. Учитывая разницу во времени, было еще светло, когда я уловил последние слова объявления по громкоговорителю:

«Пристегните ремни. Мы приземляемся в аэропорту Даллеса штата Вирджиния»

Вирджиния! Когда Джим говорил мне об этом штате, я решил, что речь идет о конечном пункте назначения, и мне даже в голову не пришло, что мы приземлимся в Даллесе по дороге в Вашингтон!

За те несколько дней, что я провел в федеральной столице, у меня буквально не было свободной минуты. Проповеди, передачи на радио и телевидении, интервью, визиты следовали друг за другом. В субботу я улетел в Калифорнию и немедленно погрузился в свои епархиальные обязанности, а на

Святой неделе отправился в Нью-Йорк, чтобы, как всегда, прочесть проповедь в епископальной церкви Св. Фомы на Пятой авеню. Для меня стало традицией каждый год возвращаться в эту нью-йоркскую церковь, где я когда-то так долго служил; таким образом я поддерживал связь с друзьями, которых там оставил. Кроме того, поскольку речь шла о целом цикле из пяти получасовых проповедей, я мог достаточно глубоко исследовать ту или иную тему. Уже несколько лет на мои проповеди собиралось немало слушателей.

В то воскресенье, опираясь на свой новый опыт, приобретенный в последнее время, я начал свою первую проповедь с особым энтузиазмом. Впервые с высоты кафедры я позволил себе по-иному взглянуть на традиционные трансцендентальные представления о Господе. Затем, спустившись вниз, я с радостью убедился, что прихожане, которые пришли меня поприветствовать, разделяют мой энтузиазм.

Стоя под портиком, я разговаривал с кем-то из прихожан, когда ко мне подошел один из кюри, преподобный Вильямс.

— Взгляните, — сказал он мне, указывая на стоящего в стороне человека с суровым мужественным лицом, — вон тот священник, мой хороший знакомый, очень хотел бы с вами познакомиться. Мы собирались вместе пообедать...

Я ответил, что уже договорился о совместном обеде с сотрудниками журнала «Тайм», но охотно уделю этому священнику несколько минут. Освободившись, я подошел к нему; он представился, но я не разобрал в общем гуле его имени.

Священник объяснил мне, что, придя раньше времени на встречу с преподобным Вильямом, он вошел в церковь во время службы и сел на одну из задних скамей.

— И вот что я хотел вам сказать, — продолжал он. — Когда вы стояли на кафедре, за вами виднелись два силуэта. Один из них был молодой человек высокого роста — очевидно, это Джим, ваш сын? Другой, пониже ростом, старик; если не ошибаюсь, его имя Элиас. В Библии это имя носит пророк Илия...

Я был изумлен этим откровением. Что за человек стоит передо мной? Как мог он знать, что дедушку моего сына со стороны матери звали Элиасом?

— «Я вижу зерно, которое прорастает. Смелее!» Эти слова, которые я услышал, видимо, предназначались вам. Я подумал, что вы должны об этом знать, — добавил мой собеседник.

Я вспомнил слова о «прорастающем зерне», сказанные мне Джимом после полуночной мессы в Назарете, когда он попросил меня сказать в рождественской проповеди правду о месте рождения Христа.

Но как бы я ни был ошеломлен, время поджимало, и я решил не продолжать беседу. Чтобы не прерывать разговор слишком резко, я вежливо поблагодарил его и спросил:

— Скажите, какую церковь вы представляете?

— Строго говоря, никакую, — ответил мой собеседник. — Я принадлежу к группе, называемой «Конгрегация Спиричуэлс Фронтиерс».

Эти слова громом отозвались у меня в ушах. Чтобы проверить сказанное миссис Твигг, я спросил:

— Где находится ваша конгрегация?

— В разных местах, — сказал он.

Такой ответ меня не устраивал, и я решил уточнить: — А в Нью-Джерси у вас есть сторонники?

— Да, там живет наш президент, отец Рошэ. Видимо, вы его имели в виду?

— Да, благодарю вас, — сказал я.

Это было неопровержимое доказательство правдивости слов, услышанных мной от медиума. Я был действительно потрясен, хотя последние несколько недель, занятый бесчисленными делами, почти не вспоминал о сеансах.

Лишь полтора года спустя, в Торонто, я узнал имя священника, с которым встретился в тот день в Нью-Йорке. Это был известный американский медиум, преподобный Артур Форд, пастор церкви Учеников Христа.

* * *

Вернувшись в свою епархию, я почувствовал, что никак не могу войти в прежний ритм. После шести месяцев в Лондоне, где я был свободен от административных забот и мог волюю заниматься своими исследованиями, мне довольно сложно было вернуться к исполнению епископских обязанностей, не оставляя при этом научных и церковных занятий. Очень скоро я понял, что просто не справляюсь с двойной нагрузкой епархиального администратора и профессора теологии. Необходимо было сделать выбор между этими двумя занятиями, и я предпочел второе.

Как раз в это время, в апреле, я получил письмо, которое ускорило мое решение. Доктор Хатчинс президент Центра по изучению демократических институтов Санта-Барбары, что в нескольких сотнях километров к югу от Сан-Франциско, предлагал мне перейти к нему на работу. Это был в некотором роде факультет без студентов: я мог там работать, выступать и участвовать в семинарах, организованных Центром. Все это как нельзя лучше мне подходило.

В мае я принял окончательное решение сложить с себя обязанности епископа.

Моя отставка должна была быть одобрена постоянным епархиальным Комитетом. Его членам хватило вежливости не показать своей радости по этому поводу, и после двухчасовой дискуссии все было решено. Моя отставка должна была вступить в силу 15 сентября 1966 года, после официального завершения отпуска.

Оставалось получить согласие большинства епископов. Вышло так, что информация о моей отставке просочилась в прессу раньше, чем я успел поставить их в известность, но, к счастью, их согласие не вызвало сомнения. Когда с этим было покончено, я посвятил себя текущим делам, выбору преемника, интервью, прощальным визитам; все это полностью захватило меня в последние недели на посту калифорнийского епископа.

Сборы и подготовка к отъезду показались мне пустяком по сравнению с бесконечными формальностями и суетой предыдущих дней.

Моей матери только что исполнилось семьдесят два года, и о ней пора было

позаботиться. После смерти своего третьего мужа она жила в доме для престарелых в Сан-Франциско. Будучи ее единственным сыном, я не мог оставить ее там одну и предложил ей поехать со мной. Поскольку моей жене с детьми пришлось остаться в Сан-Франциско, мы с матерью решили снять для нас двоих большую квартиру с двумя спальнями и двумя ванными комнатами; кроме всего прочего, такое жилище давало мне возможность достаточно часто приглашать к себе жену и детей.

Я начал подготовку к своей будущей работе в Санта-Барбаре. Центр был готов оплачивать мне секретаря; я попросил г-жу Миртл Гудвин, которая двадцать лет работала со мной в епархии, поехать со мной. Она согласилась. Это была ценная сотрудница, которая понимала меня с полуслова.

Я постарался также закончить книгу, которую я начал писать в Англии. Мэйри Бергруд, у которой было хрупкое здоровье, заканчивала в то время лечение в Европе и обещала приехать ко мне в Санта-Барбару, где могла бы понемногу поправляться, работая у меня на полставки.

В перерывах я регулярно ездил в Сан-Франциско, где заканчивал чтение по праву и религиозной этике в калифорнийском университете, заодно я улаживал текущие дела в епископстве, поскольку моего преемника еще не возвели в сан, и читал лекции по новой теологии в летнем университете в Беркли.

15 июля я окончательно перебрался в Санта-Барбару, где меня ожидала новая жизнь.

От первых недель моего пребывания в Санта-Барбаре, в памяти у меня осталось лишь несколько разрозненных эпизодов. Мне снова надо было обустроиваться, приводить в порядок квартиру, привыкать к новому месту...

Время от времени я ездил в Центр по изучению демократических институтов, где я должен был приступить к работе с 1 августа, а пока я принял участие в паре семинаров, познакомившись кое с кем из моих новых коллег. Настроение у меня было превосходным; я уже чувствовал, что мне здесь будет хорошо.

Параллельно с работой в Центре, я намеревался продолжать свои исследования в двух направлениях: происхождение христианства и отношение Церкви и общества в эпоху потрясений.

Из социологических исследований мне было известно, какой незначительный процент людей, считающих себя верующими, посещает церковь. Причины этого противоречия между убеждениями людей и их повседневной жизнью я надеялся найти в раннем христианстве.

Изучая Священное писание, я был поражен несовпадениями в датировке событий, упоминающихся в Евангелии: Тайной вечери и Страстей Господних до снятия с креста, то есть от Святого вторника до вечера Святой пятницы.

Я опирался на работы французского ученого мадемуазель Жобер. В своей книге, озаглавленной «День Тайной вечери» (Париж, 1957), она перечисляет и описывает различия, существовавшие между еврейским и ессеиским¹⁰ календарями. Исследовательница изучала также факты, свидетельствующие о приверженности Иисуса к обычаям этой секты.

Однажды, вскоре после моего приезда в Санта-Барбару, я решил сравнить то, что было сказано в четвертом Евангелии по поводу дня Тайной вечери, с мнением мадемуазель Жобер. Но не успел я за это взяться, как вспомнил, что должен срочно выполнить другую работу, которую уже давно пора было сдавать: я обещал написать для журнала «Плейбой» ответ на статью доктора Вильяма Хамильтона «Смерть Бога», опубликованную в августовском номере 1966 года.

В тот же вечер я позвонил Мэйрн, чтобы пригласить ее поужинать с нами и заодно помочь мне закончить эту статью. В ожидании ее прихода я присел на кровать, чтобы немного почитать.

И тут мое внимание привлекла книга, лежащая на столе; я не помнил, чтобы она была там раньше. Это был «День Тайной вечери». Машинально я взял ее в руки. Книга открылась на странице, заложённой какой-то фотографией. Я взглянул на нее — на снимке были изображены мы с Джимом верхом на верблюде. Я не помнил, чтобы вынимал этот снимок из багажа. Кроме того, фотография

¹⁰ Ессени — общественно-религиозное течение в Иудее во 2-й половине II в. до н.э., входящее в число главных предшественников христианства.

была приклеена к странице книги тем самым веществом, которое так удивило нас в Кембридже! Я тут же вспомнил о необычных явлениях, которые преследовали нас в Англии, и у меня возникло любопытное ощущение, что все начинается снова... Я посмотрел на страницу, отмеченную открыткой: это было начало главы, называемой «Разрешение противоречий между Евангелием от Иоанна и синоптическими Евангелиями».

В это время пришла Мэйрн. Поужинав, мы немедленно приступили к работе над статьей для «Плейбоя». Я диктовал текст сразу на пишущую машинку, и в какой-то момент мне понадобилось заглянуть в первый том «Истории цивилизаций», публикуемой ЮНЕСКО. Я сказал об этом Мэйрн, но добавил, что бесполезно прерывать работу, чтобы найти этот том.

Когда статья была готова, Мэйрн ушла, забрав ее с собой, чтобы завтра отправить в «Плейбой», а я решил немного почитать перед сном книгу мадемуазель Жобер о Евангелиях, которая таким странным образом попала мне на глаза перед ужином. Я хотел дочитать главу, которую перед этим начал. Книга лежала на ночном столике, где я ее оставил; я взял ее, но она выскользнула у меня из рук. Наклонившись, чтобы ее поднять, я заметил рядом на полу... первый том «Истории цивилизации» ЮНЕСКО!

«Наверное, это опять Джим!» — подумал я, вспомнив фразу, которую он сказал мне во время второго спиритического сеанса: «Я буду с вами в августе».

Помнится, тогда же он предсказал, что я поменяю работу... Может быть, Джим хочет

войти в контакт? Было 31 июля, и на следующий день я приступал к своим новым обязанностям.

На следующее утро по дороге в Центр я размышлял о событиях предыдущего дня, которые, видимо, были призваны вновь привлечь мое внимание.

Естественно, я вспомнил о «Спиричуэлс Фронтieres». Интересно, есть ли в районе Санта-Барбары представители этой конгрегации.

Приехав в Центр, я отправился в свой новый кабинет, не переставая думать о возможности нового контакта. Несколько минут спустя ко мне зашел один из моих коллег, г-н Ирвинг Лаукс; он принес газету, которую брал у меня пару дней назад.

— К сожалению, это не то, что я искал, — сказал он.

Мы познакомились с ним на одном из семинаров, проводившихся в Центре, мистер Лаукс тогда спросил, не интересуюсь ли я научным подходом к религии. Решив, что он имеет в виду статистические исследования и анализы, проводимые социологами и психологами, я дал ему последний номер газеты, публикуемой Обществом научного изучения религии.

— Я совсем не об этом хотел с вами поговорить, — сказал он мне теперь. — Я думал об изучении метафизических явлений в их отношении с религией.

— О! Я понимаю... — меня несколько удивило, что я встретил в Центре человека, интересующегося этим вопросом.

— Вы уже изучали этот вопрос? — продолжал он.

— Да, и как раз вчера со мной произошло несколько событий, которые, видимо, имеют отношение к этой области, — сказал я неуверенно: ведь я еще ни с кем, кроме жены и детей, не обсуждал этот вопрос.

И все же я коротко рассказал Лауксу о событиях, которые вызвали у меня интерес к метафизическим явлениям, и предложил ему чуть позже обсудить все это поподробнее.

Когда мы прогуливались с ним под колоннадой, которая окружает двор Центра, я сообщил ему о своем намерении встретиться с компетентным человеком, если мой сын действительно захочет войти со мной в контакт.

— Но я никого здесь не знаю, — добавил я.

В этот момент, подняв глаза, я заметил, что кто-то идет нам навстречу. Это был высокий голубоглазый человек с седеющими волосами.

— Джон Мак-Коннел! — воскликнул я, протягивая ему руку. Каким добрым ветром вас занесло в Санта-Барбару?

— Епископ Пайк! Я знал, что вы должны приехать в Центр, но не был уверен, что вы уже здесь. Ужасно рад вас видеть! — улыбнулся он. — У меня здесь было собрание.

— Пойдемте ко мне в кабинет, — пригласил я его.

Мы с Джоном встречались в Сан-Франциско, где он рассказал мне о своей деятельности. Он руководил движением, которое требовало от радиостанций по всей стране уделять минуту эфирного времени борьбе за мир, передавая подготовленную ими запись. После призыва Объединенных Наций какой-нибудь известный деятель выступал с речью о мире, завершая ее крат-

кой молитвой. Цель этой акции — дать людям всех вероисповеданий возможность объединиться в мыслях или общей молитве о мире во всем мире.

— Я хотел попросить вас, — сказал Мак-Коннел, не согласитесь ли вы записать для нас обращение.

Я немедленно согласился и предложил встретиться попозже в конференц-зале, чтобы сделать краткую запись.

— Пока же расскажите мне, — попросил я его, — как прошло ваше собрание.

— Очень хорошо — ответил Джон. — К нам неожиданно присоединился очень интересный священник, преподобный Джордж Дэсли.

— Дэсли? — Это имя мне ничего не говорило. — Из какой он церкви?

— Это не совсем церковь. Он принадлежит к конгрегации «Спиритуэлс Фроетиерс».

— «Спиритуэлс Фроетиерс»? ...Как, вы говорите, его зовут?

— Джордж Дэсли.

Я спросил у Джона телефон Дэсли и записал его.

— Это действительно замечательный человек, — добавил Джон.

— О, наверное, медиум? — спросил я осторожно, не зная, имеет ли Джон хоть какое-то представление об этих вещах.

— Да, точно. И, вы знаете, мы с ним устроили спиритический сеанс, — совершенно естественно ответил мой собеседник. — Это был мой первый опыт с медиумом. Я надеюсь, что вы с ним познакомитесь.

— Я тоже, — ответил я, — приложу к этому все усилия.

— Помните, — продолжал Джон, — я обе-

щал вам сообщить о людях, ставших свидетелями парапсихологических явлений в ночь, когда умер ваш сын? Так вот, я составил список с их именами и адресами. Он у меня с собой, в портфеле: я надеялся вас встретить.

— Большое спасибо, Джон, он мне очень пригодится.

Я помню, что Мак-Коннел через моего секретаря просил меня о встрече в последний день моей работы в Сан-Франциско. Я еще подумал, что он хочет договориться со мной о «минуте мира», а поскольку я был тогда действительно очень занят, то сначала хотел отказаться.

— Кажется, он по личному делу, — заметила моя секретарша.

Поэтому я принял Джона, и он рассказал мне о некоторых парапсихологических явлениях, которые произошли с ним самим и с другими людьми 4 февраля, когда умер мой сын.

В ту ночь, Мак-Коннел вдруг проснулся, охваченный внезапным ужасом — «смертельным ужасом», как он выразился. «Мне казалось, я сейчас умру. Из всех сил я цеплялся за жизнь, пытаюсь понять, откуда исходит этот страх. Мне казалось, что кто-то — не друг мне и не родственник — умирает, а я должен за него молиться. Я плакал и молился почти два часа...»

В то время Джон жил в здании теологической семинарии в Нью-Йорке. Наутро он встретил в лифте знакомую, мисс Икс, которая буквально бросилась к нему, чтобы рассказать, какой кошмар пережила этой ночью.

Ранним утром она была внезапно разбужена стуком в дверь своей спальни. Она пошла открывать... Перед ней стоял двуликий де-

мон... В ужасе она проснулась и обнаружила, что на самом деле не вставала с кровати. Но кошмар был настолько реальным, что бедняжка так и не смогла больше заснуть, и до рассвета ее не покидало чувство, что произошло что-то страшное.

Повинуясь внезапному импульсу, мисс Икс в тот же день позвонила в другой город своей подруге — назовем ее мисс Игрек, — которая знала моего сына по колледжу: мы с ее отцом вместе работали когда-то в соборе Св. Иоанна, он был там каноником, а я капелланом. Девушки давно не общались, так что мисс Икс и сама не могла сказать, что вдруг побудило ее позвонить.

Узнав из газет о самоубийстве Джима, они с Джоном сразу сопоставили его со странными кошмарами, которые преследовали их ночью. Не менее странно было, что в разговоре мисс Икс с подругой вдруг — именно в тот трагический день — всплыло имя Джима, которого сама она лично не знала. Что касается Джона, то он тоже никогда не видел моего сына, хотя со мной уже был знаком.

Тогда в Сан-Франциско Мак-Коннел сказал мне, что упомянул об этих странных совпадениях на следующей неделе во время молитвенного собрания в лютеранской церкви Бруклина, и пастор, присутствовавший там, признался, что был таким же образом разбужен в то же самое утро и, видимо, в то же самое время.

Выслушав рассказы Джона и пастора, еще одна прихожанка, мисс Анна Мари Захариас — она стала впоследствии миссис Джон Мак-Коннел, — сообщила, что и с ней ночью 4 февраля произошло подобное явление. Она проснулась

около трех часов утра от сильнейшего страха. «Я стала молиться, — рассказывала она, чтобы преодолеть страх и, помню, изо всех сил пыталась понять, с кем или с чем это связано. Все это продолжалось около часа, и в течение этого времени я все отчетливей осознавала, что где-то сейчас происходит что-то ужасное. После этого, еще раз помолившись, я почувствовала облегчение и снова заснула».

Эти сообщения совпадали с другими свидетельствами, которые у меня уже были. Вскоре после смерти моего сына я узнал о похожих ощущениях, пережитых в то фатальное утро нашими нью-йоркскими друзьями Нэн и Билли, которых Джим так хотел повидать. Зная о планах Джима, я послал Нэн письмо из Кембриджа, сообщая, что Джим едет в Нью-Йорк и, очевидно, позвонит им к концу дня 2 февраля. Я поделился с ней моими опасениями по поводу наркотиков.

Не получив никаких новостей от Джима, вечером 2 февраля Нэн позвонила Билли. Интуитивно она почувствовала что-то неладное, и они обзвонили чуть ли не все гостиницы города, но им так и не удалось его найти.

Ночью 4 февраля оба они были разбужены ужасным предчувствием неизбежного несчастья. Из своей квартиры в Гринвич-Виллидж Нэн позвонила Билли, который жил в Бруклине. Они поделились друг с другом своей тревогой, но сделать, разумеется, ничего не могли. Вечером из газет они узнали страшную новость.

Все это я вспомнил, разговаривая тем утром с Джоном в Санта-Барбаре. Я спрашивал себя, какая таинственная связь могла объяснить такую передачу мысли на расстоянии. Мне приходилось раньше читать рассказы об

умирающих, которые являлись своим близким или друзьям; позже я узнал, что некоторые ученые считают такие видения одним из самых убедительных доказательств бессмертия души.

Однако явления, о которых я только что рассказал, связаны не с видениями, а с ощущениями ужаса и депрессии, которые испытывали разные люди непосредственно перед самоубийством Джима. Я предположил, что эти явления могут быть объяснены действием телепатии, хотя и не мог понять, как в эти события оказались замешаны люди, даже не знавшие о существовании Джима. Ведь если речь идет о передаче мысли на расстоянии, то эти сообщения должны были получить скорее люди близкие ему — его друзья, я, моя жена... Как ни пытайся это объяснить, все это было очень странно.

Джон отправился в конференц-зал, чтобы подготовиться к записи, а я тем временем погрузился в раздумья об этой серии совпадений. Две книги, о которых я думал и которые таинственным образом появились передо мной предыдущей ночью; вопрос, заданный в то же утро Ирвингом Лауксом; приезд Джона Мак-Коннела, который рассказал мне о человеке из «Спиричуэлс Фронтиерс»; все эти странные явления, произошедшие в час смерти Джима... Наконец, сегодняшнее число — 1 августа. Было ли это простым стечением обстоятельств — или же примером того, что Юнг¹¹ называл «синхронизмом» (принципом одновременных, но не зависимых друг от друга событий)? Похоже,

¹¹ Юнг Карл Густав (1875—1961) — швейцарский психолог и философ-идеалист, основатель «аналитической психологии».

все подталкивало меня к тому, чтобы я, если возможно, возобновил контакт с сыном. Ведь пять месяцев назад он отчетливо мне сказал: «Я буду с вами в августе».

Вечером, завершив работу, я вернулся на машине домой. Едва успев переступить порог и поздороваться с мамой, я достал свою записную книжку, куда записал номер преподавателя Дэсли, и направился к телефону. Как назло, тот зазвонил как раз в этот момент. Я нетерпеливо снял трубку.

— Алло, Джеймс?

Это был Дэвид — он звонил из Сан-Франциско.

— Здравствуй, Дэвид, как дела?.. — Я был действительно рад его слышать.

— Вы сидите? — перебил он меня. — Я еле дождался, пока вы вернетесь: не хотел беспокоить вас в Центре. Хочу вам сообщить, что кембриджские события начались снова.

В полном изумлении я пробормотал:

— Вы хотите сказать, что...

— Да, именно это! Позвольте, я вам расскажу, — возбужденно продолжал Дэвид. — Мы с женой ужинали в ресторане и вернулись около одиннадцати. Открывая дверь, мы обнаружили повсюду в гостиной расстегнутые булавки. Некоторые из них были расположены парами, образуя угол...

— 8 часов 19 минут? — спросил я.

— Верно, 8 часов 19 минут.

Дэвид был наблюдательным человеком — он окончил математический факультет университета Беркли, — но порой слишком увлекался, и его описания часто грешили излишней восторженностью. Поэтому я спросил, могла бы его жена подтвердить его слова.

— Конечно. Она ничего подобного прежде не видела. Она с трудом верила в мои рассказы о Кембридже, но теперь она знает, о чем я говорил. Вы тоже нашли булавки?

— Нет, но было несколько смутивших меня совпадений... — И я рассказал о том, что произошло вчера у меня дома, а также о сегодняшних своих встречах в Центре. — У меня такое впечатление, что Джим пытается восстановить контакт, — сказал я. — Помните его обещание появиться в августе?

— Так почему бы вам не позвонить медиуму, раз у вас есть его адрес? — спросил Дэвид.

— Именно это я и собирался сделать, когда вы мне позвонили.

Мы обменялись еще несколькими словами, затем я повесил трубку и набрал номер Дэсли.

— Джорж Дэсли слушает, — сказал голос с английским акцентом (от Мак-Конелла я знал, что медиум приехал в Америку только в 1961 году).

— С вами говорит Джеймс Пайк, — начал я. — Насколько мне известно, вы принадлежите к конгрегации «Спиричуэлс Фронттиерс»...

— О! Епископ Пайк, я так рад вас слышать! Если бы вы мне не позвонили, я бы, наверное, сам это сделал, — отозвался мистер Дэсли совершенно естественным голосом.

— Вы... сами? — Я не мог скрыть своего удивления.

— Видите ли, я ждал вашего звонка, — объяснил мой собеседник. — Ваш сын вошел со мной в контакт примерно две недели тому назад.

— Две недели назад? — переспросил я. — Я в Санта-Барбаре уже пять дней, но...

— Я уверен, что это был ваш сын. Я был один в комнате, и вдруг какой-то голос заговорил со мной. Он так прямо и сказал: «Я Джим Пайк, сын епископа».

— Действительно? — Я все еще не мог справиться с недоверием, несмотря на серию произошедших со мной событий.

Было ли то, о чем говорил Дэсли, явлением материализации или ясновидения? В первом случае умерший или отсутствующий человек собственной персоной появляется перед глазами свидетелей; в случае же ясновидения медиум на уровне подсознания получает мощное мысленное сообщение, которое как бы «озвучивает». Можно проиллюстрировать эту разницу с помощью примеров, взятых из библейских рассказов: Иисус явился своим ученикам после смерти, и это явление было засвидетельствовано определенным числом людей при разных обстоятельствах. Обращение же святого Павла по дороге в Дамаск относится, видимо, к явлению или, так сказать, «ясносльшанию»: действительно, некоторые из его спутников, услышали голос, ничего не видя, а другие увидели свет, ничего не слыша.

Какова бы ни была природа явления, пережитого Дэсли, он, похоже, ясно помнил это событие, которое описал мне в нескольких словах:

— Я поднял глаза и увидел высокого молодого человека, который сказал: «Я хочу, чтобы вы помогли мне войти в контакт с моим отцом примерно 1 августа». «Но ваш отец сам должен попросить меня об этом, Джим», — ответил я. Видите ли, епископ, мне показалось, что я нарушил бы профессиональную этику, если бы сам сделал первый шаг.

— Да, — согласился я, — я понимаю.

Это напомнило мне — бывшему юристу — официальное запрещение «охоты за клиентами», которой занимались некоторые адвокаты.

Тем временем Дэсли продолжал:

— Тогда ваш сын сказал мне, что сам сделает все необходимое. Я как-то сразу почувствовал к нему доверие, если можно так сказать. Если бы вы мне не позвонили, я бы, наверное, все же сделал это сам. Но я рад, что вы позвонили первым.

Я был совершенно ошеломлен тем, что услышал. Однако предупреждение сына звучало у меня в ушах: «Я буду с вами в августе». Похоже, Джим сдержал свое обещание. Мы с мистером Дэсли договорились встретиться послезавтра утром.

* * *

Я подумал, что хорошо было бы иметь во время сеанса свидетеля, который бы записывал все, что будет сказано. Мэйри Бергруд, которая присутствовала на первом сеансе с миссис Твигг, лучше всех подходила на эту роль. Она с готовностью согласилась: ей интересно было сравнить двух медиумов.

Калье-Фресно — тихая улица, где жил мистер Дэсли, — находилась справа от шоссе, ведущего в город. В этой части Санта-Барбары табличек на домах почти не было, и сначала мы проехали нужный поворот. Пришлось возвращаться, так что мы приехали с небольшим опозданием.

Мистер Дэсли ждал нас на пороге своего дома. Это был человек моего возраста, вежливый и дружелюбный, чьи манеры и поход-

ка выдавали в нем англичанина. Его гостиная была обставлена в современном стиле. Многочисленные картины украшали стены; позже я узнал, что главным увлечением нашего хозяина были живопись и теннис. Библиотека изобиловала книгами по парапсихологии. Мы сели; из дальнейшего разговора я многое узнал о личности нашего медиума.

Джордж Дэсли родился в Лондоне в бедной семье. В возрасте десяти лет он впервые обнаружил свои исключительные способности, которые создавали ему массу проблем в отношениях с отцом и матерью: те не хотели слышать об этой «нелепости». Мальчик замкнулся в себе, решив, что он не такой, как все. В юношеском возрасте он встретил наконец человека, который знал о парапсихологических явлениях и ввел его в круг медиумов. Те помогли его способностям развиться, и Дэсли стал принимать участие в публичных демонстрациях, а потом и давать частные сеансы, во время которых он встречался с известными медиумами и духовными лицами, интересующимися парапсихологией. В Санта-Барбаре он жил всего пять лет, но у него было уже весьма напряженное расписание.

Затем мы перешли к обсуждению моего случая:

— Узнав о том, что случилось с вашим сыном, я был очень огорчен. Поверьте мне. Молодой человек непременно появится сегодня.

Он начал объяснять, что благодаря своим способностям может видеть и даже слышать моего сына, что для меня совершенно невозможно, а потому Дэсли будет служить нам посредником. Это очень напоминало методы

миссис Твитт, и я почувствовал себя в знакомой обстановке.

Мы замолчали. В какой-то момент медиум вдруг повернул голову и посмотрел на что-то невидимое для нас.

— Ваш сын стоит сзади и слева от вас, — сообщил он и заговорил иным, отстраненным голосом. — Здравствуй, папа. Я очень рад, что вижу тебя сегодня. Я был с тобой недавно, когда ты искал книгу в библиотеке и не мог ее найти. Когда ты вышел из комнаты, я положил том на письменный стол, и ты был удивлен, найдя его там. Знаешь, папа, я много раз пытался вызвать около тебя физические явления..

Много раз... Я заметил только два таких явления; но если умерший человек способен перемещать вещи, можно допустить, что во многих случаях его действия остаются незамеченными, особенно в таком заваленном бумагами доме, как у меня.

Мистер Дэсли слегка наклонился вперед и широко открыл глаза, как будто глядя на кого-то сзади меня. Его лицо было озарено каким-то внутренним светом.

То, что он мне рассказал, почти не оставляло сомнений, что это Джим снова пытается установить со мной контакт. Если я и обнаружил в его словах несколько мелких ошибок — например, то, что книга лежала не на письменном, а на обычном столе, — то основные факты были описаны достаточно точно. Или же мистер Дэсли при помощи телепатии черпал сведения в моем подсознании и выдавал их за сообщения Джима — или же он действительно был в контакте с моим сыном и знал, что тот использовал физические явления, чтобы привлечь мое внимание.

— Когда вы по пути сюда проскочили поворот и стали подниматься на холм, — продолжал мистер Дэсли, очевидно, от лица Джима, — я испугался, что вы никогда не найдете этот дом.

— Как ты узнал об этом? — спросил я, чтобы посмотреть, какова будет реакция.

— Я был там, — ответил он, смеясь.

Это признание не произвело на меня большого впечатления. В конце концов, мы приехали с некоторым опозданием и, разумеется, мы были не первыми гостями мистера Дэсли, заблудившимися в этой части города. Медиум легко мог догадаться, что мы проскочили поворот, и это еще не доказывало его парапсихологических способностей.

— Илия здесь со мной, — продолжал голос. — Мы оба сейчас помогаем тебе.

Я вспомнил, как в Нью-Йорке после службы незнакомый священник сказал мне, что Элиас — а не Илия — стоял у меня за спиной вместе с моим сыном в то время, когда я проповедовал новую доктрину. Ошибка в имени была еще более убедительной, но вряд ли мистер Дэсли знал, что дедушку Джима звали Элиасом.

— Твой отец тоже здесь, — снова заговорил Джим. — Он передает тебе, что они с твоей матерью — очень разные люди.

Это показалось мне справедливым и глубоким замечанием.

Медиум продолжал, говоря теперь уже от себя:

— Илия и Джим были большими друзьями в этой жизни. Илия говорит, что Джим тревожится, не слишком ли вы беспокоитесь о нем.

Эти слова меня немного смутили. Джим с Элиасом действительно отлично ладили, но я все еще не был уверен, что Дэсли знает, кого называет именем «Илия». А вторая фраза звучала утешительно, как пастырская проповедь, техника которой мне была хорошо знакома, и не произвела на меня большого впечатления, так как на самом деле я уже перестал беспокоиться за Джима.

Дэсли говорил быстро, как будто с трудом поспевал за тем, что видел и слышал.

— Он сейчас здесь, в комнате... Вы могли бы стать медиумом, у вас есть способности — сказал он мне вдруг и тут же продолжил: — Ваш сын намного выше вас. Это очень умный юноша! Он не может выразить, как сожалеет, что причинил вам такое горе; для него было неожиданностью и потрясением то, что он жив. Он попытался поговорить с вами, когда вы спали, но вы не узнали его. Он продолжал попытки связаться с вами, но он не удовлетворен результатами этого сеанса. Он считает, что может сделать лучше.

С моей стороны не было никакой предвзятости в отношении конкретных результатов сеанса. Я приехал сюда, потому что Джим, как мне казалось, позвал меня, но у меня не было для него никаких особых сообщений. Если бы медиум хотел произвести на меня впечатление, говоря то, что я, по его мнению, желал услышать, он бы, вероятно, утверждал, что Джим всегда верил в загробную жизнь, — но его слова вполне соответствовали действительности.

Я отметил про себя замечание Дэсли о том, что мой сын был намного выше меня. Раньше он уже описывал высокого и худого

молодого человека; это был точный портрет Джима, причем, насколько мне известно, после его смерти в газетах ни словом не упоминалось о его росте.

Этот сеанс сильно отличался от сеансов с миссис Твитт. Тон беседы напоминал наставления священника. Отношение мистера Дэсли ко мне было в высшей степени чутким и доброжелательным, и его качества священника, без всякого сомнения, усиливались благодаря телепатическим способностям. Разумеется, я всегда считал роль пастыря очень важной; но в его речи я находил слишком много общих утешительных рассуждений, которые не имели непосредственного отношения к Джиму. Из всего этого я заключил, что откровения медиума в определенной степени отражают его собственную личность.

Мистер Дэсли продолжал:

— Джим — очень умный и серьезный молодой человек! Очень скоро к нему вернется душевное равновесие. Если не ошибаюсь, вы провели вместе много недель: Джим сожалеет о времени, прожитом бок о бок с отцом. — Затем медиум повернулся к Мэйрн. — Теперь Джим смотрит на даму, которая вас сопровождает. Он говорит, что привел человека, который хочет с ней поговорить. Его зовут Эдгар Кейс. Кажется, он очень интересуется миссис Бергруд. Он знает, что миссис Бергруд прочитала недавно две его работы, и хочет дать ей несколько советов в отношении этих книг.

Мне это имя было незнакомо. Позже я узнал, что Кейс, психиатр по профессии, при жизни был медиумом и во время сеанса советовал своим пациентам почитать книги о переселении душ.

— Джим обнимает вас, Мэйрн, — сказал Дэсли.

У нас обоих перехватило дыхание, ни я, ни она ни разу не называли Дэсли ее имени. Когда мы приехали, я представил Мэйрн медиуму как миссис Бергруд.

— Джим говорит, что вы прекрасно выглядите и что новая прическа идет вам гораздо больше, — продолжал наш хозяин.

Мои мысли сразу вернулись к странным событиям прошлых месяцев. Я вспомнил о сожженных волосах Мэйрн и о словах Джима, сказанных прошлым летом в Сан-Франциско. «Мне не нравятся ее кудри». С тех пор Мэйрн больше не завивала волосы. Видимо, мы были правы, считая, что это Джим был виноват в том, что она потеряла свои кудри.

Теперь на сцену выступил Эдгар Кейс; он заговорил напрямую с Мэйрн:

— Вы с ним (Дэсли показал на меня) предприняли попытку с верчением столов. Но это совершенно бесполезно.

«Удивительно», — подумал я. Я не знаю, каким образом Дэсли смог бы узнать о нашей попытке, предпринятой в Кембридже по совету Хиггинса, и о ее бесславном результате. Конечно, это могло быть случайным совпадением, но это было маловероятно. Не часто епископ ассоциируется со столоверчением! Может быть, медиум вычитал у меня в подсознании?..

Дэсли улыбнулся.

— Джим спрашивает, куда вы в конце концов поставили телевизор.

Несколько дней к нам приходил мебельный мастер, и мы с мамой долго спорили, куда поставить телевизор.

— Он считает, что вам надо найти квартиру попросторнее или избавиться от пары сотен лишних книг, — продолжал Джордж Дэсли.

Медиум никогда не видел мою квартиру, но это замечание было справедливым. На меня произвело огромное впечатление то, что походило на явление передачи мысли на расстоянии. Кажется, Дэсли мог отчетливо видеть недавнее прошлое.

А он тем временем продолжал:

— Джим стал веселее. Поэтому он пытался передвигать вещи.

«Не только пытался — ему это удалось», — подумал я.

— Илия просит меня сказать вам, что у вас впереди еще большая часть вашей карьеры и что вы... — Медиум прервался. — Здесь присутствует кто-то, кто настаивает на том, что в вашей семье есть священники. Я не знаю, кто это... — И, сменив тему, он заговорил с Мэйрн: — Джим спрашивает, хорошо ли идут ваши новые часы. Он говорит, что вы могли бы найти и покрасивее.

Мэйрн недавно потеряла свои часы и на днях купила другие, довольно дешевые. Это замечание заставило меня подумать: «Как это похоже на Джима — он всегда был таким бестактным!» Что касается Дэсли, то хорошо воспитанный англичанин, каким он, несомненно, был, никогда не позволил бы сказать такое.

— Теперь с вами говорит Эдгар Кейс, — сказал медиум, поворачиваясь ко мне. — Он сообщает вам, что дядя Билл в мире душ.

— Не может быть, — я покачал головой. — Мой дядя жив и здоров.

— Дядя Билл здесь или скоро будет здесь. Мы ждем его. Он посылает вам привет и говорит, что позаботится о вашем сыне.

Это замечание меня удивило, но я не вспоминал о нем до октября, когда пришло письмо, сообщающее, что мой дядя Билл из Кемпбелвилля умер после долгой болезни. Мы с мамой полетели в Кентукки, и я отслужил панихиду по просьбе католического священника, который получил на это разрешение от архиепископа Сент-Луиса. В разговоре с тетей Этель я упомянул о спиритическом сеансе; сравнив числа, мы обнаружили, что именно в тот день дядя Билл впал в глубокую кому, из которой ни доктора, ни тетя Этель уже не надеялись его вернуть. Несмотря на это, он вскоре очнулся и сказал своей жене: «Я видел Иисуса и с ним других, кто меня ждет».

Разумеется, подобные видения часто бывают у побывавших в коме; к тому же слова дяди Билла не соответствовали в точности тому, что сказал Джим, который не упоминал Иисуса. Неудивительно, что человек, воспитанный в традициях христианства, убежденный католик, увидев кого-то в другом мире, решил, что это скорее Иисус, чем кто-либо другой, кого он знал здесь, так как традиция учит, что после смерти мы встречаемся с Богом.

В любом случае совпадение между видениями дяди Билла и сообщением медиума было впечатляющим.

Дэсли заторопился, как будто опасаясь, что не успеет передать всего, что слышит.

— Папа, — теперь его устами, казалось, говорил сам Джим, — вы должны мне помочь. Проповедуйте для духовенства. Некоторые

священники считают вас пророком. Не обращайтесь внимание на преследования..

Это вполне соответствовало характеру Джима.

— Теперь с вами говорит Эдгар Кейс. Он утверждает, что глаза у вас раздражены и это не пройдет до тех пор, пока вы не поменяете очки. Ваше зрение ухудшается с возрастом.

Позже я понял, что во время таких сеансов иногда поступает информация, не имеющая никакой ценности: она просто заполняет паузы между основными сообщениями. Иногда эти замечания бывают верными, но могут послужить для скептически настроенного свидетеля доказательством фальшивости всего сеанса. Я не считаю такую реакцию правильной. Привыкнув импровизировать во время проповеди, я знал, что оратор иногда невольно говорит банальности, которые дают ему время, чтобы собраться с мыслями, и заполняют слишком тяжелые паузы. Тот же прием может использовать и медиум, и это не умаляет значения сеанса — как, надеюсь, не сводит на нет ценность моих проповедей!

Почувствовав, что Дэсли трудно поддерживать разговор, я решил подвести сеанс к более важной теме.

— Эй, Джим! Как поживает Пол?

Я хотел говорить о Поле Тиллихе, но Дэсли (или Джим), кажется, подумал, что я имею в виду кого-то другого.

— Он не на земле, но с ним пока трудно связаться. Он только что к нам прибыл.

Из этого я заключил, что сегодня установить связь с Полом Тиллихом не удастся. Тут Эдгар Кейс снова заговорил с Мэйри:

— Мы можем развить в вас способность стать медиумом, если вы не будете слишком нетерпеливы. Вы сможете лечить не хуже, чем я когда-то.

Меня это не очень интересовало, но я увидел, как Мэйри подняла брови. Позже, когда мы уже сели в машину, она сказала мне, что это предложение ее действительно взволновало. В свое время она довольно далеко продвинулась в изучении медицины и даже биохимии, но вынуждена была отказаться от этого вследствие болезни ее мужа, финансовых сложностей и своего собственного здоровья. Мэйри явно испытывала тогда чувство неудовлетворенности, и это продолжалось до сих пор, я это видел. Она начала изучать курс психиатрии под руководством священника калифорнийской епархии, специализирующимся в этих вопросах.

Тем временем Дэсли продолжал:

— Джим говорит: «Не пользуйтесь больше этими ручками, которые не пишут».

Я мысленно улыбнулся. Это замечание было пустяковым, но верным. Я привез из Сан-Франциско коробку старых шариковых ручек и на днях попробовал некоторые из них, но безуспешно. Так они и валялись теперь в ящике моего стола.

Я сменил тему разговора:

— Джим, что будет этой зимой с твоей мамой и ребятами?

— Не могу сказать, папа, — был ответ.

Не слишком информативно. Тогда я решил задать еще один вопрос, чтобы попытаться проверить, действительно разговариваю со своим сыном.

— Кэти на пару дней приезжает домой, Джим! — сказал я; разумеется, медиум не мог знать, что речь идет об одной из сестер Джима. — Что ты об этом скажешь?

Прозвучал ответ:

— Скажи ей, что я люблю ее. Они хотят верить. Я не знаю, смогут ли они, но скажи это Кэти.

Эти слова были слишком расплывчатыми, чтобы что-то доказывать, и все же я чувствовал, что они имеют некое значение. Поэтому несколько дней спустя я решил, что обязан рассказать об этой беседе Кэти: они с Джимом всегда были очень близки.

Мистер Дэсли выпрямился и внимательно посмотрел на меня.

— Джим говорит: «Теперь скажите папе, что мы с ним будем работать. Скажите ему, что моя смерть не была преднамеренной, что бы ни утверждали газетчики. Я не был одержим демонами, просто мое время на земле истекло. Там, где я сейчас нахожусь, я буду гораздо более полезным папе. Скажите ему, что у него не должно быть угрызений совести».

Выражение доброты и участия, которое читалось на лице Дэсли, усиливало впечатление, что я слушаю наставления священника. То, что он говорил, вполне соответствовало сказанному миссис Твигг и тому, что я знал о Джиме при его жизни, но мне это казалось уже пройденным этапом.

Медиум продолжал:

— Ты будешь наблюдать другие физические явления, ты должен бороться с духовенством, ты напишешь очень важную книгу с помощью Илии. Мы все будем тебе помогать.

Одно предсказание следовало за другим, но прошло два месяца, прежде чем я поверил в их истинность. Против меня было выдвинуто обвинение в ереси; двенадцать епископов, подписавших его, сообщили об этом всему епископату и опубликовали свое письмо в прессе. Мои труды были безоговорочно запрещены к публикации в церковных печатных органах решением состоявшегося в Вилинге (Западная Вирджиния) собрания епископов, которое не сочло нужным меня выслушать. Меня должны были судить за ересь. Тогда я начал писать одну из самых значительных своих книг — «Если это ересь», — которая была опубликована издательством «Харпер & Рау» в Нью-Йорке в конце 1967 года, то есть год спустя. Идеи, высказанные в ней, действительно соответствовали мировоззрению моего покойного свекра. Кроме того, я постоянно чувствовал присутствие Джима, так как он то и дело давал о себе знать с помощью таинственных явлений.

Но в тот момент я всего этого не знал. Дэсли закончил сеанс словами:

— Они все посылают вам свое благословение. Там еще много людей, которые сожалеют, что не смогли с вами поговорить.

— Я бесконечно вам благодарен, — сказал я Джорджу Дэсли. И добавил — без особой уверенности в результате: — Спасибо, Джим, было замечательно встретиться с тобой.

Действительно ли это был Джим — или мне так казалось?

Мы попрощались с медиумом и вышли.

Следующую встречу мы с Дэсли назначили на 9 сентября 1966 года — три недели спустя. Хотя никаких физических явлений больше не было, я чувствовал, что Джим снова хочет войти со мной в контакт.

Многое из того, что прозвучало во время этого четвертого сеанса, было лишь повторением сказанного на трех предыдущих встречах; кроме того, мы говорили кое о каких недавних событиях, правда, довольно незначительных, но показавших, что Джим постоянно наблюдает за моими делами. Он сообщил через мистера Дэсли, что видел, как я изучал записи, сделанные во время спиритических сеансов в Англии. Я действительно перечитал эти записи как раз накануне вечером, готовясь к этой встрече. Джим спросил еще, помню ли я, как тщетно пытался найти нужную мне книгу, которая потом обнаружилась прямо у меня под ногами.

Очевидно, эта информация могла быть почерпнута из моего сознания — или, возможно, подсознания — с помощью телепатии; следовательно, ее нельзя было использовать в качестве доказательства бессмертия души. И все же она дала мне отчетливое ощущение присутствия моего сына и контакта с ним.

Кроме того, все указывало на его информированность в отношении моих личных дел. Большая часть из того, что он говорил, касалась меня лично и обнаруживала его полную осведомленность во всех деталях той напряженной и запутанной ситуации, которая сложилась вокруг меня. Его комментарии по поводу моей работы и семьи были обычно абсолютно верными. Был ли это голос Джима или «ясновидение» медиума — но результат был впечатляющим.

Мистер Дэсли сообщил мне:

— Джим просит сказать вам, что хочет работать вместе с вами. Он говорит, что на новом этапе ваших исследований вам придется много говорить с людьми, но совсем по-другому, чем раньше. Он добавляет, что многие будут искренне вас поддерживать, но гораздо больше людей возненавидят вас — и ненавидят вас уже сейчас.

В это время эти малоутешительные прогнозы имели для меня лишь теоретическое значение, но я вспомнил их, получив уведомление о новых обвинениях в ереси, выдвинутых против меня епископами. После того, как меня лишили права выступать в свою защиту на ассамблее в Вилинге, я понял, что должен познакомиться со своими взглядами более широкую публику, чем раньше. Я решил увеличить число проповедей и лекций по всей стране. В следующем году я проехал все Соединенные Штаты, выступая в прессе, на телевидении и радио, куда меня очень часто приглашали, и повсюду мои выступления получали одобрение аудитории. Теологические вопросы редко обсуждаются так широко, как это было в моем случае. Время от времени я

вспоминал слова Джима и черпал в них поддержку и заряд энергии.

И все же эти прогнозы могли исходить от самого медиума, получившего благодаря своим способностям возможность предсказывать будущее. Их значение в качестве доказательства бессмертия души могла определить только вся совокупность свидетельств и сообщений, которые приходили от Джима и при посредничестве медиума, и через других людей. Мой сын, казалось, всюду следовал за мной и помогал мне во всех жизненных обстоятельствах, как это было и во время нашей совместной жизни в Кембридже.

Во время этого сеанса с мистером Дэсли я спросил, не встречал ли Джим одного из моих добрых друзей, который недавно умер (учитывая обстоятельства, я назову этого человека псевдонимом «Икс»). Ответ звучал так:

— Джим сказал, что видел Икса, но Икс его не узнал. Позже они постараются дать ему возможность поговорить с вами.

Я спросил, как Икс умер.

— Джим предполагает, что он покончил жизнь самоубийством, поскольку тот прибыл к ним в том же состоянии, что и сам Джим, — ответил медиум.

Смерть Икса официально не была признана самоубийством, но загадочные обстоятельства, которые сопутствовали его смерти, давали основания предположить, что он ушел из жизни добровольно. Если это правда, то состояние Икса сразу после смерти (например, то, что он не узнал моего сына) вполне соответствовало состоянию самого Джима в первые две недели, после самоубийства. Существует много подобных случа-

ев, свидетельствующих о смятении души вследствие внезапной или насильственной смерти; вспомните в Писании: «От внезапной смерти избавь меня, Господи».

Во время этого сеанса мне было дано одно из самых значительных доказательств возможности связи с умершими.

— Джим говорит, что когда вы были еще в Англии, он попытался ввести в транс одну даму (вероятно, миссис Твигг?) и заставить ее сказать, что у вас будет сеанс со мной, — сообщил Дэсли.

Я никогда ничего не говорил медиуму о том, что получил указание обратиться к «Спиричуэлс Фронтьерс» через миссис Твигг.

Это сообщение меня, разумеется, очень взволновало. Возможно, и на этот раз он черпал информацию из моего подсознания при помощи своего телепатического дара, но даже если это так, результат был замечательный.

Во время этого сентябрьского сеанса мы записали много сообщений. Я узнал, что Джим чувствует себя лучше, он стал свободнее и счастливее, что он вспоминает наши долгие беседы в Кембридже и помощь, которую мы оказывали друг другу. Наконец, мой сын недвусмысленно предложил мне сообщать публике об этих моих опытах.

От начала и до конца этот сеанс оставил у меня ощущение общности и дружбы с Джимом, которое уже возникало у меня раньше — в течение нескольких месяцев нашей совместной жизни в Англии. Джим — если это на самом деле был он, — кажется, изменился в лучшую сторону: при жизни он никогда не был способен уделять больше внимания ближнему, чем себе самому.

Я не стал слепо следовать всем советам, полученным от моего сына. Я ни с кем не говорил о моих опытах, за исключением нескольких близких друзей. Кроме того, я рассказал об этом на двух небольших собраниях духовенства, которые проходили в Центре под руководством Ирвинга Лаукса.

Ни в одной из моих многочисленных речей, докладов или публичных проповедей, с которыми я выступал в течение следующего года и в которых говорил о вере в загробную жизнь, я ни словом не обмолвился о своем личном опыте. Я не упоминал об этом и на страницах своей книги «Ересь ли это?», где много говорилось о жизни после смерти.

Эта сдержанность объяснялась моей уверенностью в том, что — даже если все это доказывало гипотезу о бессмертии души, — разговаривая с сыном, я имел дело лишь с его человеческой личностью и не более того. Даже в загробном мире и Джим, и другие, с кем я общался, сохраняли черты, присущие им, когда они жили среди нас. Сообщение, полученное через медиума, больше похоже на телефонный разговор с другом, чем на послание с небес.

Наконец я уже знал, что рассказ о моих опытах, какими бы доказательствами я его ни подкрепил, вряд ли будет доброжелательно принят общественным мнением.

Прошло лишь несколько дней после второго сеанса у Дэсли, когда мой покой и мои планы внезапно были нарушены публикацией обвинений в ереси, выдвинутых против меня епископом Флориды.

Немедленно последовал поток писем от «почитателей» и хулителей. Ко мне все чаще

стали обращаться с просьбами выступить с лекциями. Мы с моим секретарем не успевали отвечать на приглашения.

Я решил создать неприбыльный фонд в поддержку моих идей, различных религиозных и гражданских лиц. Основу фонда составили мои гонорары и средства от продажи авторских прав, а также финансовая помощь, предоставленная мне разными лицами. Трое моих друзей, достаточно разных по своим взглядам, составили административный совет. Так родился «Нью Фокус Фаундэйшн».

Миссис Мэйрн Бергруд стала его первым директором. Она сразу окружила себя небольшой командой деятельных и преданных сотрудников.

В октябре Палата епископов, собравшись в Вилинге (Вирджиния), чтобы избежать суда по обвинению в ереси, предъявила мне вотум недоверия. Тогда, согласно принятой процедуре, я представил прошение об открытом суде с участием сторон. По существу, это значило: «Я ставлю на кон мою митру. Рассмотрите мое дело или лишите меня священнического сана».

С другой стороны, поручив Фонду принимать все предложения выступить с лекциями, я решил закончить книгу «Ересь ли это?» до назначенной на сентябрь Генеральной ассамблеи, полностью изложив там свою доктрину.

* * *

В течение многих недель и даже месяцев у меня не было времени подумать о телепатических явлениях. Я был полностью погло-

щен подготовкой к судебному процессу по обвинению в ереси. За всю осень и зиму произошло лишь одно необычное явление, но оно было действительно волнующим и напомнило мне события в Кембридже.

Я приехал в Вилинг заранее, за несколько дней до начала собрания епископов, чтобы поприсутствовать на сессии теологического Комитета, членом которого я был. Была суббота; я знал, что комитет епископов, который должен принять решение по моему вопросу, соберется в выходные дни. Поскольку до сих пор мои многочисленные просьбы быть выслушанным не были приняты, я не знал, к чему готовиться. В понедельник председательствующий епископ объявил, что комитет подаст рапорт в епархию на следующий день, в 15 часов 30 минут. В понедельник утром, во время теологического собрания я с трудом мог сосредоточиться на работе, думая об обвинениях в свой адрес и о том, что я могу ответить. Пока один из докладчиков выступал с трибуны, я решил заглянуть в новую книгу о теологической свободе, написанную отцом Хансом Кунгом, чтобы поискать там аргументы, которыми мог бы воспользоваться, если бы мне разрешили завтра защищать свои взгляды перед Комитетом епископов.

Около 11 часов я закрыл книгу, тихо встал с места, вышел из зала и направился в туалет. Там, взглянув на себя в зеркало, я заметил, что с левой стороны у меня выбилась прядь волос сантиметра в два шириной и в один длиной. Поскольку расчески у меня не было, я укоротил упрямую прядь карманными ножницами, затем вернулся в зал заседаний.

Поскольку тема дискуссии совершенно меня не касалась, я снова взялся за книгу. Она сама открылась у меня в руках; между страницами что-то лежало. Я присмотрелся... это была моя собственная прядь волос, которую я только что состриг! Сначала я не поверил своим глазам. Снова покинув свое место, я быстро вернулся в туалет и заглянул в раковину, куда должны были упасть остриженные волосы. Там ничего не было.

В задумчивости я снова уселся на свое место и рассказал обо всем своему соседу и старому другу, епископу Корригану.

— Трикс, — прошептал он мне.

— Ну и что? — Я знал, что «трикс» значит по-гречески «волос», но не понял, что хотел сказать Корриган.

— Вспомните, — сказал он, улыбаясь, — что «трикс» означает также «предзнаменование».

— Большое спасибо... — Я вспомнил Джима, его обещания помочь мне — и вдруг почувствовал себя спокойнее и увереннее.

Мой взгляд упал на страницу, где лежали остриженные волосы: это было место, где автор ратовал за свободу теологии, которую он рассматривал как составляющую часть свободы религии. «Один Бог, одна вера, одно крещение» (святой Павел), но разные учения, — добавил отец Кунг. Эта цитата пришлась очень кстати; это было именно то, что я искал.

Назавтра я использовал эту цитату в своем ответе на обвинение в ереси. Впоследствии эта речь довольно широко распространилась среди приверженцев разных церквей и даже среди неверующих; а год спустя эта

либеральная позиция одержала верх на Генеральном конгрессе в Сиэтле, где все было расставлено по своим местам.

В декабре я работал над главой моей книги «Ересь ли это?», озаглавленной «Жизнь после смерти». Я много читал об исследованиях различных проявлений человеческой души, доказывающих, что она может иногда выходить за пределы пространства — времени. Несмотря ни на что, я чувствовал необходимость расширить свои знания, прежде чем обнародовать свой взгляд на бессмертие души. Метод «вера плюс факт» требовал многочисленных документальных доказательств, а также их анализа или критики.

Прочитав множество самых разнообразных книг и статей, я стал пользоваться греческой буквой «пси», все чаще применяемой учеными в этой области. Таким образом, я хотел подчеркнуть единство различных парапсихологических проявлений, количество и разнообразие которых порой скрывают связи, существующие между ними: экстрасенсорное восприятие, принимающее различные формы, включая телепатию, предвидение, ретровидение, ясновидение, а также мистические опыты с применением наркотиков или без них, исключительные способности к языкам, коллективное подсознание и синхронизм, телекинез, парапсихологические явления или контакты с умершими... К этому можно было бы добавить духовное лечение, молитвы о заступничестве, заклинания и даже вещие сны. Погрузившись в изучение явлений, обозначаемых буквой «пси», я растерялся перед необозримым множеством книг и публикаций на эту тему.

Среди всего этого изобилия описаний загадочных явлений были и простые пересказы без малейших попыток осмысления, и другие, подкрепленные точными свидетельствами. Надеюсь, что книга, которая сейчас перед вами, принадлежит ко второй категории. Я прочитал также множество описаний научных экспериментов, проводившихся в условиях жесткого контроля, с использованием компьютеров и электроэнцефалографии. Мой собственный опыт полностью подтверждал выводы авторитетных ученых, изучавших явления «пси». Все это привело меня к убеждению, что жизнь в загробном мире — это естественное продолжение существования человеческой души, ее вечной жизни. Это был один из трех принципов, изложенных в моей книге: не так уж много, зато эти принципы опираются на твердую эмпирическую основу.

Приближался конец года. В духе примирения, отражающем общее желание, председательствующий епископ, чтобы избавить меня от суда по обвинению в ереси, решил созвать расширенный комитет по теологической свободе и социальной ответственности. Я, со своей стороны, публично заявил, что не воспользуюсь процедурой, предусмотренной каноническим правом, прежде чем комитет не подаст свой рапорт. Кроме того, в случае, если этот документ значительно изменит вердикт, вынесенный в Вилинге, я обязался подождать назначенного на осень общего собрания конгресса, который и должен был вынести окончательное решение.

Когда комитет собрался, я был назначен одним из теологических консультантов и с энтузиазмом принялся за работу.

Незадолго до моего отъезда в Бостон, где я должен был принять участие в заседании комитета, произошло событие, которое побудило меня снова встретиться с Джорджем Дэсли. Однажды я руководил дискуссией в калифорнийском научном Центре. Обсуждалась тема жизни после смерти. Один из присутствующих, много работавший над изучением явлений «пси», представил краткое изложение вопроса.

В ответном выступлении другой ученый резко раскритиковал его построения, назвав их абсурдными. В этот момент взяла слово одна дама — миссис Уэнди Феллоуз, — которая в тот вечер еще не выступала.

— Я не хотела прерывать вас, епископ Пайк, — сказала она мне, — но поскольку это касается темы нашего разговора, я хотела вам сказать, что во время вашего выступления у вас за спиной стоял человек примерно вашего роста в одежде священника, который повторил несколько раз: «All right»¹². На его груди были какие-то красные пятна — я не разобрала, что это такое.

— Это очень любопытно, — ответил я. — Вы говорите, он был в облачении?

— Да, как будто собирался служить обедню или только что закончил ее.

— Вы уверены, что он сказал «All right»? — спросил я.

— Я очень хорошо это расслышала, — заверила меня мадам Феллоуз.

Никто из нас не мог объяснить этого явления, и больше мы о нем не говорили. Но на следующее утро, когда я проснулся,

¹² Очень хорошо (англ.).

мне пришло в голову, что, может быть, священник сказал не «All right», а «Hugh Wright» — ведь эти слова произносятся почти одинаково.

Отец Хью Райт был священником калифорнийской епархии. Я был очень привязан к нему, и у меня были все основания считать, что он тоже относится ко мне с симпатией. Как раз незадолго до этого собрания я узнал о его трагической смерти: его лодка затонула во время рыбалки на озере. Райт и его напарник смогли добраться до берега вплавь, но оказались в диком лесу. Хью упал, когда его друг пошел за помощью; он задохнулся от легочного кровотечения.

Этот замечательный случай с миссис Феллоуз, с которой ни я, ни Хью не были знакомы, явился впечатляющим примером ясновидения и «яснослышания», так как больше никто из присутствующих на собрании ничего не заметил. Поскольку раньше я получал подобные «весточки» от Джима, я решил, что на этот раз со мной пытается связаться Хью Райт. Вот почему я попросил Джорджа Дэсли о новой встрече.

С этой точки зрения сеанс потерпел неудачу. Появился только Джим. Я спросил сына, был ли он в контакте с Хью, но его ответ был отрицательным.

— Нет, я его не видел. Я сменил местонахождение и почти не общаюсь с теми, кто сюда прибывает. Если хочешь, я могу узнать о нем.

Ну разумеется: даже если принять гипотезу о бессмертии души и возможности контакта с умершими, было бы наивным считать, что любой человек в загробном мире может быть в курсе всех случаев смерти.

И все же я попытался заговорить о другом человеке.

— Один из твоих близких друзей, — сказал я, — только что умер в Мехико. Он употреблял наркотики. (Это о нем и его матери я писал в первой главе этой книги.) Ты с ним разговаривал?

Ответ, который я получил, был весьма уклончивым:

— Мы должны поговорить о таких реальных вещах, как наркотики. Мое поколение хочет все испытать на себе. Происходят изменения мыслительных процессов в клетках мозга, но наркотики — это другое. Все деформировано, но это может быть блаженством, а может быть и адом.

Этот комментарий показался мне верным; именно так я и представлял себе действие наркотиков и последствия их применения. Я знал, что молодые люди принимают наркотики, чтобы достичь райского блаженства, но в результате оказываются охваченными видениями ада. Джим и его друг умерли, находясь, очевидно, под воздействием наркотиков, и можно предположить, что они погибли в муках первой части «путешествия». Однако я не получил от Джима прямого ответа на мой вопрос о его друге.

Во время сеансов часто повторялись выражения, являющиеся частью профессионального языка служителей культа. Эти назидательные фразы, которые совершенно не соответствовали разговорной манере Джима, разумеется, не добавляли достоверности гипотезе парапсихологических контактов.

Между тем меня поразила точность его высказываний по поводу одного человека, о кото-

ром я вовсе не думал, а потом другого, которого я не знал или по меньшей мере забыл. Вот что я услышал вдруг из уст медиума:

— В вашей семье в четырех поколениях есть четыре Джеймса.

— Нет, — возразил я, только три: Джим, я и мой отец. Что касается имени моего дедушки, я его точно не помню, но его звали не Джим.

— Я имею в виду другого священника, которого звали как вас, Джеймс, но он был гораздо старше вашего отца, — настаивал медиум.

Я мог только пожать плечами: мой отец умер, когда мне было всего два года.

Вернувшись в свой кабинет в Центре, я позвонил матери и спросил у нее, был ли в нашей семье священник — или скорее пастор, так как наша семья с момента переезда в Америку исповедовала католичество (до этого мои предки были англиканцами).

— Конечно, — ответила она, — отец Джеймс Пайк, брат твоего деда. Твоего отца называли в его честь. Он очень любил дядю.

То, что сообщал мне Джим, касалось обычно меня лично. Например, я услышал от него такие слова:

— Я встретил Пола, одного из твоих друзей, который боролся за свободу Церкви и теперь помогает тебе в этой борьбе. Он говорит, что ты должен немного передохнуть. Не позволяй им вымотать себя. Не торопись.

Позже в тот день он сказал мне еще:

— Как сын отцу, я не советую тебе упорствовать в этой истории с ересью. Епископы были предупреждены, и теперь высшие власти возьмут дело в свои руки. Будешь ты

епископом или нет, тебе нужно выполнить свою задачу.

Естественно, я не воспринимал эти предупреждения как истину в последней инстанции, но прислушивался к ним. А Джим продолжал:

— До сентября не форсируй событий. Позволь им делать, что они хотят. Пережди. Пол говорит то же самое; разумеется, я не имею в виду святого Павла. Иерархи используют посредников.

В самом деле, недавно меня навестил друг, который пришел переговорить от лица председательствующего епископа, чтобы попытаться избежать суда по обвинению в ереси. Именно этот разговор привел к созданию Комитета по свободе учений. Что касается предупреждения «До сентября не форсируй событий» — речь, очевидно, шла о Конгрессе, назначенном на сентябрь, — то оно совпадало с моим собственным мнением. Суда я не боялся. Все остальное было делом Церкви, а не моим.

В любом случае советы Джима пришлись очень кстати: на следующее утро я должен был выступить с объяснениями перед теологическим Комитетом.

— Я знаю, что ты не будешь говорить с догматической точки зрения. Важны не слова, а дела. Я буду с тобой завтра и помогу им противостоять.

Последние его слова были:

— Счастливого пути — и смелее.

Разумеется, существовала вероятность, что все — или почти все — эти советы исходили от самого медиума благодаря его телепатическим способностям. Ободряющий тон этих фраз также соответствовал складу ума мистера Дэсли.

Тем не менее меня не покидало впечатление, что Джим внимательно следит за развитием моих дел и «болеет» за меня всей душой.

В тот день во время сеанса было еще два момента, которые представляли для меня большой интерес. Во-первых, недавно я провел переговоры с издательством «Даблдэй» по поводу двух старых контрактов: книги, о которых там шла речь, меня больше не интересовали, так как мои мысли изменились. Аннулировав контракты, я предложил вместо них опубликовать книгу о моих парапсихологических опытах, которую напишет Мэйрн на основе моих рассказов. Я же хотел полностью посвятить себя своим исследованиям о происхождении христианства. Представители издательства любезно согласились; разумеется, я пообещал Мэйрн помочь в этой работе.

Во время того же спиритического сеанса были произнесены еще следующие слова:

— Я перевернул все вверх дном в Кембридже, я привел тебя сюда. Превосходная идея — обнародовать всю эту историю. Это давно надо было сделать. Ты станешь гораздо свободнее. Я очень, очень старался!.. Санта-Барбара также должна тебя стимулировать: послушай, папа, не беспокойся ни о чем, выполняй свою задачу. Не давай себя сломить ни предрассудкам, ни гонениям. Люди последуют за тобой, даже если Церковь отвернется от тебя; да и в любом случае мы ищем правды, а не популярности. Теперь ты видишь духовную сторону вопроса...

Джордж Дэсли ничего не знал о подготовке моей книги, но он мог уловить эту информацию в моих мыслях с помощью телепатии. Однако последнее замечание — «в любом слу-

чае, мы ищем правды, а не популярности» — полностью соответствовало тому настроению, которое сопутствовало нашим беседам в Кембридже. Это заявление могло исходить от меня, но если гипотеза о бессмертии души верна, то, несомненно, я слышал голос Джима.

— Ты слышал об Иисусе? — спросил я.

Он ответил:

— Лично я о нем не слышал. У нас есть выбор: ждать или совершенствовать наши духовные знания. Некоторые из нас предпочитают ждать последнего суда, а кое-кто, кажется, обратился к изучению восточных доктрин.

Последовало долгое рассуждение о личности Иисуса и «сфере Христа», в котором упоминалась возможность реинкарнации.

Трудно определить, не уловил ли снова медиум мои собственные мысли — ведь я много размышлял над идеей реинкарнации. Надо сказать, что в отношении наставлений и философских догм, высказываемых во время сеанса, я был настроен весьма скептически. Это были общие мысли, и они представлялись мне «слишком верными».

Вскоре — всего через две недели после моего возвращения в США — меня настигла новая трагедия: Мэйрн Бергруд, директор «Нью Фокус Фаундэйшн», покончила с собой, приняв большую дозу снотворного. Ее смерть нанесла мне сильнейший удар. Вместе со мной она была свидетельницей многочисленных контактов с Джимом. В последнее время она много занималась парапсихологией, работая над книгой, обещанной издательству «Даблдэй». Мэйрн знала обстоятельства смер-

ти Джима и, казалось, разделяла мнение, что у него не было иного выхода; но она знала также, с каким трудом Джим адаптировался в загробном мире из-за того, что умер не естественной смертью. Поэтому я был удивлен и потрясен тем, что Мэйрн избрала тот же путь.

С другой стороны, я знал, что миссис Бергруд перенесла две операции по удалению раковой опухоли и имела обыкновение приписывать любые болезненные ощущения возвращению болезни. Позже я узнал от ее родственников и коллег — впрочем, это подтверждали и мои собственные наблюдения, — что здоровье и эмоциональное равновесие Мэйрн Бергруд, вне всякого сомнения, были сильно подорваны, и что с некоторых пор она принимала все возрастающее количество различных лекарств. Как бы там ни было, ее уход нанес жестокий удар всем, кто ее знал.

Трудно выразить, насколько мучительным было для меня самоубийство человека, к которому я был очень привязан. В те дни я вновь пережил все трагические моменты смерти Джима.

Я был уверен, что Мэйрн непременно постарается связаться со мной, если только сможет. Поэтому через две недели после смерти моей верной подруги — я считал, что это время ей необходимо, чтобы оправиться после столь резкого перехода, — я снова приехал к Джорджу Дэсли в надежде связаться с ней, попытаться помочь и понять состояние ее души в момент самоубийства.

На этот раз сеанс привел меня в полное замешательство. Мэйрн так и не проявила

себя. Правда, Джим уверял меня, что Мэйрн близко, рядом с ним.

— Она в растерянности и оцепенении, — сказал Джим при посредничестве Дэсли.

Я спросил у сына, узнал ли он что-нибудь об обстоятельствах смерти Мэйрн Бергруд. Ответ был следующим:

— Мы все рядом с ней и готовы помочь ей вновь обрести себя. Она много страдала и сейчас еще находится в смятении.

Все это было очень печально и еще раз подтверждало теорию о том, что люди, умершие насильственной смертью или покончившие жизнь самоубийством, испытывают гораздо больше трудностей, чем другие, адаптируясь в загробном мире.

В середине августа я вернулся к Джорджу Дэсли. Я чувствовал, что обязан снова попытаться установить связь с Мэйрн; это слегка напоминало чувство долга перед заболевшим другом, которого надо навестить в больнице. Во время этого сеанса миссис Бергруд снова не проявила себя, но мистер Дэсли сказал, что Джим смог с ней поговорить.

— Она еще в смятении и страдает, — передал медиум, — но понемногу обретает способность говорить с нами.

— Она сказала, почему покончила с собой? — спросил я.

— Она объяснила, что в тот момент чувствовала себя хорошо и надеялась, умерев в таком состоянии духа, сохранить это ощущение. Она знала, что на земле улучшение долго не продлится.

Это признание подтвердило то, что наблюдали в день ее смерти все, кто находился рядом с ней. Уже много месяцев она не

чувствовала себя так хорошо. Казалось, она была полна жизни, и настроение ее было превосходным. Мэйрн работала все утро, так много, как давно уже не могла работать. Она показывала Санта-Барбару гостю, приехавшему из Бельгии, и мы встретились с ней только поздно вечером, чтобы поужинать. Уходя от нас в тот вечер, она была веселой и дружелюбной. Мне тогда еще пришло в голову, что Мэйрн могла надеяться каким-то образом продлить хорошее настроение этого дня.

Таким образом, ничто не доказывало, что признание, полученное во время сеанса, действительно исходило от Джима или Мэйрн. Было вполне вероятно, что Дэсли прочитал эти размышления в моих мыслях, а потом изложил их мне как исходящее от Джима.

Все это походило на насмешку. До смерти Джима я не верил в загробную жизнь, я ничего не знал о парапсихологических контактах, и мне никогда бы не пришло в голову попытаться установить такую связь, если бы цепь событий фактически не вынудила меня прибегнуть к помощи медиума. И теперь, когда я действительно верил, что такие контакты возможны, и знал, что Мэйрн тоже верила в это, — мы не могли установить связь.

Итак, меня снова охватило сомнение, и я вернулся к мысли, что гипотеза о возможности контакта с умершими была, в конечном счете, очень маловероятна. И это несмотря на тот факт, что Джим проявлял себя во время всех сеансов и его сообщения и советы отвечали текущим событиям и абсолютно соответствовали его личности.

По случаю выхода в свет моей книги «Ересь ли это?» мой издатель организовал, как обычно, несколько передач на телевидении и на радио, во время которых я отвечал на вопросы по содержанию книги. В то же самое время мистер Спреджетт, главный редактор канадской газеты «Торонто стар», задумал проект телепередачи под названием «Пять W (Who, What, Why, When, Where?)»¹³. Мистер Спреджетт знал о моих спиритических сеансах с миссис Твигг и мистером Дэсли: встретившись во время одной конференции в Женеве, куда он приехал от своей газеты, мы долго спорили об одном вопросе, возникшем по поводу предисловия к моей книге «Необъяснимое». Кроме того, он знал, что в главе «Жизнь в загробном мире» книги «Ересь ли это?» есть рассуждения о парапсихологических явлениях: я привел некоторые из них как доказательства реальности загробной жизни.

Мистер Спреджетт считал, что было бы интересно — с экспериментальной и познавательной точки зрения — пригласить вместе со мной для участия в передаче опытного медиума. Если бы медиум смог войти в транс

¹³ Кто, что, почему, когда, где? (англ.)

во время записи программы, Спреджетт использовал бы этот материал как предмет обсуждения для «круглого стола» в конце программы.

Надо сказать, что Спреджетт сам с увлечением изучал парапсихологические явления и именно поэтому решил попытаться осуществить подобный эксперимент на телевидении. Когда он поделился со мной своими планами, я сразу же дал свое согласие. Поскольку речь шла о заранее записанной передаче, а не о прямой трансляции, я знал, что мы сможем до эфира договориться о возможных купюрах. Мы считали, что все получится, если медиум не будет играть на публику или «плутовать». Кроме того, дискуссия в конце передачи обещала быть интересной, независимо от того, будет ли сеанс медиума успешным.

Аллен Спреджетт решил пригласить на запись преподобного отца Артура Форда, священника церкви Учеников Христа и известного американского медиума. План передачи был следующим: мы начнем с разговора о написанных нами книгах, в каждой из которых в той или иной степени говорилось о парапсихологических явлениях. Мистер Форд был автором труда «Ничего странного», Спреджетт написал «Необъяснимое», а я только что опубликовал «Ересь ли это?». Затем г-н Форд попытается войти в транс, и мы посмотрим, что из этого получится. Передача закончится дискуссией по проблемам парапсихологии.

Я приехал в Торонто 2 сентября 1967 года. В тот же день Спреджетт зашел ко мне. Чтобы уточнить детали передачи, запись которой должна была состояться на завтра.

Узнав, что Артур Форд остановился в этом же отеле, я сказал Аллену, что хочу пригласить священника на ужин, чтобы познакомиться перед съемкой: мне было бы очень интересно поговорить с единственным человеком, которому удалось вызвать дух Роберта Гудина и заставить его использовать секретный код, которым он пользовался при жизни во время демонстрации чтения мыслей. Многие считали Артура Форда лучшим медиумом, живущим в то время в Соединенных Штатах.

Спреджетт ответил, что Форд предпочел бы не встречаться со мной до записи передачи. Действительно, если он войдет в транс во время записи и если сеанс окажется удачным, то кто-нибудь непременно подвергнет сомнению подлинность эксперимента, обвинив нас в том, что мы сговорились заранее.

Мне эти предосторожности не казались особенно оправданными: я не верил, что в студии под светом прожекторов в обычной суете съемочной площадки можно осуществить спиритический сеанс. Мне не пришло в голову, что, если план Спреджетта удастся, передача будет иметь отклик по всей стране и даже за пределами Канады.

Я уже двадцать лет участвовал в телевизионных передачах и никогда не испытывал страха перед юпитерами. Мне удавалось почти забыть о присутствии камеры; я думал не о ходе передачи, а скорее о том, чтобы сосредоточиться и получить удовольствие от общества людей, с которыми мне приходилось беседовать. Как только запись программы, где я был главным героем, заканчива-

лась, я тут же о ней забывал до того момента, когда начинала приходить почта. Тогда я отвечал на письма — в первую очередь на те, в которых у меня просили совета, а потом, по возможности, на остальные.

Итак, без сомнения и особых надежд, я отправился на телестудию, хотя эта передача должна была не только стать интереснейшим экспериментом, но и привлечь несколько преждевременно, на мой взгляд, — внимание публики к моим парапсихологическим опытам.

Программа началась с беседы Спреджетта с мистером Фордом. Они сидели в центре большой студии, в окружении прожекторов и телекамер. Вокруг сутились еще человек двадцать, начиная с членов съемочной группы и кончая административными работниками студии.

Аллен задал Форду несколько вопросов о том, каким образом тот открыл в себе способности медиума, о самых ярких моментах его карьеры, о различных психологических и физиологических тестах, позволяющих проверить реальность его парапсихологических способностей. Вот особенно интересный отрывок их разговора, записанный непосредственно с магнитофонной ленты:

СПРЕДЖЕТТ: Что означает для вас «быть медиумом»?

ФОРД: Я просто обладаю способностью использовать на благо других людей духовный дар, который позволил зародиться христианству, и могу в какой-то степени действовать мысленно, духовно, без вмешательства моего тела. Я не знаю, как это объяснить.

СПРЕДЖЕТТ: Называя себя медиумом, подразумеваете ли вы, что действуете как посредник между живыми и мертвыми?

ФОРД: Именно так.

СПРЕДЖЕТТ: Значит, вы не считаете их мертвыми?

ФОРД: Я не думаю, что они в полном смысле этого слова мертвые. Для меня умершие гораздо более живые, чем мы.

СПРЕДЖЕТТ: Как вы устанавливаете связь?

ФОРД: Вообще это бывает по-разному. Что касается меня, я должен сначала войти в транс, как йога. Мое сознание совершенно отключается и тогда другой человек, который называет себя Флетчером — и который действительно существовал, мы это проверяли, — начинает говорить моим голосом. Он утверждает, что передает идеи и мысли людей, находящихся в загробном мире, которые хотят помочь живущим.

СПРЕДЖЕТТ: Иначе говоря, Флетчер, видимо, играет роль телефонного оператора, передающего сообщения от умерших?

ФОРД: Верно. В парапсихологии это называется «контроль».

СПРЕДЖЕТТ: Понятно. Расскажите теперь, кто такой Флетчер?

ФОРД: Флетчер был канадцем французского происхождения; он погиб в Первую мировую войну. Он является моим посредником с 1924 года. Это все, что я знаю о нем, за исключением того, что я знаком с его семьей: я знаю их с пяти лет, столько же, сколько и самого Флетчера.

СПРЕДЖЕТТ: Какие у вас есть основания считать, что личность, которая таким обра-

зом дает о себе знать, действительно является духом умершего человека? Что доказывает, что это не раздвоение вашей собственной личности в бессознательном состоянии?

ФОРД: Мы не можем быть в этом абсолютно уверенными, и по этому вопросу существует множество теорий. Но об этом можно судить по информации, которая поступает от «контроля» во время сеанса. Я работаю с многочисленными специалистами в этой области, которые тщательно проверяют все, что говорится. Они пришли к заключению, что это наверняка не было мое собственное подсознание; я просто не мог знать те сведения, которые сообщаю.

СПРЕДЖЕТТ: Значит, когда вы находитесь в состоянии транса, голос, который раздается из ваших уст, принадлежит не вам? Вы это хотите сказать?

ФОРД: Я думаю, что это мой голос, потому что Флетчер бесплотен и...

СПРЕДЖЕТТ: Что вы имеете в виду под словом «бесплотен»? Вы хотите сказать, что это человек без тела?

ФОРД: Дух, если вам так больше нравится. И если мы попросим его появиться, этот дух должен использовать тело человека, который согласится стать посредником. Таким образом, я даю Флетчеру возможность использовать мои голосовые связки, чтобы выразить свои мысли понятными для нас словами. Если вы прочитаете Библию, а также литературу по парапсихологии, вы увидите, что во все времена был необходим посредник, чтобы дух, бесплотное существо мог связаться с живыми.

Когда пришла моя очередь выйти на съемочную площадку, Спреджетт начал разговор о седьмой главе моей новой книги «Ересь ли это?», в которой я писал о феномене телепатии и о парапсихологических явлениях. На основании достаточного количества свидетельств и бесспорных данных я утверждал, что жизнь в загробном мире реальна. Кроме того, я писал там о том, что человек способен выйти за рамки пространственно-временного континуума — а следовательно, является частью вечной жизни, и о том, что для меня совокупность имеющихся фактов и свидетельств является достаточным доказательством того, что время от времени мы способны общаться с умершими, которые на самом деле еще живы.

Перед этим Спреджетт спросил Форда, не относится ли он скептически или с недоверием к тем или иным аспектам парапсихологического общения. Мистер Форд ответил, что скептицизм служит самой прямой дорогой к правде. Говоря о моей убежденности в том, что общение с умершими возможно, я подчеркивал, что мой метод «факты плюс вера» является попыткой преодолеть дух неверия, чтобы достичь теологической истины. Без фактов, на которые она может опираться, вера слепа и, следовательно, не имеет ценностей. Если же, напротив, мы располагаем подлинными и неоспоримыми фактами, тогда задача теолога заключается в том, чтобы сделать разумный вывод из этих фактов, не обременяя себя излишней уверенностью. Короче, нужно проявить веру, которая позволила бы каждому из нас жить и действовать на основе полученной таким образом гипотезы.

Г-н Спреджетт спросил меня, мог ли я сказать что-нибудь подобное десять лет назад. Я признался, что в то время я утверждал существование жизни в загробном мире лишь как одну из христианских догм, принимая ее на веру, как и многое другое в религии. Однако на возможность общения с мертвыми я смотрел тогда иначе. Но хотя разум мой был открыт для восприятия идеи этого общения, — я даже согласился вступить в Конгрегацию церквей по парапсихологическим и духовным исследованиям, — я тем не менее не стал бы тогда утверждать реальность такой возможности: у меня не было доказательств. Впрочем, в Писании почти ничего не сказано об общении с умершими, за исключением случаев с Иисусом и его учениками, а также нескольких других примеров, почерпнутых из Ветхого и Нового Завета.

Тогда Аллен спросил меня, пытался ли я сам связаться с загробным миром при помощи медиума. Я помню, что ответил не сразу, так как я не был тогда готов к тому, чтобы выносить это на публику. Теперь я отдаю себе отчет в том, что в этом было некоторое противоречие: ведь я сам согласился принять участие в передаче. В конце концов, если бы Форд вошел в транс, то телезрители все равно узнали бы, что я участвовал в чем-то вроде спиритического сеанса. Но тогда я обо всем этом не подумал и ответил так:

— Да, у меня было несколько подобных экспериментов, но я рассматриваю вопрос с более широкой точки зрения. Думаю, что некоторые наши телезрители вспоминают в настоящий момент свой собственный опыт

экстрасенсорного восприятия, предвидения или, возможно, даже ощущения присутствия умершего человека. Но, будучи скептиком — ведь мы живем в век науки, — они, очевидно, не признают этот опыт как не подкрепленный доказательствами, потому что считают, что речь идет лишь о единичных случаях. Я попросил бы этих людей не делать слишком поспешных выводов. Если они займутся серьезным изучением этого вопроса, они обнаружат, что существуют десятки и даже сотни подобных случаев. Когда они узнают, насколько многочисленны и разнообразны данные, существующие в этой области, как много есть объективно проверенных свидетельств, они по-другому посмотрят на свой собственный опыт.

Но мистер Спреджетт не был удовлетворен моим ответом. Он продолжал:

— Но вам лично — вам случалось получать более или менее достоверные сообщения от медиума?

Как человек, воспитанный в лоне церкви, который пришел к тому, что надо быть искренним и воспринимать вещи такими, какие они есть, но в то же время быть готовым выслушивать за это «замечания святых отцов», я почувствовал себя в ловушке.

— Да, это со мной случалось, — ответил я наконец. — Я бы сказал, что я считаю эти опыты ценными — в контексте других данных. Но не исключено, что все это можно объяснить иным способом. Мне не хотелось бы быть слишком доверчивым.

Тогда мы начали говорить о тех местах Библии, которые, возможно, были как-то связаны с парапсихологией: ясновидение,

послание ангелов, которые играли, очевидно, роль советчиков, явления Господа после Воскресения и т. д.

Мистер Спреджетт спросил меня, какого рода доказательства убедили бы меня, что сообщение действительно исходит от умершего человека и не представляет собой просто-напросто обман со стороны медиума.

Я ответил, что даже обман не должен служить достаточным основанием для того, чтобы отрицать парапсихологические способности медиума. Ведь научный метод состоит в том, чтобы оценивать имеющиеся у нас данные и делать из них выводы. Огульно отрицать явление, которое еще не было должным образом изучено, в высшей степени антинаучно.

Я не сомневаюсь, добавил я, что некоторые вещи, происходящие во время сеанса, могут относиться к явлениям экстрасенсорного восприятия. Однако интересно отметить, что многие люди, отказавшиеся пять лет назад верить в телепатию, объясняют нам сейчас, что общение с умершими — это «все-го лишь» экстрасенсорное восприятие.

— Это уже прогресс, — прокомментировал я. — Впрочем, для меня экстрасенсорное восприятие — это глубокая и чудесная тайна, которая является доказательством синхронизма вселенной, другими словами, Единства Мира, то есть Бога. Поэтому меня также волнует вопрос телепатии. Я наблюдал некоторое количество опытов, результаты которых можно было бы объяснить чтением мыслей; но когда сведения, сообщаемые медиумом, не известны ни вам, ни другим присутствующим, и особенно когда у вас

есть доказательства, что они были известны лишь умершему, — когда мы, безусловно, выходим за рамки телепатии, и это производит большое впечатление.

(В то время я не был еще достаточно информирован: я считал, что телепатия осуществляется только на определенном уровне, выше которого получение определенной информации можно было объяснить только в рамках гипотезы бессмертия души. Теперь я знаю, что это слишком упрощенная точка зрения.)

Затем я продолжил:

— По моему мнению, любые версии, кроме той, которая утверждает возможность связи с человеком в загробном мире, настолько сложны, что нарушают принцип экономии гипотез. Другими словами, мне кажется простым объяснением постулат о том, что душа человека бессмертна.

Беседа на эту тему продолжалась до тех пор, пока не настало время мистеру Форду попытаться продемонстрировать свои способности. Одна женщина из числа работников студии, настроенная весьма скептически, согласилась нам помочь. Несмотря на мои сомнения в успехе эксперимента в этих условиях, мне было очень интересно самому убедиться в медиумических способностях Артура Форда.

Аллен Спреджетт попросил его по мере возможности объяснять то, что он делает. Поэтому, когда Форд вынул их кармана черный платок и начал завязывать им глаза, он объяснил:

— Я сейчас войду в транс или засну. Возможно, это вид самогипноза. Как бы то ни

было, я потеряю сознание. Я завязываю глаза платком, чтобы свет не мешал и легче было заснуть. Я не люблю темные комнаты: то, что может произойти в темноте, должно происходить и при ярком свете... Сейчас я засну, и если появится Флетчер, то надеюсь, что-нибудь произойдет.

Г-н Форд поудобнее устроился в кресле, дыхание его стало глубоким и размеренным. Вскоре голова его упала на грудь.

Спустя несколько минут, в течение которых он был неподвижен, как мертвый, он поднял голову, выпрямился, и мы услышали:

— Здравствуйте!

— Это Флетчер? — спросил Аллен.

— Да, меня зовут Флетчер. Я разговариваю с вами во второй раз.

— Да, это верно, — подтвердил Аллен.

— Здесь есть два человека, с которыми я никогда не разговаривал. (Очевидно, это относилось ко мне и к молодой женщине из телегруппы.) Я могу говорить лишь о тех, кто находится рядом со мной. Они не прогуливаются по комнате, как вы. Я вижу большой свет, большую светящуюся массу. Теперь она принимает определенную форму: это люди! Сейчас я их различаю. Их много, Иногда я вижу их довольно четко, и когда они подходят поближе, я почти могу читать у них по губам. Иногда мне приходится ждать, чтобы они передали мне свои мысли. Тогда я должен перевести их в слова; это трудно, но я разработал систему, которая позволяет мне передавать изображение звуками. Первым ко мне подходит... Нет, их уже двое, двое мужчин, один молодой, другой старше. Я вижу других людей в отдалении.

Молодой человек кажется сияющим и очень светлым, хотя у меня такое впечатление, что обрести это равновесие ему помог старший товарищ. Смерть ничего не меняет в человеке, она его лишь освобождает. Ни его характер, ни душа не меняются, только снимаются ограничения.

«Интересное замечание», — сказал я себе. Лично я всегда так думал, но христианская религия имеет на этот счет совершенно иное мнение. Снова зазвучал голос Флетчера:

— Этот юноша говорит, что прежде чем оказаться здесь, он находился в полном смятении. Он чувствовал себя испуганным и обманутым. По-видимому, он имеет славянское происхождение — русское, польское или что-то вроде этого, точно я не знаю. В любом случае, он счастлив, что может говорить со своим отцом. Он передает, что человек, который умирает внезапно, особенно если смерть была насильственной, удерживает еще немного земной жизни в своем духовном теле. Это период кризиса, и в это время он не обладает еще способностями, которые будут даны ему позже. Молодой человек говорит, что смог вам дать несколько... это то, о чем вы сейчас говорили, он слушал ваш разговор. И он говорит, что это род телепатии... нет, телекинеза! Именно это слово.

Мы только что говорили о телекинезе¹⁴ и явлениях психокинеза. Очевидно, имелось в виду, что Джим был причиной явлений, которые я наблюдал в кембриджской квартире; эта информация, разумеется, могла быть

¹⁴ Телекинез — способность передвигать предметы на расстоянии силой мысли.

уловлена с помощью телепатии в моих собственных мыслях или мыслях Аллена, который был в курсе моих опытов.

Голос медиума стал прерывистым. У меня сложилось впечатление, что «контроль» подыскивает слова, чтобы как можно лучше передавать чувства, картины, мысли, которые он воспринимал. Речь его стала невнятной, и фразы звучали порой бессвязно.

Я пытался объективно оценивать то, что слышал.

Что касается славянского происхождения, приписываемого Джиму, то достаточно было навести элементарные справки, чтобы узнать, что девичья фамилия его матери Яновски. И не нужно было быть ясновидящим, чтобы описать душевное состояние Джима перед смертью: в конце концов, он ведь покончил жизнь самоубийством.

Тем временем Аллен спросил:

— Кому предназначено это сообщение, Флетчер?

Снова зазвучал голос Артура Форда:

— Видимо, оно предназначено священнику. Я еще не знаю имени юноши, но скоро узнаю. Это отец и сын, не так ли?

— Именно так, Флетчер, — ответил я.

Я уже имел опыт общения с «контролем» и обращался к нему «Флетчер», так же, как я говорил «Джим» во время предыдущих сеансов.

Вне зависимости от результатов в подобных обстоятельствах всегда есть смысл, кажется, войти в игру, а обращение к собеседнику по имени оживляло диалог. Впрочем, элементарная вежливость требовала от нас отвечать на вопросы медиума. В конце кон-

цов, даже если встать на позиции скептицизма, перед нами был человек, который использовал свои таланты самым эффективным и благоприятным способом, и следовало отдать должное его усилиям. В обычной жизни разговор иногда полностью блокируется человеком, который придирается к каждой фразе и не отвечает прямо ни на один вопрос; здесь это было недопустимо.

Поэтому, слушая голос Артура Форда, я старался быть готовым к сотрудничеству.

— Он говорит о своем славянском происхождении. Что он хочет этим сказать?

— Так и есть, — ответил я. — Джим русский по матери. Флетчер, вы упомянули, что с ним еще какой-то человек, постарше? (Я старался получить от него как можно больше информации.)

— Да, этот человек не похож на библейский персонаж, но у него имя пророка. Хотя он появился здесь уже в преклонном возрасте, его духовная сущность не состарилась подобно физическому телу, и он стремится к совершенству. Я бы сказал, что это, очевидно, очень добрый старик. Юноша, видимо, очень привязан к нему. Старик говорит, что мог бы привести много доказательств своей личности, но не хочет делать этого перед телеаудиторией. Однако он напоминает вам, что его имя Илия — или что-то вроде этого.

Меня поразило, что слова, которые, видимо, исходили от самого Джима, были сказаны от третьего лица. Интересно, что это могло значить?

— Элиас, — поправил я. — Это библейское имя пророка Илии. Элиас — дедушка Джима.

Когда после передачи Артур Форд напомнил мне, что это он разговаривал со мной после проповеди в соборе Св. Фомы в Нью-Йорке, когда заметил за моей спиной фигуры моего сына и Илии, я обратил внимание на то, что Флетчер довольно долго не мог назвать точное имя дедушки Джима, в то время как в сознательном состоянии Форд назвал мне его без всяких затруднений. Возможно, во время транса в его теле действительно появлялась другая личность.

Это еще больше убедило меня, что происходит что-то необычное. Если медиум должен передавать словами ощущения, которые получает, то неудивительно, что ему так трудно говорить.

Голос Форда продолжал:

— Это правда, и в земной жизни они были очень привязаны друг к другу.

— Верно, — подтвердил я.

А Флетчер говорил дальше:

— Я должен сказать, что дедушка прибыл сюда первым, а юноша говорит, что не помнит больше обстоятельства своей смерти. Это были трагические обстоятельства, но он говорит, что впал... не знаю, как сказать... в нормальное душевное состояние. Он уже не помнит, почему и как это произошло. Он знает только, что не мог мыслить здраво... Вот он перебивает: «Я расскажу тебе об этом, папа». Он называет вас папой. Все началось с того, чье имя Халверстоун... Правильно я назвал: может быть, Халберстоун?

— В этой жизни или в загробной? — спросил я.

Я знал одного человека по имени Марвин Халверстоун, но мы не встречались уже

много лет, и я понятия не имел, жив ли он еще.

Прозвучал ответ:

— Теперь он здесь, с нами, этот Халверстоун. Я только что его видел. Кажется, он появился здесь почти в то же самое время, что юноша. Вы помните его?

— Думаю, да, — сказал я, — но не уверен полностью.

Я не знал, был ли Джим знаком с Марвином Халверстоуном и говорим ли мы об одном и том же человеке.

Голос Форда:

— Подождите минуту. Его имя было Марвин, и он как-то связан с современной танцевальной музыкой и живописью в их отношениях с Церковью.

— Да. Значит, это именно он, — прервал я. Теперь я был уверен, что мы говорим об одном и том же человеке.

Последнее, что я помнил о Марвине Халверстоуне, было то, что он занимался связями Церкви с различными формами искусства и архитектуры.

В тот вечер после сеанса я позвонил из аэропорта одному моему другу в Нью-Йорк. Мы говорили о совершенно посторонних вещах, как вдруг речь зашла о Марвине Халверстоуне. То, что я узнал о нем, пролило свет на тайну его отношений с моим сыном. Кроме того, тот факт, что первый же человек, с которым я разговаривал после сеанса в Торонто, рассказал мне о Халверстоуне и Джиме, показался мне поразительным примером синхронизма.

А запись шла своим чередом. Я сказал:

— Я хотел бы проверить его связи с Джимом, хотя, возможно, их отношения возникли лишь «по ту сторону».

— Да, Халверстоун здесь, с нами.

В этот момент в разговор вступил Аллен, который до этого несколько минут молчал:

— Знал ли Халверстоун в земной жизни сына епископа Пайка?

Флетчер поколебался.

— Он был знаком с епископом Пайком, но не близко. Халверстоун был как-то связан с Церковью и пытался ввести в нее современную музыку. Так сказал Джим.

Впервые было произнесено имя моего сына, и это произошло так естественно, что я не сразу обратил на это внимание.

Позже я вспомнил, что Халверстоун был приглашен в одну телепрограмму, которая была записана под моим руководством прямо в соборе. Но это не объясняло, что связывало его и Джима.

Затем Флетчер заговорил о другом человеке, как будто тот вышел на сцену, невидимую для нас:

— Я вижу теперь человека, который хочет поговорить с вами, потому что его жизнь была немного похожа на вашу. Он был капелланом в университете... Пожалуй, вы стали его преемником. Его имя Луис, а фамилия Питт... Да, это так, Луис Питт. Вы помните его? Он, кажется, старше вас.

— Да, помню — ответил я. — Я думаю, что речь идет о бывшем ректоре теологической семинарии в Вирджинии.

— Он сказал, что пришел поговорить с вами, потому что Джим его об этом попро-

сил.. Он утверждает, что оказал на вас большое влияние, некоторым образом сформировал ваш образ мыслей..

Уже много лет я не вспоминал Луиса Питта; кажется, в семинарии я посещал какие-то его лекции. Позже, после записи, я вспомнил, что под его руководством мы изучили труды американских мыслителей, и работа, которую я написал для его семинара, открыла мне новые горизонты, благодаря чему в дальнейшем я пришел к идеям, близким к мировоззрению Пола Тиллиха. Поэтому утверждение медиума, что «Питт сформировал мой образ мыслей», имело под собой основание.

— Теперь Джим говорит, что ни вы, ни кто-либо в вашей семье не имеет никаких оснований считать себя виновным в его смерти. Вы сделали все, что могли.

Кое-кто говорил потом: «Это то, что Пайк хотел услышать». На самом деле для меня эти слова не имели большого значения. Я сам изучал психологию и написал с десяток книг о моральной ответственности; кроме того, я являлся духовным наставником многих молодых людей. Поэтому подобные наивные оправдания, исходили ли они от Джима или от кого бы то ни было еще, меня совершенно не трогали.

Медиум перешел теперь к более опасной теме:

— Это было психологическое состояние, а дух или душа могут проявить себя в земной жизни лишь с помощью мозга, который является органом мышления. Если этот орган поврежден ударом или болезнью, ясной мысли больше нет, вы понимаете?

— Очень хорошо, Джим, спасибо, — ответил я.

Слова эти странным образом походили на описание использования наркотиков, и я начал чувствовать себя неловко. Я не готов был открыть публике, что Джим употреблял наркотики, и хотя я знал, что потом это можно будет вырезать, я не хотел, чтобы и те люди, которые присутствовали в студии, узнали о подробностях самоубийства моего сына. Поэтому я надеялся, что на этой теме мы не задержимся.

Медиум продолжал:

— Я хочу, чтобы вы знали: я был очень счастлив в то время, что мы провели с вами вместе... Вы были с ним где-то за границей? — спросил Флетчер.

Мне снова показалось, что Джим говорил со мной напрямую, но я ответил на вопрос «контроля»:

— Да, мы провели с ним вместе несколько месяцев в Англии, в Кембридже.

Медиум стал описывать старика, с которым Джим, по его словам, познакомился на земле и снова встретился с ним в загробном мире. Речь шла об одном шотландце, сын которого занимался теологией; два его кота находились теперь «в мире душ животных». «Контроль» произнес также слова «Корпус Кристи»¹⁵, поинтересовавшись, что значит это выражение.

Наконец прозвучало имя этого теолога: Дональд Мак-Киннон.

Эти сведения соответствовали истине. Во время моего пребывания в Кембридже, в

¹⁵ Corpus Christi — тело Христово (лат.).

колледже «Корпус Кристи», я близко познакомился с профессором Дональдом Мак-Кинноном, который очень помог мне в моей работе, но я ничего не знал ни о его отце, ни, естественно, о том, держал ли он котов. К тому же я и не подозревал, что Джим был с ним знаком.

Вскоре после записи передачи Аллен Спреджетт позвонил профессору Мак-Киннону в Кембридж, чтобы рассказать ему о сеансе и послании, переданном его отцом.

— У вас были когда-нибудь коты? — поинтересовался Аллен.

— Как странно, — ответил Мак-Киннон. — Когда я был ребенком, у меня были два кота — один черный, другой серый. Серый исчез в 1933 году, через три года после смерти моего отца. Что касается черного, то в день похорон моего отца он кинулся к гробу и хотел было вспрыгнуть на крышку; пришлось его оттаскивать...

Этот ответ, очевидно, подтвердил информацию, которую передал нам Артур Форд во время сеанса. А вскоре мы узнали от репортера журнала «Ньюсуик», что посвященная профессору Мак-Киннону статья в альманахе «Кто есть кто» за 1966—1967 годы содержала следующие сведения:

«Мак-Киннон Дональд Маккензи, профессор теологии Кембриджского университета с 1960 года, член коллегии «Корпус Кристи» (Кембридж) с 1960 года, сын покойного Д.М.Мак-Киннона. Увлечения: прогулки, кошки, кино».

Как тогда предположил сам профессор Мак-Киннон, возможно, Артур Форд заранее заглянул в альманах.

На это можно возразить, что в «Кто есть кто» было одно лишь слово «кошки», в то время, как медиум уточнил, что речь шла о двух умерших животных. Точность этой информации подтвердил сам владелец котов в телефонном разговоре с Спреджеттом.

Тем временем медиум сменил тему разговора. По-видимому, «на авансцену» вышел новый человек.

— Теперь ваш сын говорит, что сюда только что прибыл человек, называющий себя «священником-попрошайкой». Что это может означать?

— Может быть, епископ — сборщик пожертвований? — предположил Аллен.

Я решил, что Спреджетт напрасно вмешался, столь явно подсказав медиуму ответ: ведь впоследствии уже нельзя было проверить, получил ли медиум эту информацию из загробного мира — или просто воспользовался тем, что мы ему подсказали.

Голос Форда продолжал:

— Подождите... он говорит, что скончался в момент, когда совершал обряд крещения или какой-то другой обряд. Он умер внезапно, и вы стали его преемником.

— Я понимаю, о ком идет речь. Это действительно так, — сказал я.

— Вы можете назвать его имя, Флетчер? — спросил Аллен, поведя себя на этот раз более осторожно.

— Да, что-то вроде Блэк Чарльз Блок.

Я тут же подтвердил:

— Карл Морган Блок. Четвертый епископ Калифорнии. Это мой предшественник. Он

умер от сердечного приступа во время обряда рукоположения.

Все это медиуму нетрудно было выяснить, хотя мне показалось, что вряд ли он смог бы узнать о прозвище «попрошайка», которым только мы вдвоем с каноником епископства, сотрудником прелата, называли епископа Блока; никто другой об этом прозвище не знал.

— Епископ говорит, что у вас много друзей среди проповедников, — снова заговорил медиум. — Видимо, он имеет в виду школу проповедников.

Действительно, епископ основал школу для подготовки проповедников среди высшего духовенства. После его смерти я попал в затруднительное положение: я знал, что проект создания школы был очень дорог епископу Блоку, но не смог — за неимением кредитов — продолжить его дело. Я вынужден был использовать имеющиеся средства для образования священников: конечно, эта задача более скромная, но более насущная.

Поэтому я ответил с чувством некоторой неловкости:

— Карл... точнее, Флетчер, не могли бы вы сказать Карлу, что я вынужден был изменить свою политику после его ухода. Мы не успели поговорить с ним об этом на земле...

Ответ прозвучал сразу же:

— Изменения были неизбежны.

Я почувствовал облегчение и не стал этого скрывать:

— У меня словно гора с плеч свалилась...

Интуитивно я чувствовал, что разговариваю с самим Карлом Блоком. Мне показалось, что он говорит от первого лица.

— Мы все здесь понимаем, что вы должны видеть вещи в перспективе, а не довольствоваться старыми идеями. Вы выполнили большую работу, и вам предстоит еще многое сделать. Я думаю, что в будущем — возможно, в отдаленном будущем — книга, которую вы держите в руках, станет не менее значительной, чем те, которые Лютер¹⁶ прибил однажды к дверям церкви.

— Спасибо, — ответил я. — Надеюсь, что она принесет людям пользу.

Я понимал, что он преувеличивает, и мне было неловко. У меня не было ни малейшего желания стать главным героем передачи, тем более благодаря комплиентам подобного рода. Но все это очень походило на Карла: он был настоящим джентльменом старой школы и к тому же уроженец Юга — легко приходил в восторг, выражался богатым языком и использовал удивительные сравнения. Мне показалось, что епископ Блок верен самому себе.

А советы продолжали поступать:

— Не бойтесь преследований. Вы выражаете то, что думает большинство ваших собратьев, но они не осмеливаются высказать это вслух, боясь скомпрометировать себя. Вы же никогда не боялись говорить то, что думаете.

Мне хотелось сменить тему разговора, так как другие вещи интересовали меня гораздо больше, и я прервал медиума:

— Я должен сказать вам, Карл, что вы заложили чрезвычайно крепкий фундамент.

¹⁶ Лютер Мартин (1483—1546) — деятель Реформации в Германии, основатель лютеранства.

У вас было великолепное чутье на приобретение земель. Думаю, вы ошиблись лишь один раз, в Эль Собранте; это настоящий рекорд.

Ответ, как мне показалось, соответствовал действительности:

— Один из лучших участков, которые я когда-либо приобретал, находится в Обиспо (или что-то вроде этого). Это вам говорит о чем-нибудь?

Я был поражен точностью сообщения.

— Конечно, это была одна из самых замечательных ваших операций. Вы даже назвали это место «Обиспо»¹⁷ — из скромности и из гордости одновременно. Флетчер, мог бы он дать полное название этого места?

Мне было очень интересно, и я старался ничего не подсказывать медиуму. Сначала мы говорили о покупке земель для Церкви, но теперь речь зашла о другом виде собственности. Форд не мог прочесть это в моих мыслях: я и не думал о «Эль Ранчо дель Обиспо».

Тогда я услышал:

— Да, я хотел найти место вроде монастыря или скита, где бы можно было уединиться для раздумий.

Я подтвердил:

— Это епархиальный Центр конференций около Рашен Ривер (на севере епархии). «Эль Ранчо дель Обиспо» означает «Ранчо епископа».

Особое впечатление произвело на меня то, что это сообщение прозвучало в момент, когда мои мысли были далеки от малейших

¹⁷ Obispo — епископ (исп.).

ассоциаций по этому поводу. Вероятно, медиум мог почерпнуть эти сведения с помощью телепатии в моем подсознании, но тем не менее факт оставался поразительным.

Разговор продолжался, и на «сцене» появлялись все новые и новые персонажи, как будто мы присутствовали на просмотре серии короткометражных лент. Было ли это организовано Артуром Фордом и Спреджеттом, или только последним, а может быть, Джимом Флетчером или только Флетчером, или же дело в удивительном совпадении — но сеанс принимал оборот настоящего представления.

Вскоре мы услышали:

— Джим говорит, что с ним рядом находится прелестная старая дама по имени Кэрол, которую вы когда-то знали; Кэрол Рид — кажется, он так сказал. Вы познакомились с ней в Нью-Йорке.

— Кэрол Рид? — переспросил я с удивлением. Это имя ни о чем мне не говорило.

— Да, именно так.

— Когда точно это было?

— Вы тогда были епископом в соборе и сталкивались с ней по работе. Она говорит, что была тогда ужасно вредной.

Внезапно я понял, о ком идет речь.

— Она по ту сторону? — спросил я.

— Да, она с нами.

— Вероятно, речь идет о секретарше епископа, особе очень достойной, но сначала мне действительно было трудно с ней общаться — она была настоящей крепостью.

— Вы не знали, что она умерла? — спросил меня Спреджетт.

Не успел я ответить, как последовала возмущенная реплика Форда:

— Она вовсе не умерла! Она говорит, что теперь более жива, чем когда-либо!

Мы с Алленом смутились: действительно, глупо было называть Кэрол умершей как раз в тот момент, когда она вступила с нами в разговор!

— Извините нас, — сказал я, — мы не подумали...

— Вы же знаете, здесь обычно так это называют, — поторопился объяснить Спреджетт. — Мы не хотели сказать, что...

Голос медиума прервал его:

— Когда вы вернетесь в Калифорнию... У меня есть брат, который недавно вышел на пенсию. Он был офицером.

— Сейчас говорит Кэрол Рид, не так ли? — спросил я с некоторым недоумением.

Я не мог понять, почему эта женщина заговорила со мной. Я не видел ее уже девять лет, а в течение тех пяти лет, когда мы с ней общались, наши отношения были далеко не идеальными: Кэрол Рид всеми силами пыталась оградить епископа от любых посещений, и я не раз спорил с ней по этому поводу. Только сам став епископом, я начал ценить таких секретарш.

Медиум продолжал:

— Она говорит, что ее брат в Кармеле.

— Вы знали, где сейчас ее брат? — спросил меня Аллен Спреджетт.

— Нет. — Я покачал головой.

Когда после сеанса мы начали наводить справки, оказалось, что Кэрол Рид в самом деле умерла — или, как выражался Флетчер, «оказалась по ту сторону» — уже почти четыре года назад, а ее брат, Росс, скончался через два месяца после нее. Мы «поймали»

медиума на ошибке. С другой стороны, было удивительно, что сама Кэрол Рид — если мы действительно разговаривали с ней — не знала, что случилось с ее братом.

Подобные противоречия во время спиритических сеансов были редкостью, но все же иногда такое случалось.

Нам казалось, что Артур Форд погружен в транс уже несколько часов. Но теперь длинный сеанс, похоже, приближался к концу.

Снова зазвучал голос медиума:

— Теперь здесь остался только один человек. Он говорит, что если бы был еще на земле, то хотел бы стать вашим другом. Он погиб от какого-то несчастного случая — кажется, в автомобильной катастрофе. Я знаю его имя — Реджис, Реджинальд или Редж. А фамилия, похоже, Сейджер. На нем одежда священника. В Англии он ходил в тот же колледж, что и вы, а потом приехал сюда и стал директором англиканского колледжа. Он попал сюда сравнительно недавно. Это еще молодой человек, ему около 45 лет.

— Вам это говорит о чем-нибудь? — спросил меня Аллен.

— Ни о чем, — ответил я, — но мы сможем проверить это позже. Флетчер, когда вы говорите «сюда», вы имеете в виду Канаду или США? Мы сейчас находимся в Торонто.

Немедленно последовал ответ:

— Этот человек жил в Торонто. Он познакомился с вами давно. Вы его не помните. Но это связано с местным колледжем, в котором он преподавал богословие. Из Кембриджа он сначала приехал на Запад США, затем прибыл сюда. Что такое «Троица»?

Аллен сразу же ответил:

— Я понимаю, что он хочет сказать. Здесь находится колледж Троицы, это англиканское учебное заведение, подчиненное Торонтоскому университету.

Форд продолжал:

— Он погиб в автомобильной катастрофе.

— Его действительно зовут Реджинальд Сейджер? — спросил Спреджетт, записывая имя, чтобы проверить его в дальнейшем.

— Фамилия начинается с буквы «С». Зовут его Реджинальд, а фамилия Сиджер, через «и». Больше ничего не могу знать. — Очевидно, Флетчеру нелегко было точно передать имена.

В результате расследования Спреджетт обнаружил, что Реджинальд Сиджер действительно преподавал в колледже Троицы с 1925 по 1926 год. Потом он был епископом Онтарио, а в 1938 — 1948 годах — епископом Гурона. Разумеется, я мог встречать его в Торонто или еще где-то во время какой-нибудь службы, но я встречался со столькими людьми! Я совсем его не помнил. Тем не менее, поговорив позднее с его дочерью, мы узнали, что Сиджер никогда не попадал в автокатастрофы, а умер от пневмонии в 1948 году.

Вот еще одна ошибка медиума или его «контроля». Сообщение было почти точным — за исключением обстоятельства смерти. Если Сиджер на самом деле передавал информацию через «Флетчера» и Форда, то, возможно, речь шла об ошибке при передаче или интерпретации его слов. Если же мы предположим, что медиум выдавал нам информацию, почерпнутую в нашем подсознании, то можно предположить, что кто-то из нас

перепутал Сиджера в своих воспоминаниях с кем-то другим, действительно попавшим в автомобильную катастрофу. Как бы то ни было, если он хотел этой информацией доставить мне удовольствие, он не добился цели, поскольку я так и не вспомнил человека, о котором шла речь.

Следующий комментарий был очень интересным:

— Мне нужно очень многое вам сказать, но кое-что я вынужден опустить. Вы понимаете, что не обо всем можно говорить с экрана телевизора.

Я понимал. Несколько раз в ходе беседы я оказывался в затруднительном положении, поскольку разговор касался тем, которые я не хотел бы предавать огласке. Я был целиком согласен с тем, что все сообщения нужно тщательно проверить, прежде чем выпускать в эфир. В записи было несколько моментов, которые я хотел бы вырезать. Я также не упоминаю о них в этой книге, поскольку они касаются живых людей.

Однако меня поразили удивительный факт — щепетильность, которую проявлял я сам, выражалась также в словах медиума или «контроля», особенно в точном выборе слов.

После записи я спросил у Артура Форда, что он думает о роли Флетчера. По словам Форда, многие из тех, кто подходил к нему после сеанса, отмечали, с какой тщательностью Флетчер подыскивал слова, соответствующие чувствам присутствующих людей. Подобная щепетильность показалась мне очень важной.

Как бы то ни было, наш сеанс подходил к концу.

Джим говорит теперь, что то, чем вы сейчас занимаетесь, и есть ваше подлинное призвание. Весь ваш жизненный опыт подготовил вас к роли выразителя новых идей. Ни мысль, ни чувство по отдельности не могут сформировать полноценную личность, — только их сочетание. Недостаток одного или другого приводит к смятению и депрессии.

Судя по этим нравоучениям, Форд начал выходить из транса. Я часто обращал внимание, что то, что говорится в конце сеанса, отражает в основном неосознанные мысли самого медиума.

Этим советам — как, впрочем, и всему, что прозвучало во время сеанса, — не стоило придавать больше значения, чем тому, что их автор мог бы сказать в здравом уме и твердой памяти.

Видя, что сеанс приближается к концу, я сказал:

— Передайте мою благодарность Джиму и всем остальным, особенно Дональду МакКиннону и Луису Питту. Благодарю также и вас, Флетчер.

Наконец Артур Форд замолчал. Его голова снова склонилась на грудь; казалось, он уснул. Несколько мгновений спустя, он вздрогнул, сдвинул на лоб черную повязку и потер глаза. Спреджетт спросил его:

— Как вы себя чувствуете?

— Очень хорошо. Получилось что-нибудь?

Аллен утвердительно кивнул головой и повернулся ко мне.

— Епископ, не проанализировать ли нам сеанс?

Лично меня эксперимент очень взволновал. Мне трудно выразить мои впечатления сло-

вами: моя уверенность в его правдивости была основана лишь на интуиции.

Началась продолжительная дискуссия, в ходе которой мы признали, что записанную информацию можно классифицировать по нескольким категориям.

Первая касалась фактов, о которых писали в газетах. Очевидно, эти данные были взяты из памяти медиума.

Некоторые другие сведения могли быть почерпнуты в моей сознательной памяти или памяти мистера Спреджетта.

Наконец, некоторые данные, возможно, исходили из моей подсознательной памяти. Какие-то персонажи были так основательно забыты, что мне потребовалось как следует напрячь память, чтобы вспомнить этих людей и то, что было с ними связано.

Во всех трех перечисленных случаях под видом парапсихологического контакта могла скрываться более или менее глубокая телепатия. Однако некоторые события, описанные медиумом, не были известны ни Спреджетту, ни мне. Например, я ничего не знал о смерти Кэрол Рид и отца Дональда Мак-Киннона. Я не подозревал также о существовании Реджинальда Сиджера. Кроме того, я услышал кое-что важное о последних днях Джима; эти сведения были мне раньше неизвестны, но я не хотел бы говорить о них здесь.

Очевидно, сведения, касающиеся Мак-Киннона, Кэрол и Сиджера могли быть получены медиумом до сеанса, но я не знаю, как Артур Форд мог бы разузнать некоторые частные детали, о которых он говорил во время транса.

Так, медиум не знал, что я заведу разговор о недвижимости, и, следовательно, не мог заранее навести справки о приобретении епископом Блоком «Эль Ранчо дель Обиспо».

Во время дискуссии после сеанса я упомянул об одной вещи, которая до сих пор остается для меня загадкой: чтобы обнаружить столько лет спустя, что Кэрол Рид меня недолюбливала, медиум — или тот, кто, возможно, наводил для него справки, — должен был знать это от кого-то из наших коллег. Остается выяснить, как он мог найти человека, который смог бы рассказать ему об отношении ко мне Кэрол Рид, которая была даже не моим секретарем, а секретарем епископа. Кроме того, если кто-то приехал в собор Святого Иоанна, чтобы навести справки о моем там пребывании, я сомневаюсь, чтобы кому-нибудь там пришло в голову упомянуть в связи со мной Кэрол Рид.

Кроме того, если допустить обман, почему медиум решил упомянуть миссис Рид — человека, не игравшего в моей жизни заметной роли, а не Пола Тиллиха, например? Разумеется, человек, наводящий справки, связался бы с двумя медиумами, миссис Твиг и мистером Дэсли, от которых узнал бы, что Тиллих уже появлялся во время предыдущих сеансов. Форд говорил и о других людях, с которыми я был мало связан или вообще практически не знаком. Если бы я сам составил список тех, с кем хотел бы войти в контакт, я выбрал бы другие имена. Скажем в заключение, что, если даже предположить, что Форд ловко обманул нас, предварительно наведя обо мне справки, остается полной загадкой, какие средства и способы

он при этом использовал и каков был критерий отбора упомянутых людей. Наконец, если бы Форд начал выяснять подробности моего прошлого, он непременно обратился бы к моим друзьям и знакомым. Однако никто из них не связался со мной после этой широко разрекламированной передачи и не сказал: «Джеймс, в прошлом месяце один человек расспрашивал меня о вас, а потом все, что я рассказал, я услышал по телевизору».

Короче говоря, если бы кто-то действительно наводил обо мне справки, я сказал бы, что это дело рук опытейших агентов ЦРУ или ФБР, — настолько незаметно и мастерски это было проделано.

Рассмотрим теперь факты, доказывающие подлинность личности упомянутых людей. Прежде всего надо сказать, что у меня было очень стойкое ощущение чьего-то присутствия. Ощущение настолько убедительное, что оно заставляет меня утверждать реальность связи с умершими. Во время дискуссии, последовавшей за сеансом, описывая свою интуитивную уверенность, я сравнил это с телефонным разговором.

— Предположим, — сказал я, — что вы звоните мне из другого города и отказываетесь верить, что это действительно я вам отвечаю. Как бы я попытался вас убедить? Я бы напомнил вам то, что знаем только вы и я. Я бы сказал, например, Аллену: «Помните, как мы встретились в Женеве на конференции «Racet in Terris»? А вы ответили бы: «Это ничего не доказывает. Об этой конференции писали. Вы могли прочитать мое имя в списках участников». Я бы тогда продолжил: «А помните изумительное суфле с сы-

ром, которое мы ели в тот вечер? Я тогда еще потерял свой портфель, а потом нашел его под столом». Вы возразили бы: «Да, это верно, но кто-нибудь мог нас увидеть». И так далее. Мне было бы почти невозможно доказать вам на расстоянии, что я — это я. Тем не менее мне кажется, что, выслушав определенное количество уточнений, вы были бы готовы поклясться, что разговариваете лично с Джеймсом Пайком. Контакт при помощи медиума, — продолжал я, — представляет ту же проблему. Ни одна деталь не является сама по себе доказательством, но после определенного количества сказанного вы интуитивно понимаете, разговариваете ли с тем или иным человеком или нет.

Помнится, тогда я еще добавил:

— Требовать абсолютного доказательства — значит требовать слишком многого, так как во многих других областях, даже в науке, мы довольствуемся существующими фактами. Остальное — вопрос веры. Следовательно, есть смысл говорить здесь не о доказательствах, а о «высокой степени вероятности».

После двух часов записи г-н Спреджетт не без сожаления завершил передачу. Когда погасли софиты и мы покинули съемочную площадку, режиссер программы подошел к нам и воскликнул с воодушевлением:

— Вот это я называю хорошим телевидением!

В течение всего 1967 года я занимался в основном проблемами, связанными с предъявляемыми мне обвинениями в ереси. Генеральный конгресс состоялся 16 сентября 1967 года. Его члены проголосовали за ряд постулатов, которые были включены в каноническое право и которые отныне должны были сделать обвинения в ереси в принципе невозможными. Я немедленно отказался от своего ходатайства о проведении публичного суда, которое подал на собрании в Виллинге. Мое заявление было зачитано председательствующим епископом под аплодисменты собравшихся, и мое дело было закрыто. Это была серьезная победа свободомыслия, заложившая еще один камень в основание здания Церкви XX века.

После обеда, которым мы отпраздновали мое оправдание, я задумался о своем нынешнем положении. Какое облегчение по сравнению с прошлым годом, когда мне пришлось провести более трехсот публичных выступлений перед аудиторией общей численностью 150 000 человек, не считая передач на радио и телевидении! Я одержал победу. Я не был более епископом Калифорнии и мог наконец вернуться к своим исследованиям раннего христианства. С моих плеч словно свалился огромный камень.

Во время обеда меня вызвали к телефону: звонили из Нью-Йорка.

— Епископ Пайк? — проговорил голос на другом конце провода. — Это Джон Лео из «Нью-Йорк таймс». Я только что прочитал сообщение о вашей передаче на торонтском телевидении. Вы, кажется, сказали, что разговаривали с вашим умершим сыном? Не могли бы вы подтвердить, что сделали подобное заявление?

Эти слова настолько поразили меня с такой силой, что какое-то время я не мог произнести ни слова. Я почувствовал, как почва уходит у меня из-под ног. «Ну вот, опять!» — пронеслось у меня в голове. Я попытался сообразить, каким образом известие о канадской программе — она казалась мне теперь событием столь отдаленным — могло дойти до «Нью-Йорк таймс». За двадцать лет своей телевизионной практики, включавшей еженедельную программу на Эй-Би-Си, я не мог вспомнить ни одного случая, чтобы газета давала отчет о телевизионной передаче. Пока я думал, Джон Лео подробно описывал мне связь информационного агентства с телевизионной программой.

— Да, — подтвердил я наконец, — мы записали передачу для Си-Ти-Би, в течение которой Артур Форд сделал попытку войти в транс, и ему это удалось. В результате мы получили несколько удивительных сообщений.

Я постарался как можно короче рассказать о том, что мы слышали во время сеанса и как я сам объяснил эти явления. Меня несколько беспокоило, что программа получила отклик в прессе: я уже представ-

лял крупные заголовки в газетах, искажающих истину в погоне за сенсацией. Тенденциозные комментаторы, разумеется, легко пренебрегут точностью фактов, не утруждая себя объяснениями, которых требовал серьезный анализ и интерпретация парапсихологических явлений. Тем не менее, поскольку все уже было известно, я предпочел бы изложить факты сам, чем прочесть позже статью, написанную на основе сведений, полученных из вторых или третьих рук.

— Вы действительно верите, что общались со своим сыном? — настаивал Лео, не давая мне возможности уйти от прямого ответа.

— Поскольку вы употребили глагол «верить», а не «знать», — ответил я, — я считаю, что это самое правдоподобное объяснение имевших место явлений.

В последующие дни мне пришлось повторить эту фразу не один десяток раз. Тем не менее, несмотря на осторожность этого заявления, заголовки были ужасающими. Журналисты придали моим словам иное звучание.

«Пайк утверждает, что общается со своим мертвым сыном».

Этот крупный заголовок, появившийся на следующее утро в газете «Пост интеллидженсер», отличался деликатностью мясорубки. Я вздрогнул, представив себе реакцию епископов, которые, как и я, почувствовали облегчение накануне, когда закончилось это тяжелое разбирательство по обвинению в ереси. Некоторые из более или менее явных противников моих богословских идей и без того уже высказывали сомнения по поводу моих намерений, обвиняя меня в том, что я

действую в угоду общественному мнению. Я так и представлял себе, как эти люди читают утренние газеты и что они обо всем этом думают. «Послушай, — наверное, говорили они друг другу, — этот Пайк выдумал новую сенсацию, чтобы привлечь к себе внимание. Он не может и часа прожить, чтобы о нем не говорили».

Такой агрессивный заголовок привел меня в ярость, но я знал, что сделать ничего не могу. Если бы я сам захотел рассказать об этих фактах, я, конечно, никогда бы не употребил таких выражений: ведь я никогда ничего не «утверждал».

Я вспомнил об одном разговоре, который состоялся у меня с двумя журналистами в октябре 1966 года, вскоре после ассамблеи в Виллинге. Читая лекцию для делавэрского духовенства, я рассказал коллегам о своих парапсихологических опытах, пояснив, что подобный феномен может служить основанием для веры в бессмертие души. Слухи об этом достигли ушей журналистов «Нью-Йорк таймс» и «Балтимор сан». Тогда я был еще далек от завершения моих исследований и только что подвергся обвинениям в ереси со стороны Палаты Епископов, собравшихся в Виллинге; для того чтобы представить эти сведения публике, момент был крайне неблагоприятный. В обмен на мое обещание предоставить в свое время этим двум газетам право на первую публикацию журналисты любезно согласились не писать пока об этом.

Но теперь это все-таки случилось. Я искренне пожалел о легкомыслии, с которым согласился участвовать в передаче в Торонто: мне следовало лишь записать диалог со

Спреджеттом и Фордом о парапсихологических явлениях в их связи с догмой о вечной жизни. Этот вопрос рассматривался в одной из глав книги «Ересь ли это?», только что вышедшей из печати, и в течение прошлого года я часто рассуждал на эту тему, читая лекции в различных колледжах и университетах. Ведь до записи я не верил, что Артур Форд сможет на самом деле войти в транс под лучами прожекторов; но если ему это удастся, — думал я, — я узнаю нечто интересное и ценное». Мне и в голову не приходило, что вокруг этого может подняться такая шумиха! Читая газеты, я был совершенно ошеломлен тем, как репортеры искажают факты в погоне за сенсацией. Если бы я мог это предвидеть, я, разумеется, никогда не согласился бы принять участие в дискуссии и «показательном» спиритическом сеансе.

Репортеры буквально преследовали меня — донимали звонками, ловили на улице. Чувствуя себя связанным обещанием, данным журналистам «Нью-Йорк таймс» и «Балтимор сан», я извинился перед ними за эту невольную утечку информации и сообщил некоторые детали своих опытов, предшествовавших передаче в Торонто. Как только статьи в этих газетах были опубликованы, со всех сторон хлынули новые вопросы, а количество телефонных звонков удвоилось. Как я ни мечтал отдохнуть, первые дни после моего возвращения в Санта-Барбару были просто изнурительными. Я едва успевал перевести дух в перерывах между интервью.

Я все еще верил, что мне удастся восстановить истину и развеять недоразумения. Но

никакие усилия не смогли изменить мой образ, созданный распоясавшейся прессой, — образ легковверного, растерянного и потрясенного своей виной отца, который отчаянно пытается доказать свою невиновность и оправдать себя, утверждая, что общается с духом покончившего самоубийством сына.

«Во время спиритического сеанса Пайк получает послание от своего сына!»

«На спиритическом сеансе Пайк слышит голос сына!»

«Спиритические сеансы Пайка: потусторонние голоса и история с двумя котами!»

Хотя я прекрасно понимал, что авторы этих заголовков стремились всего лишь привлечь внимание читателей, я был весьма напуган возможными последствиями. Мне ничего не оставалось, как снова прервать свои исследования, чтобы посвятить себя подготовке книги о парапсихологических опытах, обещанной издательству «Даблдэй». Это показалось мне единственным способом сказать людям правду о происшедшем. Внушительный объем настоящей книги, очевидно, доказывает, что я был на верном пути — самые продуманные заголовки, самые скрупулезно проработанные статьи не могут надлежащим образом описать столь сложные события, передать все их обстоятельства. В газетном материале просто невозможно дать ни глубокого анализа, ни компетентного осмысления фактов.

Начали приходить письма; кажется, ни один печатный орган не обошел этой темы. Чем больше я читал письма и статьи, тем больше я удивлялся, как велик разброс мнений по отношению к парапсихологии — от

восторженной увлеченности до враждебности. Хотя положительных откликов было больше, чем враждебных, — в пропорции примерно восемь к одному, — меня особенно возмущал догматизм либеральных христиан. Они априори отвергали возможность существования парапсихологических явлений, не утруждая себя изучением вопроса. В то же время я был удивлен наивной доверчивостью многочисленных корреспондентов, готовых верить в этом вопросе чему угодно и кому угодно, ничего не подвергая критическому осмыслению.

Я стал объектом неистовых нападков со стороны «благоразумных» людей, испытывающих какой-то животный страх перед лицом непознанного. Многочисленные корреспонденты цитировали Библию, утверждая, что помогают мне, заклиная «спастись из лап демона».

Впрочем, и Ветхий и Новый Завет содержат многочисленные упоминания о медиумах и прорицателях. Так, царь Саул при помощи медиума узнал о появлении пророка Самуила, а перед этим дважды советовался с волшебницей из Аэндоры. В другом отрывке из Ветхого Завета (Левит) осуждение медиумов отражает конфликт, имевший место между иудейской догмой и двумя религиями в эпоху образования Израиля; в египетских, халдейских и вавилонских ритуалах часто фигурировали предсказатели, прорицатели и колдуньи, и иудейские священники и пророки, оберегая свой авторитет, осуждали этих «незаконных» конкурентов.

В наши дни противостояние религий прекратилось. Многие христиане верят в то, что

буддисты и мусульмане поклоняются тому же Богу, что и они, и что каждый ищет истину там, где может.

Однако израильские священники запрещали узнавать будущее у умерших во время спиритических сеансов. В этом отношении я с ними полностью солидарен. Я никогда не считал, что речам мертвых, — если предположить, что с нами говорят именно они, — можно доверять больше, чем словам живых людей, и никогда не давал своим опытам псевдонаучных названий с окончанием «изм». Я априори отказываюсь от слов «спиритизм», «спиритуализм» и т. д. и поклоняюсь одному лишь Богу. И если я пытался войти в контакт с умершими, то лишь сохраняя полную уверенность, что они, как и мы, остаются существами ограниченными и способными ошибиться.

С другой стороны, в Писании можно найти немало упоминаний о контактах, которые, связаны с парапсихологическими явлениями или телепатией: послания ангелов, голоса, идущие с неба, сны, видения. Все это в те времена воспринималось как божественные послания.

Современная научная мысль не признает за этими явлениями сверхъестественной природы и даже порой отрицает само их существование. Настала пора показать: огромная работа, осуществленная учеными и психологами в области телепатии, доказывает, что экстрасенсорные явления так же поддаются научному подходу, как и другие отрасли науки.

Как я говорил выше, есть немало христиан, которые враждебно относятся к медиу-

мам, но верят в контакты с умершими. Они видят в этом вмешательство дьявола. В одной религиозной публикации было написано: «Нет, епископ Пайк! Не со своим сыном вы говорили!» И далее мои опыты прямо приписывались «козням искушителя».

Но тогда возникает вопрос: возможно ли признавать Воскресение Христа, отрицая жизнь после смерти? Как верить в Евангелие, которое рассказывает, как Иисус общался со своими учениками после Воскресения, если связь с умершими считается невозможной?

Святой Павел также пишет об этом в Послании к коринфянам (1,15): он подчеркивает, что если мертвые не могут подняться, то и Христос не мог выйти из гроба. В этом случае христианская религия теряет всякий смысл.

Довольно любопытно, что христиане, которые верят в Евангелия, составленные спустя 40—80 лет после описанных в них событий, систематически отвергают эту возможность, не утруждая себя изучением фактов.

Преподобный доктор Ф.М. Моррис, настоятель церкви Св. Фомы в Нью-Йорке, отменил после передачи в Торонто мою проповедь, которую я должен был читать во время Пасхальной недели, как делал это на протяжении предыдущих пятнадцати лет. Для журналистов он прокомментировал это так: «Вокруг епископа Пайка слишком много шумихи. Я не хочу, чтобы верующие приходили в собор Святого Фомы, только чтобы поглазеть на живую сенсацию!» Но и первые проповеди учеников Христа после его Воскресе-

ния можно с тем же успехом назвать сенсацией.

В воскресенье после Пасхи доктор Моррис сам читал проповедь на тему «Можем ли мы разговаривать с мертвыми?». Разумеется, в ней не было ничего сенсационного!

Англиканская церковь определила свое отношение к этому вопросу еще в 1937 году. Комитет, созванный архиепископами Кентерберийским и Йоркским, принял два документа, которые не предавались огласке в течение девяти лет до того момента, пока какой-то болтун не опубликовал их в «Парапсихологических новостях». Причем часть, в которой о возможности контакта говорилось достаточно благосклонно, в публикации была опущена. Вот что там говорилось: «Различные парапсихологические опыты и медиумические проявления дают достаточные основания для утверждения возможности общения с духами... Что касается философских, моральных и религиозных аспектов этого вопроса, то здесь остается несколько не объясненных пока моментов. Мы считаем, что гипотеза, согласно которой эти явления исходят от бесплотных душ, в некоторых случаях является верной...»

Некоторые враждебные письма были написаны людьми, верившими в воскрешение мертвых, но считающих, что умершие должны пребывать как бы во сне до того дня, когда восстанут по приказу Господа для Страшного суда.

Я не могу обсуждать здесь этот вопрос, который выходит за рамки моей книги... Мне хотелось бы лишь призвать авторов этих писем, не отказываясь от их теоретической

позиции, изучить ряд научных трудов о парапсихологических явлениях и только потом вернуться к рассуждениям о том, спят или бодрствуют умершие!

«На этот раз Пайк действительно потерял голову!»

«Не грустно ли это? Епископ Пайк опускается все ниже».

«Этот человек сошел с ума!»

«Он мог бы кого-нибудь убить!»

А эти любезные замечания исходили от людей, которые пытались подвергнуть меня психоанализу на расстоянии, зная лишь малую толику факта и не будучи знакомыми ни со мной, ни с другими свидетелями явлений: «Вы зовете на помощь», «Вы ищете что-то, что для вас недостижимо», «Вы потеряли рассудок от угрызания совести!», «Вы тщетно пытаетесь рационалистически объяснить свою веру, считая возможным общение с умершими».

Какова бы ни была доля правды, содержащаяся в этих оценках моего психологического состояния, меня всегда удивляло, как именно те, кто меньше всех знает о вашей духовной жизни — да и просто о вашей жизни, — торопятся поставить вам диагноз. Психология и психоанализ учат нас, что даже специалист, наблюдавший человека в течение нескольких лет, не рискует выносить окончательное и безапелляционное суждение о том или ином поступке или высказывании своего пациента. Конечно, мы можем обладать определенной проницательностью, но человек и сам не всегда в точности знает, что движет им в тот или иной момент. Только Бог, «для которого все сердца открыты»,

видит и понимает все. Каждый из нас должен признать ограниченность и тех «диагнозов», которые мы ставим окружающим.

«Если бы Ваш сын осыпал вас упреками и обвинил вас в своем самоубийстве, это было бы гораздо более показательно. Но почему-то медиумы всегда говорят своим страдающим от боли пациентам именно то, что те желают услышать. Если бы Вы узнали то, что вам бы не понравилось, поверили бы Вы в его искренность? Без всякого сомнения, в этом случае Вы стали бы оспаривать реальность этих контактов».

Эти замечания одного из моих корреспондентов заслуживают того, чтобы остановиться на них особо.

Действительно, мало кто получал через посредство медиумов негативные сообщения. Но это не обязательно означает, что пациент всегда слышит то, что ему нравится. Если говорить о моем конкретном случае, то на памятном сеансе с миссис Твигт, когда мой сын появился впервые, он, видимо, еще страдал от перенесенного удара. Джим сожалел о том, что сделал, и говорил, что с трудом адаптируется к своему новому окружению. Он был огорчен тем, что люди могут о нем плохо подумать, и даже намекал, что находился в месте, похожем на ад. Нельзя сказать, что такие откровения были для меня утешительными. Напротив, я хотел бы услышать, что, несмотря на страдания, предшествовавшие смерти, и на страшный опыт, который должно было представлять для него самоубийство, мой сын обрел наконец душевное спокойствие. Однако прошло немало времени, прежде чем Джим — судя по тому,

что говорили медиумы, — стал счастливым и умиротворенным.

Что касается утверждений моего сына о том, что ни я, ни другие члены моей семьи не несем ответственности за трагедию, и не должны чувствовать себя виновными, тут напрашиваются два соображения. Первое состоит в том, что мои пасторские обязанности давно научили меня отличать искренние слова благодарности от чисто формальных высказываний типа «Я оценил Вашу проповедь» или «Ваша проповедь была великолепна», являющихся лишь данью вежливости. Каждый из нас не раз произносил подобные фразы. Но нужно с особым вниманием относиться к таким отзывам, как, например, «сегодня я впервые осознал, что все это имеет отношение в тому-то и тому-то...». В этом случае речь идет о прямом и искреннем отклике на мысль, содержащуюся в проповеди.

Я использовал те же критерии оценки в отношении информации, полученной во время спиритических сеансов. Поэтому во время записи телепередачи, когда Джим сказал: «Ни ты, ни кто-либо другой в нашей семье не имеет никаких оснований считать себя виновным в моей смерти» — и объяснил, как все произошло в действительности, я воспринял это как искреннюю попытку углубить наше взаимопонимание. С другой стороны, медиумы — такие же люди, как и все остальные, и они способны совершать ошибки. Что касается ответственности за смерть моего сына, только Бог тому судья.

Я бы хотел добавить еще, что после спиритических сеансов люди, участвовавшие

в них, более или менее сознательно не упоминают те сообщения, которые были им более или менее неприятны. Они как бы фильтруют для самих себя и для других содержание откровений. Вот почему обращающийся к медиуму человек чаще всего считает, что услышал именно то, что хотел услышать, и готов поделиться этим с другими после сеанса.

Весьма осведомленные в вопросах телепатии и спиритизма специалисты неоднократно излагали мне другую точку зрения. Люди, которые находятся в потустороннем мире, более ясно понимают сущность своей прошлой, земной жизни, поскольку освобождены от телесной оболочки. Возможно, они находятся в чем-то вроде четвертого измерения, и их новое состояние делает их более проницательными и чувствительными, чем они были при жизни. Согласно этой гипотезе, души умерших, освободившись от земных тревог, достигают той ясности, которая позволяет им лучше понять чаяния живых. Именно поэтому они так часто передают сообщения, которые люди обращающиеся к медиумам, воспринимают как утешительные.

Что касается меня, то я четыре раза в течение года получал от Мэйн Бергруд сообщения о том, что она испытывает трудности с адаптацией и продолжает находиться в состоянии оцепенения и расстройства, что ей трудно общаться с окружающими и что улучшение ее состояния идет крайне медленно. Не думаю, что кто-нибудь воспримет эту информацию как то, что я хотел бы услышать.

Между тем эмоционально нейтральные факты производят, как мне кажется, гораздо более сильное впечатление, чем банальное проявление симпатии или утешения.

Я много раз задавал себе один и тот же вопрос: почему информация, получаемая во время сеанса, зачастую пуста и не содержит интересных фактов? Впрочем, я должен сказать, что, по-моему, все сообщения, изложенные в этой книге, представляют интерес с определенной точки зрения. Мы увидели, что «души», которые являются нам и с которыми мы входим в контакт — если предположить, что парапсихологический контакт существует, — должны рассматриваться не более и не менее как живые люди. Для меня они не являются сверхъестественными существами, поэтому само собой разумеется, что они тоже имеют право на банальность. Ждать от умерших постоянно высокого философского уровня означало бы игнорировать их человеческую природу. Ни один результат парапсихологических исследований пока не указал на то, что те, с кем мы имеем дело, являются существами высшими по сравнению с нами. И нас, и их это вполне устраивает: я уверен, что большинство из нас испытывали бы некоторое затруднение, разговаривая с человеком, каждое слово которого звучало бы как откровение.

Кроме того, мне кажется, что большинство умерших людей, которые пытаются войти с нами в контакт, хотят доказать, что они еще живы. Парадоксально, но самые обыкновенные их фразы могут казаться нам более убедительными, чем слова живых. Человек, который слушает их, обычно быва-

ет поражен их осведомленностью, свидетельствующей, что они находятся в курсе фактов и деталей повседневной жизни. В свете этого то, что вначале кажется незначительным, в дальнейшем может оказаться не только верным, но и важным. Это усиливает веру присутствующих в реальность контактов.

Разумеется, все вышесказанное имеет значение только в случае, если мы допустим возможность бессмертия души. Если же, напротив, откровения медиумов — результат телепатии, если мы сочтем, что обычные мысли легче уловить, чем те, что скрыты в подсознании, — то об этом я судить не берусь. Лично я не смог почувствовать ощутимой разницы между уровнем правдивости банальной информации и глубоких мыслей. Этот вопрос мог бы стать предметом изучения для ученых, интересующихся экстрасенсорным восприятием.

Наконец, если предположить откровенный обман, то, чем менее информация точна, тем больше у нее шансов казаться правдоподобной. Примитивные детали легче всего проверить, и потому они представляют особую опасность для обманщика.

Надеюсь, мне удалось убедить читателей в том, что в отношении всех элементов сеанса — как пустых, так и самых важных — я старался использовать единый критический метод осмысления. К самой незначительной информации я применял те же критерии, что и к важнейшим сообщениям.

Самое серьезное из обвинений, которые были выдвинуты против меня после появления в прессе статей о моих предполагаемых

контактах с Джимом, состояло в том, что я стал жертвой очень ловко подстроенного заговора медиумов, вознамерившихся убедить меня в реальности связей с умершими и в способности экстрасенсов установить контакт с загробным миром. Одобрительные письма, которые я получил от спиритов, и статьи, в которых они хвалили меня за смелость, поставили меня в неловкое положение. Я отдавал себе отчет в том, что адепты спиритизма использовали мои опыты для подтверждения собственной доктрины, и кое-кто уже называл меня их признанным лидером.

Мне было особенно неприятно, что священники и журналисты обвинили меня в том, что я увлекся спиритизмом. Это было равносильно утверждению, что спиритизм стал моим главным занятием. Это не так и никогда не было так. Плохо ли, хорошо ли, но я всегда оставался человеком, который двумя ногами стоит на земле. Так Торо, умирая, говорил Эмерсону, и я разделяю его мнение: «Я верю лишь в жизнь после рождения».

Очевидно, что сеанс на канадском телевидении с Артуром Фордом, получивший широкую огласку, дал спиритам и профессиональным медиумам прекрасную возможность использовать мое имя и мои опыты на благо своего дела. Однако я не могу полностью исключить возможность того, что я стал жертвой хорошо продуманной махинации.

Желая, с одной стороны, еще раз проверить, не был ли я в самом деле обманут, а с другой, отступив перед лавиной интереса к моим опытам, я решил привести в порядок свои записи, сделанные во время сеансов, чтобы самым тщательным образом проанализировать их. Задача была непростой, так как записей у меня накопилось очень много, а главное — потому, что этот обзор произошедших со мной событий пробуждал во мне множество воспоминаний, некоторые были очень тяжелыми. Тем не менее я чувствовал настоятельную необходимость написания этой истории, чтобы исправить образ легковерного отца, созданный беспечными газетчиками. Кроме того, мне нужно было самому еще раз во всем разобраться, применяя свой метод «факты плюс вера», который основывался на критическом отношении к не проверенным как следует фактам.

Ввиду сложности явлений, которые необходимо было проанализировать, и того эмоционального значения, которое они для меня имели, я попросил Диану Кеннеди, заменившую в конце августа миссис Бергруд во главе «Нью Фокус Фаундейшн», поработать со мной над этим проектом. Несмотря на отсутствие опыта парапсихологических ис-

следований, миссис Кеннеди тотчас согласилась; она решила начать с изучения уже опубликованных научных работ по данному вопросу.

К середине октября мы приступили к углубленному анализу моих записей. Сначала необходимо было проверить гипотезу о том, что все это было не чем иным, как рассчитанным и тщательно подготовленным обманом. Мы попытались собрать данные, которые бы это доказывали.

Мне удалось вспомнить, что впервые привело меня к мысли заняться парапсихологическими явлениями. Помогло мне в этом письмо от миссис Ханна, прихожанки моей епархии в Калифорнии, которое я получил вскоре после появления в печати публикации о передаче в Торонто. В том письме она напомнила мне, что в 1963 году, будучи в Лондоне, она попросила Саутуаркского епископа, преподобного отца Стоквуда, предложить мне пост руководителя Конгрегации спиритуальных и парапсихологических исследований. Желая расширить свои познания, я согласился включить мое имя в список вместе с именами двенадцати английских епископов, среди которых был мой друг, епископ Питсбургский. Но у меня никогда не хватало времени на чтение их ежеквартального бюллетеня, да и, приезжая в Англию, я ни разу не связывался с этой организацией.

На Англиканском конгрессе в Торонто летом 1963 года я пару раз встречался с епископом Стоквудом. Он пригласил меня прочитать несколько лекций духовенству его епархии, к которой принадлежал среди прочих

мой хороший знакомый викарный епископ Джон Робинсон.

В мае 1965 года, будучи в Клэктон-он-Си, я как-то ужинал с заместителем декана и епископом. Разговор зашел о парапсихологии и каноник Пирс Хиггинс предложил мне по-присутствовать на спиритическом сеансе. Тогда я отклонил его предложение.

Ни один из этих людей не показался мне особенно заинтересованным в привлечении меня к этой области, никто из них не оказывал на меня давление. Более того, когда впоследствии я связался с Пирсом Хиггинсом, он весьма сдержанно отнесся к моей идее встретиться с миссис Твигг. Позже я узнал, что та же миссис Ханна во время своей поездки в Лондон — это было еще до смерти Джима, — позвонила епископу Стоквуду и попросила организовать для меня сеанс с миссис Твигг во время моего пребывания в Кембридже. Тем не менее епископ не выполнил ее просьбу. В конце концов, после произошли известные события в Кембридже, я сам связался с Пирсом Хиггинсом.

До сих пор ничто не указывало на существование некоего заговора с целью ввести меня в заблуждение. Этих трех людей — миссис Ханна, епископа и Пирса Хиггинса — очевидно, направлял искренний интерес к парапсихологии, и у них не было решительно никаких причин пытаться меня обмануть. Оба священника и сейчас являются членами Конгрегации спиритуальных и парапсихологических исследований; каноник читает лекции и активно занимается изучением вопроса.

По-видимому, миссис Ханна заинтересовалась спиритизмом еще в 1959 году после

смерти своего мужа, услышав разговор Артура Форда с Алкозаром Титером из Сан-Франциско. Затем она присутствовала на сеансе с миссис Чепмен, во время которого, очевидно, общалась со своим мужем. С тех пор миссис Ханна поддерживала контакты со многими людьми, интересующимися парапсихологией. В 1963 году она попыталась встретиться со мной, но у меня не было времени ее принять.

Мне кажется, что сомневаться в искренности этих троих весьма сложно. Все они христиане, которые видят в подобных опытах и в парапсихологическом исследовании загробной жизни способ углубить свою веру в бессмертие души. Кроме того, я с большим уважением отношусь к епископу и канонику; у меня нет повода сомневаться и в честности миссис Ханна, которая стремилась лишь к распространению парапсихологических идей среди деятелей Церкви. Я не в силах допустить, что кто-то из этих троих мог сознательно стать участником какого-либо мошенничества.

Мы продолжали свои исследования. Поскольку во время второго сеанса с миссис Иной Твигг Джим недвусмысленно направил меня к некоему отцу Роше из «Спиричуэлс Фронтьерс», то — следуя гипотезе о возможной фальсификации — можно предположить, что миссис Твигг написала отцу Роше, рассказав о наших сеансах. Она могла бы даже подсказать ему содержание «сообщений», которые мне нужно передать, и посоветовать связаться со мной через какого-нибудь из американских членов Конгрегации.

Однако в моем архиве есть письмо от отца Роше, написанное 5 августа 1966 года, примерно через пять месяцев после второго сеанса с миссис Твигг. Он сообщал мне, что только что вернулся с Юга Франции, где участвовал в конференции, организованной Обществом парапсихологии Нью-Йорка, и встречался там с каноником Пирсом Хиттинсом, который рассказал ему о моем интересе к этим вопросам. Отец Роше писал также, что конгрегация «Спиричуэлс Фронтьерс» представляет собой аналог английской конгрегации спиритуальных и парапсихологических исследований. Каноник Хиттинс, хотя он и не участвовал во втором сеансе с миссис Твигг, мог бы, разумеется, узнать от медиума, что во время сеанса мне сообщили имя отца Роше, и предупредить священника — если допустить, что вся эта история была заранее подстроена.

Тем не менее письмо отца Роше не дает оснований предполагать существование такого заговора. Он писал мне только, что работает над связью двух областей — религиозной и парапсихологической, — и был бы рад встретиться со мной.

Наша встреча состоялась в декабре 1967 года, после передачи в Торонто. Отмечу также, что отец Роше знал Артура Форда уже 12 лет, но, по всей видимости, тот не рассказал ему, как разговаривал со мной у входа в собор Св. Фомы в Нью-Йорке.

В конце концов мы с Дианой пришли к выводу, что порядочность отца Роше не вызывает никаких сомнений.

Рассмотрим теперь возможность того, что миссис Твигг написала Артуру Форду и сооб-

щила ему о содержании наших сеансов. Таким образом можно было бы объяснить наш с ним разговор у собора Св. Фомы. Но почему же миссис Твигг выбрала себе сообщника в Филадельфии, хотя прекрасно знала, что я живу в Калифорнии? Даже несмотря на мои вечные переезды, было бы гораздо дальновидней заручиться поддержкой кого-то из жителей Западного побережья США.

Кроме того, Артур Форд не прилагал никаких усилий, чтобы организовать нашу встречу. В тот день, когда я читал проповедь в соборе Св. Фомы, он ушел бы, не поговорив со мной, если бы я сам не попросил его меня подождать.

Остается рассмотреть мои контакты в Санта-Барбаре. Первым делом приходит в голову, что Джордж Дэсли и миссис Твигг — соотечественники и могли бы быть знакомы еще в Англии. Вероятность того, что она написала обо мне преподобному Дэсли, довольно высока, но я не нашел никакой связи между ними. Как миссис Твигг могла бы узнать, что я перееду в Санта-Барбару? У меня нет никаких оснований обвинять этих двоих в сговоре. Ведь и Дэсли после своего контакта с Джимом ждал, пока я сделаю первый шаг, чтобы встретиться с ним. И лишь по воле случая я встретил в Санта-Барбаре Джона Мак-Коннела, который дал мне адрес священника.

Хотя теоретически возможность сговора между двумя английскими медиумами существовала, личность Дэсли делает это предположение совершенно невероятным. За неимением иных доказательств, мы судим о людях на основе интуиции, и моя интуиция подска-

зала мне, что Дэсли решительно не способен на какой бы то ни было обман.

Не будь я свидетелем явлений полтергейста в Кембридже и Санта-Барбаре, которые меня насторожили, я, возможно, и не заметил бы тонкой игры медиумов, если бы они попытались оказать на меня косвенное влияние. Парапсихологические явления не настолько интересовали меня, чтобы я обратился за консультацией к медиуму из чистого любопытства. И если я совершил этот шаг, то только потому, что понял — Джим использовал полтергейст, чтобы войти со мной в контакт.

Но разве сами явления полтергейста, привлекая мое внимание к парапсихологии не могли быть обманом? Следуя этой гипотезе, единственным человеком, который мог все это подстроить, была Мэйн Бергруд, которая находилась рядом со мной как в Кембридже, так и в Санта-Барбаре. Но ведь она сама сначала не верила в загробную жизнь! Кроме того, ей пришлось бы в квартире, где постоянно находились мы с Дэвидом, переставлять вещи, заставить скиснуть полдюжины бутылок молока, сжечь свои собственные волосы и на наших глазах сбросить зеркало с полки, не прикасаясь к нему. Тогда речь шла бы о явлении коллективного гипноза, очень сложного для реализации.

И все же если предположить, что это она организовала мистификацию — какой мотив мог бы толкнуть ее на это? С медиумами она не была знакома, так что совершенно невероятно, чтобы она вступила с ними в сговор. Хотя ей было бы нетрудно осуществить некоторые из «загадочных явлений» — напри-

мер, переложить книги, — я не могу поверить, чтобы она сознательно вводила меня в заблуждение, а тем более участвовала в заговоре, направленном против меня.

Что же касается Дэвида Барра, это последний человек, которого можно было бы во всем подозревать: он никогда не верил в загробную жизнь, а его звонок из Сан-Франциско, когда он сообщил мне, что обнаружил в своей квартире расстегнутые английские булавки, случился до того, как я сообщил ему о событиях в Санта-Барбаре.

Следующий этап нашего расследования касался записи передачи на канадском телевидении. Многие журналисты утверждали, что эта программа — чистой воды фальсификация. Учитывая необыкновенный успех эксперимента, такую реакцию можно считать совершенно естественной.

Я знаю Аллена Спреджетта уже пять лет. Когда мы познакомились с ним на Англиканском конгрессе в 1963 году, он был корреспондентом по вопросам религий газеты «Стар де Торонто». Позже он попросил меня написать предисловие к своей книге «Необъяснимое», в которой исследовал различные метафизические явления. Я согласился. Вот краткое изложение того, что я написал полтора года назад, когда мои знания об этом предмете были гораздо менее обширными, чем сейчас.

«История науки полна примеров недоброжелательности консервативных ученых и широкой публики по отношению к новым открытиям в малоизученных областях знания. Такие открытия вызывают обычно реакцию двух типов: это может быть условное отри-

цание фактов, которые «просто невозможны», а если данные неоспоримы, стремление объяснить их с точки зрения традиционной науки, даже если такое объяснение притянуто за уши. Вторая возможная реакция состоит в утверждении, что факты не были должным образом проанализированы и, следовательно, нельзя принимать их всерьез. Многие направления науки — психиатрия, психология, социология и даже ядерная физика — неоднократно сталкивались с такими препятствиями и преодолевали их. Так же обстоит дело и со всем, что касается расширения человеческих знаний за пределы пространства и времени. Однако в течение последних десятилетий эти вопросы стали предметом многочисленных исследований».

Как бы то ни было, в 1967 году в Женеве на конференции «*Racet in terris II*» мы с Алленом поделились друг с другом своим личным опытом, и таким образом Аллен узнал о событиях в Кембридже, которые я описывал в одной из глав своей новой книги.

Поскольку в сентябре должен был выйти в свет его собственный труд, Спреджетт вместе с Чарльзом Темплтоном задумали снять на телевидении в Торонто передачу с участием медиума.

По этому поводу возникают два вопроса: не могли ли Спреджетт и Артур Форд сговориться, чтобы сфабриковать эту передачу? И не с согласия ли — а может, и с помощью — Спреджетта Форд предварительно навел справки, что позволило ему так убедительно сыграть свою роль во время передачи?

Утвердительно ответить на эти вопросы не позволяло всевозрастающее уважение, которое мы с миссис Кеннеди испытывали к этим людям по мере того, как развивались наши отношения. Другой, более объективный аргумент состоит в том, что характер материала, сообщенного в ходе передачи, не подтверждает гипотезу о предварительном наведении справок. С одной стороны, некоторые данные, как я уже сказал, было настолько трудно обнаружить, что для этого понадобилась бы дюжина агентов ЦРУ или ФБР. С другой стороны, в некоторых случаях простой детектив-любитель с легкостью узнал бы гораздо больше, чем прозвучало во время сеанса. Медиум умолчал об очень интересных фактах, которые могли бы стать настоящей сенсацией. Вместо этого он упомянул людей, которых я почти не знал или много лет назад потерял из виду, причем сведения, которые он о них сообщил, были частично ошибочными.

В заключение скажу, что «предварительная работа» — если, конечно, она имела место, — была проведена с одной стороны слишком хорошо, с другой — слишком плохо, чтобы считать передачу в Торонто мистификацией. Несколько месяцев спустя, впрочем, это наше мнение было подтверждено неожиданными событиями.

Меня пригласили принять участие в «Круглом столе» по вопросам парапсихологии на образовательном телеканале Филадельфии. Эта передача должна была состояться в декабре 1967 года с участием многих известных людей, в том числе Артура Форда. Меня заверили в том, что в ее рамках не предусмотрено ника-

ких спиритических сеансов. Артур Форд выдвинул то же условие, так как мы хотели избежать повторения досадной шумихи в Торонто. Кроме нас с Фордом на записи присутствовали писатели, психологи, теологи, члены крупнейших парапсихологических обществ, один биолог и один религиозный деятель, специализирующийся в психологии.

Дискуссия затронула многочисленные темы, в том числе те, о которых шла речь в письмах, которые я получил после телепередачи из Торонто.

Благодаря тому, что в «Круглом столе» участвовали такие разные люди, обмен мнениями был особенно интересным и обогащающим. Мы с миссис Кеннеди решили воспользоваться случаем, чтобы продолжить испытание медиумических способностей Артура Форда, организовав частный спиритический сеанс. Мы хотели задать медиуму ряд вопросов, касающихся оставшихся невыясненными обстоятельств смерти моего сына и Мэйри Бергруд, на которые Форд никак не мог найти ответы заранее. Кроме того, мы решили вести разговор таким образом, чтобы не дать медиуму сбиться на посторонние темы, по которым он мог бы заранее собрать информацию. Таким образом мы могли бы лишь один раз подкрепить или опровергнуть гипотезу о возможности контакта.

Диана пригласила на сеанс подругу, миссис Джейн Кингман: та долго работала с Мартином Халверстоуном и помогла бы нам проконтролировать информацию, сообщенную Фордом в связи с этим человеком. Джейн довольно близко знала Халверстоуна в течение последних лет его жизни. Он умер

24 февраля 1967 года, более чем через год после смерти Джима. По словам миссис Кингман, Халверстоун употреблял наркотики и был не понаслышке знаком со связанными с ними проблемами. Однажды совершенно случайно Джейн узнала от бакалейщика из Гринвич-Виллидж (Нью-Йорк), что будучи у него в магазине и прочитав в газете сообщение о смерти Джима, Марвин Халверстоун сказал следующее: «Я знал этого юношу». Позже, уже в Лондоне, я получил письмо от некоего Нана Ланье, который был знаком с Джимом и сообщил мне, что Джим тоже говорил ему о Халверстоуне.

Следовательно, было бы полезно, чтобы Джейн присутствовала на сеансе на тот случай, если Халверстоун снова появится. Кроме того, она могла бы стать нашим третьим свидетелем.

Наконец, отец Роше, с которым я встретился тогда впервые, согласился сделать магнитофонную запись, чтобы у меня сохранился полный отчет об этом сеансе. После окончания «Круглого стола» на телевидении мы с мистером Фордом, Дианой, Джейн и отцом Роше отправились на квартиру к Форду.

Жилище у него было приятное, но скромное; несомненно, материальная сторона не была главной в жизни медиума. Если он и мошенничал, то уж точно не из-за денег.

Учитывая добрые намерения всех трех медиумов, с которыми я имел дело, какой-то обман с их стороны мог состоять разве что в несознательном искажении некоторых фактов или наведении каких-то справок с тем, чтобы убедить консультирующегося человека в

реальности контакта и, следовательно, принести ему утешение. Мы не подозревали Форда в сознательном обмане в личных целях, но шумиха, вызванная передачей в Торонто, привлекла внимание широкой публики к медиумам, что было выгодно как Артуру Форду и Дэсли, так и другим, поэтому естественно, что Форд был заинтересован в том, чтобы сделать свой публичный спиритический сеанс как можно более убедительным. Но на этот раз вокруг не было ни камер, ни журналистов, ни публики. Какого рода информацию мы получим?

Мы сели; магнитофон был готов к работе.

Мистер Форд удобно устроился в кожаном кресле с регулируемым наклоном спинки. Накрыв свою голову платком, он, как и в Торонто, начал дыхательные упражнения и вскоре вошел в транс. Отец Роше позвал Флетчера; услышав краткий ответ, он сказал:

— Флетчер, я оставляю вас с вашими гостями, — и включил магнитофон.

Некоторое время все молчали.

— Я слушал вас сегодня днем, — заговорил наконец медиум, вероятно, имея в виду запись передачи. — Мы все за вами наблюдали. Я помню вас, мистер Пайк. Вы проповедник, который участвовал тогда в телепередаче, не так ли?

— Это верно, — ответил я.

— Рад снова вас видеть. Рядом со мной сейчас находится юноша, с которым я уже знаком. Я слышал, как люди говорили о нем сегодня днем. О, я понял, кто он! Он говорит... Но разве он зовет вас «папа», а не «отец»?

— Да, это так.

— Скажите папе, что я все время с ним и что, я думаю, скоро он сможет обходиться без посредничества Форда, поскольку я собираюсь с ним соединиться. Для душ тело — не представляет собой препятствие. Люди, которые находятся здесь, часто выбирают на земле симпатичного человека, готового сотрудничать. С таким человеком легко слиться. Ваши возможности, ваши способности освобождаются, и вы осуществляете...

Наступила пауза, а затем Джим начал рассказывать о своей бабушке по материнской линии, которую он звал по имени — Александрой. Кажется, он беспокоился о ней. Многие из того, что он сказал, соответствовало действительности — и эти факты, я уверен, не могли быть ни угаданы, ни узнаны заранее. Но, как и раньше, речь могла идти о телепатическом контакте медиума с моим подсознанием.

Затем Джим сказал:

— Вы знаете, я сожалею о том, что решил вернуться один. — А Флетчер прокомментировал: — Или что-то вроде этого.

— Он решил вернуться один? — переспросил я, не понимая значения этого сообщения.

Ответ был:

— Да.

Я попытался угадать, что имелось в виду. Флетчер продолжал:

— Кажется, он был с вами где-то за границей и настоял на том, чтобы вернуться без вас, а теперь сожалеет об этом.

Тут я понял, что речь идет о нашем возвращении из Англии, когда Джим решил остановиться на несколько дней в Нью-Йорке, чтобы повидаться со своими друзьями.

Но я не проронил ни слова, чтобы не дать медиуму ни малейшей подсказки: мы хотели знать, насколько верны будут эти откровения. У меня создалось впечатление, что мы беседуем втроем: Джим, Флетчер и я, — и что Флетчер старается как можно точнее передать мысли моего сына.

— Потому что все было хорошо, когда мы были вместе, и потому что я впервые почувствовал, что мы стали близкими друзьями.

— Да, совершенно верно, — сказал я.

Меня внезапно охватило теплое чувство, и я опять ощутил реальность общения с сыном. Тем не менее я старался сохранить объективное отношение к происходящему.

— Ты всегда был так занят, что я никогда не мог поддерживать с тобой близких отношений. Понимаешь, просто не было возможности...

— Да, я понимаю.

— Но я счастлив, что сейчас наши отношения стали более близкими.

Следуя нашему плану, я старался получить более точную информацию и поэтому сказал:

— Я никогда точно не знал, что ты сделал после того, как один приехал в Нью-Йорк. Два или три дня до того, как... это произошло. Ты даже не позвонил людям, с которыми хотел там встретиться. Это немного странно.

Прозвучал ответ:

— Я связался кое с чем... это было плохо...

— И что?

Я старался поддерживать разговор, говоря как можно меньше. В этот момент заговорил Флетчер:

— Что это было? Виски, наркотики, еще что-то? Нет, это не виски.

— Нет, — сказал я.

Я был уверен, что это не были спиртные напитки, так как Джим не пил с того времени, как начал употреблять наркотики, и судебный врач, который производил вскрытие, не указал в своем отчете на наличие алкоголя в организме.

Теперь заговорила Диана Кеннеди:

— Вы уже думали об этом, когда приехали в Нью-Йорк? Это было сделано преднамеренно?

— Нет, я случайно встретил этих людей... не друзей, просто знакомых. Думаю, что я был немного подавлен, но...

— Как их звали? — спросила Диана.

— Постарайся вспомнить, Джим, — настаивал я. — Что произошло, когда ты поехал один в нижний город?

— Что вспомнить? — прозвучало в ответ. — Я был...

Здесь заговорил Флетчер:

— Как бы это лучше сказать? Он внезапно сдал! Он считал, что достиг высоты, а на самом деле все более скатывался вниз. От этого он потерял рассудок, но это не было психическим расстройством.

— Точно, — подтвердил я.

У меня было впечатление, что Флетчер пытается описать чувства, испытываемые во время «путешествия», совершаемого под воздействием наркотиков. Естественно, что он не знал языка наркоманов, поскольку сам умер задолго до того, как наркотики получили широкое распространение. Это вполне объясняло его трудности в адекватной передаче мыслей Джима.

— Так вот, — продолжал голос Форда, —

его что-то угнетало. Что-то, от чего он потерял контроль над собой. Он пытался писать, но написанное им не имело смысла. Вы понимаете?

Я заставил его повторить последнюю фразу, поскольку я хотел быть уверенным, что она исходила от медиума, а не из моих собственных мыслей.

— Он хотел писать, но фразы были лишены смысла. Он не мог расположить слова в нужном порядке, понимаете?

— Да, я понимаю — он писал слова, которые не имели смысла.

В этот момент я думал о несвязных записях, которые полиция обнаружила в гостиничном номере Джима. Об этом писали в газетах, но сами записи не публиковались.

Я попытался добиться большей точности:

— Джим, когда ты приехал, ты связался со своими друзьями? Ты встречался с ними?

— Ты хочешь сказать — когда я прибыл сюда? — переспросил голос Форда.

— Нет, в Нью-Йорк.

— Да, я встретил своих друзей из Калифорнии.

— Здесь, в Нью-Йорке?

Я был удивлен. Я вдруг забыл, что в тот момент мы находились в Филадельфии.

— Да, но это были не близкие друзья, просто знакомые.

В свою очередь Диана спросила:

— Как вы познакомились с этими людьми, Джим?

— Я встретил их случайно.

— Вы помните, кто это был?

Ответ на этот вопрос был вполне конкретным, и во время дальнейшей беседы мы

получили несколько точных указаний, которыми следовали в дальнейшем. К сожалению, здесь их привести невозможно, иначе читатель оценил бы замечательный характер полученной информации. Скажем лишь, что мы получили полное описание личности этих людей. Одним из них был юноша из Беркли с редкой фамилией. Мы узнали также профессию его отца. Джим был с этим молодым человеком очень близок до нашего отъезда в Англию.

Джим добавил, что этот юноша мог бы все нам объяснить. Вернувшись в Санта-Барбару, я встретился с ним, мы долго разговаривали, и я действительно многое понял.

В ходе дальнейшего сеанса Джим — если это был он — много говорил о своих проблемах с той же откровенностью, которая была для него характерна, когда мы жили в Кембридже. Он описал роль Марвина Халверстоуна в своей жизни, и детали, которые он нам сообщил, помогли нам понять, почему он решил со всем этим покончить.

В конце концов Джим сказал:

— Я думаю, что, если бы остался на земле, я причинил бы тебе много страданий.

— Возможно, но как ты теперь знаешь, это не было бы трагедией. Мы с тобой смогли бы все преодолеть, как бы ни было больно.

Несмотря на свое намерение до конца сохранять скептицизм, я снова почувствовал, что разговариваю с сыном. Все, что он сказал, настолько точно соответствовало тому, что я о нем знал, что я почувствовал глубокое волнение.

— Я знаю, папа. Я осознал это лишь за полгода до того, как появился здесь. Я огорчен тем, что мое поведение сделало тебя несчастным.

От кого бы ни исходили эти слова, они тронули меня до глубины души. Меня огорчало, что Джим всего за полгода до смерти понял, до какой степени я его любил. Если бы только я не был так занят, я смог бы раньше понять, насколько ему тяжело, и помочь своему сыну, как я помогал сотням людей, исполняя мой долг священника. Я чувствовал огромную вину перед Джимом, но, как бы мне ни было больно, исправить ничего было нельзя. Я взял себя в руки и постарался продолжать беседу.

Я рассказал Джиму о мнении одной моей хорошей знакомой по поводу наших с ним контактов. Она утверждала, что эти сеансы замедляют духовное развитие моего сына в загробном мире.

Ответ прозвучал сразу же:

— Нет, это не так. Я хотел поговорить обо всем этом с тобой. Ты смог простить меня. Ты так много для меня сделал, что я никогда не смогу тебя отблагодарить.

— Думаю, что это взаимно, — сказал я.

— Ты меня не удерживаешь, — продолжал голос. — Теперь я окончательно повернулся лицом к свету.

В этот момент я вспомнил о его «путешествии» в Кембридже, когда мы «вместе», потерявшись во враждебных сумерках, искали дорогу к свету.

Затем я заговорил о Мэйрн Бергруд, чтобы уточнить подробности ее смерти.

Общался ли Джим с Мэйрн? Прежде чем

прозвучал ответ Джима, Мэйрн Бергруд заговорила сама:

— Я была здесь и слушала вас. Мы с Джимом все это время поддерживали друг друга. но я чувствую себя словно пророк, с глаз которого упала пелена...

Снова заговорил Флетчер.

— Вы Диана? — спросил он.

— Да, это я, — ответила миссис Кеннеди.

Они с Мэйрн поговорили о работе в Фонде, которую Диана продолжила после смерти Мэйрн. Миссис Бергруд произнесла несколько ободряющих слов. Говорила она вдохновенно, но позже Диана поделилась со мной своим разочарованием: медиум ограничился избитыми фразами и общими словами, не содержащими никакой конкретной информации. Короче говоря, у Дианы не создалось впечатления, что она общается с Мэйрн. Я разделял ее ощущения, но все же хотел попробовать узнать какие-то подробности о смерти миссис Бергруд.

— Ну, хорошо, Мэйрн, однако события той ночи, когда вы решили покончить с жизнью, остаются для нас тайной. Что же тогда произошло?

— Ну что ж, я могу вам это сказать. Просто я чувствовала опустошение, бессилие, мое одиночество было невыносимо...

— Но, Мэйрн, Джойс и Гертруда (это были ее секретари) полагают, что вы задумали это заранее. Так ли это?

— Да, я периодически страдала от приступов депрессии, которые становились все сильнее...

— Вы решили сделать это именно в ту ночь? — спросила Диана.

Не отвечая напрямую на заданный вопрос, Мэйрн продолжала:

— Я думаю, что когда у вас нет больше сил, когда вам кажется, что жизнь не стоит ваших страданий, и вы не чувствуете ничего, кроме пустоты, тогда вы имеете право на...

— Но мне кажется...

Я хотел оспорить право человека на самоубийство, но она не дала мне продолжить:

— Я не уверена, знаете ли вы об этом, но я боялась, что у меня рак.

Действительно, Мэйрн перенесла две очень серьезные операции, и время от времени, когда у нее что-нибудь болело, она говорила, что боится рецидива рака.

В течение десяти дней, предшествовавшей ее смерти, она тяжело болела и даже вынуждена была прервать свою работу.

— Я не могла этого вынести. Надеюсь, вы простите меня.

— Естественно, мы вас прощаем, — ответил я. — А вы, пожалуйста, простите меня, — я должен был понять, в каком вы состоянии.

И тут Мэйрн, которая никогда не была глубоко верующей, сказала, к моему великому удивлению:

— Я твердо верю, что однажды увижу Иисуса.

Затем она продолжила:

— Мы с Джимом пребываем в состоянии, которое называем эфирным телом. Речь идет о некоем промежуточном состоянии, вы понимаете? Здесь я узнала, что самые развитые души поднимаются ввысь, но иногда возвращаются, чтобы помочь тем, которые

остались внизу. Меня также предупредили, что мы останемся здесь до тех пор, пока люди, которые были нам дороги на земле, не присоединятся к нам — или пока мы не перестанем беспокоиться о них. Пока живые думают, что мы можем им помочь, мы останемся здесь. Потом мы тоже поднимемся, но спешить некуда.

Слово снова взял Джим:

— Папа, не мог бы ты сказать Джорджу Лайвермору, которого ты скоро увидишь, что Каролина вскоре присоединится к нам? Кстати, Джордж — порядочный человек. Он очень предан тебе.

— Да, я знаю, — сказал я машинально, поскольку думал уже о другом.

Каролиной, кажется, звали мать Джорджа Лайвермора. Это была очень влиятельная в епархии восьмидесятилетняя дама. Правда, я не совсем был уверен в ее имени, поскольку всегда называл ее «миссис Лайвермор».

Я рад был бы встретиться с Джорджем, который был одним из моих добрых друзей, но это было маловероятно. И уж тем более вряд ли я смог бы сообщить ему о скорой смерти его матери — или любой другой знакомой ему Каролины. Поэтому я выбросил все это из головы — и вспомнил лишь накануне Рождества, когда встретил Джорджа Лайвермора. Мы обменялись несколькими словами; я думал передать ему сообщение Джима, но в конце концов решил этого не делать.

2 февраля мой секретарь в Центре сообщил мне, что звонили из епископата: только что умерла миссис Лайвермор.

— Я очень огорчен, — ответил я. — Вы не знаете, как ее звали?

— Каролиной, — был ответ.

Разговор, кажется, начал затухать. Флетчер назвал девичью фамилию моей матери — Перл — и ее второе имя — Агата, — которое нами никогда не употреблялось. Затем последовали имена нескольких известных людей, но на все наши вопросы говорящий отвечал с какой-то поспешностью, как будто у него оставалось мало времени. Джейн Кингман получила несколько советов по поводу ее будущего. Потом медиум замолчал.

Через минуту Артур Форд поднял голову и спросил:

— Что-нибудь получилось?

— Да, конечно, — сказал я. — Большое спасибо за замечательный сеанс.

Затем мы втроем начали обсуждать этот опыт. За исключением последних — достаточно общих — слов относительно Джейн Кингман и слишком банальных, чтобы быть убедительными, замечаний, которые Мэйри сделала Диане, материал, как показал детальный анализ магнитофонной записи, был на этот раз более убедительным, чем за все предыдущие сеансы. Ответы медиума вполне соответствовали нашим вопросам. Флетчер вмешивался мало, и все, что было сказано при его посредничестве, находилось в согласии с уже известными нам данными, составлявшими содержание предыдущих сеансов.

Мы были убеждены, что ничто из того, что мы слышали, нельзя было объяснить предварительным наведением справок. Отныне можно было выдвигать любые теории, чтобы объяснить полученный материал.

То, что не могло быть почерпнуто в моем сознании при помощи телепатии, медиум не сумел бы выяснить и никаким другим способом. Следовательно, Артур Форд узнал все это или естественным путем — от живых людей, знающих обо всем этом, — или в силу своих необыкновенных парапсихологических способностей. При этом информация могла быть почерпнута или из сознания живого человека, или из коллективного подсознания при помощи телепатии, или путем прямого контакта с умершими людьми.

Мы не могли с уверенностью сказать, какова природа этого явления, но мы были очень рады тому, что версия об обмане окончательно отпала.

К сожалению, кое-какая информация частного характера, полученная в ходе того сеанса, не может быть здесь воспроизведена. Тем не менее, с учетом всего изложенного, я просил бы моих читателей применить метод «факты плюс вера», чтобы принять или отвергнуть то, что я утверждаю со всей определенностью: я смог проверить почти все факты, услышанные от медиума и прояснить многое, что было мне непонятно в смерти моего сына.

Этот сеанс развеял последние сомнения относительно честности Артура Форда, которые могли еще у нас оставаться и которые были поколеблены уже в результате сеанса в Торонто. Обилие достоверной информации, которую невозможно было получить иным путем, убедительно подтверждало парапсихологические способности медиума.

Впрочем, мы не были еще уверены в роли, которую мог играть в Торонто Спред-

жетт, хотя, как только мы установили порядочность Форда, можно было практически не сомневаться и в честности Спреджетта. Вскоре мы получили этому подтверждение. В феврале по предложению Аллена мы с Дианой присутствовали на сеансе медиума, который обещал осуществить материализацию умерших и демонстрацию душ, «играющих на трубе».

Эти сеансы, которые проходили в присутствии специальных наблюдателей, оказались мистификацией, хотя мы и так и не смогли точно определить, как медиуму удалось осуществить полдюжины «материализаций». Спреджетт был настроен так же критически и недоверчиво, как и любой из нас. Он подверг медиума испытанию, которое и позволило определить, что контакты были фальшивыми, так же, как и звук «труб», на которых играли так называемые «души». Кроме того, еще прежде чем обман был раскрыт, Аллен пообещал представить мне письменный отчет об этом сеансе. Так что не было никаких сомнений, что единственной его целью было то же, чего хотели и мы, — поиск правды.

Эти два сеанса поставили точку в наших исследованиях, имевших целью обнаружить обман в моих контактах с Джимом. Каково бы ни было объяснение наблюдавшихся явлений, мы не обнаружили ничего, что позволило бы усомниться в честности любого из участников опытов, и заподозрить их в предварительном сговоре.

Как по религиозным, так и по личным причинам, я хотел добиться полной уверенности, что меня не дурачат. Доверчивый по своей природе, несмотря на юридическое

образование и службу в разведывательных войсках во время войны, я занялся глубоким исследованием этих явлений, потому что они были крайне необычны и потому что, признаюсь, я разделял общее сомнение в честности и психической устойчивости медиумов. Я был одновременно юристом и священником. Во все времена в этих профессиях встречались «паршивые овцы», и все же я не имел к ним предубеждения. Поэтому я перестал априорно сомневаться в честности медиумов.

Цель эмпирического метода — отделить правду от лжи. Было бы антинаучно отрицать целую категорию явлений из-за того, что какая-то часть их вызывала сомнения. Такой подход привел бы, например, к упразднению судов под предлогом, что бывают иногда случаи лжесвидетельства. Однако судебные власти лишь приняли меры предосторожности: судебная процедура, эксперты, письменные доказательства и т.д. То же самое происходит и в области парапсихологических явлений — существует разумная позиция, где-то между абсолютной доверчивостью и огульным отрицанием всего, что относится к этой области.

Отличить естественное от сверхъестественного становится все труднее по мере того, как расширяются наши знания о вселенной. Чем лучше мы познаем законы природы, тем больше сомнения вызывают у нас жесткие правила, которыми предшествующие поколения стремились их ограничить. Единство вселенной с каждым днем становится все очевиднее. Сегодня мы знаем, что являемся составной частью мироздания, и наша трансцендентность состоит в том, чтобы почувствовать это, выразить и по мере сил сознательно участвовать в эволюции.

Объем научных данных растет с невероятной скоростью, и мы вынуждены постоянно расширять свои взгляды на мир, чтобы включить туда последние открытия. За истекшие двадцать пять лет было сделано больше открытий, чем за сорок тысячелетий, отделяющие нас от нашего предшественника — кроманьонца. Эти изменения, темп которых постоянно ускоряется, грозят перечеркнуть наши традиционные системы классификаций и отношений, то есть общепринятую систему взглядов.

Возьмем один пример: несколько лет назад английские астрономы поймали радиосигналы, идущие из межзвездных пространств, — необыкновенно отчетливые, продолжающие-

ся в течение одной минуты и повторяющиеся через равные промежутки времени. Модуляции поступающих сигналов меняются в зависимости от частоты волн, на которых они улавливаются. Таковы факты. Но они до сих пор еще не объяснены. Астрофизики так и не смогли выработать более или менее приемлемой теории, объясняющей их происхождение, и вынуждены принять на веру самую вероятную, но отнюдь не безусловную версию происхождения сигналов. Согласно этой теории, сигналы исходят от карликовых или нейтронных звезд. Но это лишь гипотеза, поскольку если существование карликовых звезд уже не вызывает сомнений, то наличие нейтронных звезд еще не доказано.

Другие ученые предполагают, что существуют внеземные цивилизации, технически более развитые, чем наша, и уже миллионы лет передающие друг другу сообщения с помощью сигналов, которые мы только теперь научились улавливать. Возможно, это закодированное сообщение, с помощью которого далекая цивилизация пытается установить с нами связь! Разумеется, мы не сможем проверить истинность этой теории, пока не расшифруем межгалактические «послания». А пока большинство ученых предпочитает «естественное объяснение», согласно которому сигналы исходят не от внеземного разума, а от вполне материального источника, и продолжают научные исследования.

Открытие космических сигналов вполне сравнимо с исследованиями, осуществленными психологами в области экстрасенсорного восприятия. Ученые собрали тысячи разного рода наблюдений и описаний действий теле-

патии: известно, что телепатия может проявляться как спонтанно, без всякой подготовки, так и в условиях эксперимента, под контролем наблюдателей и приборов. Она действует и на сознательном, и на подсознательном уровне. Проявления телепатии не ограничены ни во времени, ни в пространстве. Расстояние, по всей видимости, не оказывает никакого влияния ни на предвидение — сверхъестественное знание будущего, — ни на ретровидение — знание прошлого, но телепатический контакт устанавливается легче, если контактеры как-то связаны на эмоциональном уровне.

Эффекты телепатии подчас опровергают законы физики, которые мы считали универсальными. Например, сила психических волн вовсе не убывает пропорционально квадрату пройденного ими расстояния, в отличие от волн электромагнитных. Передача мыслей между гипнотизером и гипнотизируемым может происходить даже через толстую свинцовую перегородку, что исключает электромагнитное происхождение этого явления.

Наука все еще ищет объяснение этому явлению. Некоторые специалисты работают над гипотезой, состоящей в том, что данное природное явление вызвано некой скрытой энергией, существующей во вселенной, но которую мы не можем воспринимать непосредственно. Существует также версия, что, умирая, человек оставляет «мнемонические следы», и медиумы воспринимают эти «следы» через коллективное подсознание. Обе эти теории исключают возможность внезапного или сверхъестественного происхождения телепатии.

Некоторые ученые утверждают, что на других планетах существует некая форма разумной жизни, которая, возможно, передает послания, улавливаемые нашим подсознанием, и таким образом руководит нашими действиями. Такая теория, очевидно, могла бы объяснить и существование телепатии, но до сих пор ученые, изучающие это явление, не обнаружили в нем следов высшего разума; напротив, средний уровень отмечавшихся телепатических эффектов вполне соответствует нашему интеллектуальному уровню.

Некоторые приписывают парапсихологические контакты деятельности человеческой души, опираясь на понятие «коллективного бессознательного», сформированное Юнгом. Наша современная культура, находящаяся под влиянием теории глубинной психологии, легко принимает такого рода объяснения. Но встает вопрос: как подсознание медиума за доли секунды может не только улавливать, но и отбирать ту информацию, относящуюся к одному конкретному человеку, среди миллиардов сообщений, которые должно содержать коллективное подсознание человечества?

Если мы готовы принять теорию, не доказанную неопровержимыми фактами, то предположение, что медиум обладает подобными способностями, не более вероятно, чем гипотеза о жизни после смерти. Поэтому совершенно естественно, что некоторые ученые и философы на основе имеющихся данных заключают, что человеческие существа могут продолжать жить после физической смерти и даже входить в контакт с живыми существами. Эта гипотеза, вероятно, никогда не будет ни доказана, ни опровергнута.

Однако лично я отношусь к тем, кто считает, что эта теория в большей степени отвечает имеющимся фактам, чем любая другая, в частности, в вопросах возникновения, единства и непрерывности парапсихологических связей. Тем не менее наука продолжает поиски иных объяснений, и эти усилия, безусловно, оправданы.

Если какой-нибудь радиоловитель вдруг заявит, что с помощью самодельного приемника поймал сигналы из межгалактического пространства, его немедленно обвинят в преувеличении, фантазерстве или преднамеренной дезинформации. С другой стороны, мало кто поставит под сомнение научные отчеты астрономов, зарегистрировавших те же сигналы с помощью чрезвычайно мощного оборудования. Соотнеся эти две информации, думающий человек в ответ на сообщение радиоловителя, возможно, спросит: «А что, если это правда?..»

Со времен изобретения письменности история доносит до нас многочисленные примеры того, как люди, часто совершенно необразованные, становились свидетелями сверхъестественного явления. Эти рассказы получили различную интерпретацию в зависимости от предрассудков и культурной среды конкретной страны и конкретной эпохи. В нашем современном обществе такие свидетельства часто не принимаются всерьез; скептики воспринимают их как проявление психических заболеваний, а религиозные конформисты обличают как демонизм. Лично я думаю, что, если бы наша информированность соответствовала уровню нашего скептицизма, мы с большим вниманием относились бы к случаям спонтанной телепатии и, возможно, более благосклонно приняли бы

идею, что эти явления находятся по меньшей мере в «пределах допустимого». Количество людей, из-за догматической ограниченности начисто отрицающих существование телепатии, вероятно, тогда бы сократилось, тем более что в наше время наука располагает современными средствами измерения и контроля, помогающими в телепатии: электроэнцефалографией, магнитофонами и сверхчувствительными кинокамерами.

Тем не менее многие ученые сегодня утверждают вслед за доктором Моррисом¹⁸, что «гипотезу, согласно которой бесплотный дух может перемещать видимые материальные объекты, невозможно представить себе без участия физической силы, и совершенно абсурдно допускать существование силы без материальной основы».

Популяризация же успешных научных экспериментов, напротив, позволила бы привлечь больше сторонников к теории доктора Мерфи, заявляющего: «Давно известно, что телепатию нельзя объяснить с помощью физики. Она не имеет ничего общего ни с излучением, исходящим от живых клеток, ни с электромагнетизмом».

«Если мы допустим в рамках теории о единстве вселенной, что телепатия осуществляется благодаря некой особой энергии, — продолжает доктор Мерфи, — нам придется признать, что последняя должна быть отлична от всех прочих известных видов энергии — таких, как радио или другие способы передачи информации на расстоянии».

¹⁸ Моррис Чарлз Уильям (р. 1901) — американский философ-идеалист, сочетавший принципы прагматизма с идеями логического позитивизма.

Человеку свойственно сопротивляться восприятию новых идей. Возьмем, к примеру, реакцию ученых, соответствующих эпох на открытия Коперника, Галилея, Дарвина, Фултона, Эдисона, Швейцера, Эйнштейна, Христофора Колумба, Райта, Фрейда... Изобретатели, ученые, первопроходцы и первооткрыватели во все времена подвергались нападкам современников.

Сегодня те, кто интересуется парапсихологическими знаниями, должны создать общую теорию, которая учитывала бы все известные факты в этой области. Вот, например, далеко не полный список недавних работ, осуществленных в области парапсихологии:

— опыты телепатии под гипнозом; контактеры изолированы друг от друга (СССР);

— те же опыты, но без применения гипноза, давшие безусловные положительные результаты. Вероятность случайного успеха составляет в этом случае 4:1 000 000 (Общество парапсихологических исследований, Массачусетс);

— приведение испытуемых в психоделическое состояние без применения наркотиков с замером альфа-лучей с помощью электроэнцефалографии и с использованием условных рефлексов (Калифорнийский университет);

— попытка ввести информацию в сны испытуемых путем телепатии с контролем альфа-лучей с помощью электроэнцефалографии (Центр исследований сна в Нью-Йорке);

— измерение корреляции передачи мысли с помощью телепатии на разные расстояния — от нескольких метров до 20 тысяч километров (Американское общество парапсихологических исследований);

— спиритические сеансы с целью установления возможных связей между медитацией и передачей мысли на расстоянии (то же общество);

— многочисленные опыты проекции субъектом мысленных изображений на пленку «Полароид» с использованием объектива и без него, давшие положительный результат (Колорадский университет);

— изучение корреляции между психоделическим состоянием испытуемых и их телепатическими способностями (Швейцария);

— лабораторные опыты по изучению воздействия умственной концентрации на передвижение объектов — телекинез (В.С.Ролл);

— опыты по корреляции между состоянием гипотического транса и телепатическими способностями;

— анестезия в хирургии, достигнутая с помощью гипноза (остановка кровотечения под воздействием гипнотического внушения);

— эксперименты по воздействию телепатии на рост растений;

— изучение наличия телепатических свойств у животных в зависимости от уровня развития (мистер А.Харди, Оксфорд).

Работая над настоящей книгой, я попытался по-новому взглянуть на свои собственные опыты, классифицируя их по категориям, принятым специалистами. Каков же был результат?

Прежде чем дать ответ, нужно как следует изучить медиумов, обращающихся к ним людей, явления, наблюдаемые визуально, и, наконец, полученные сообщения.

Медиумы — это такие же люди, как мы с вами, и ни один из них не похож на другого.

Каждый медиум произносит во время сеанса некоторое количество фраз, относящихся к области религии или морали, — своего рода «банальности», уместные для любого случая. Хотя во время сеанса эти не имеющие очевидной ценности фразы не бросаются в глаза, их сразу замечаешь, когда перечитываешь протокол или прослушиваешь магнитофонную запись. Как бы то ни было, умение отвечать четко и без колебаний показывает, что человек знает, что говорит. Такая правильная речь контрастирует с расплывчатыми фразами, которые следуют обычно за изменением темы диалога.

Трудно сказать, чем объясняется успех сеансов, содержащих «рекордное» количество откровений: счастливым совпадением, особой чувствительностью медиума по отношению к конкретному человеку, прямым следствием телепатии, позволяющей «выуживать» информацию из подсознания пациента, — или все-таки некоторой связью медиума с умершими людьми.

Неудача сеанса также может быть объяснена многими причинами: личностью пациента, которого медиум «не чувствует», слабостью связи с загробным миром или плохой передачей сообщений медиумом.

Те несколько медиумов, с которыми я познакомился, были людьми умными и порядочными. Но, если верить многочисленным свидетельствам, так бывает не всегда. Не слишком щепетильные люди могут быть хорошими медиумами; в нашу задачу не входит сейчас исследование природы медиумического дара, но заметим, что некоторые спиритические учения утверждают: медиумические способно-

сти связаны с моральными и духовными качествами человека. Христианская доктрина подразумевает, что духовный отец должен быть лучше своей паствы. Почему? Немало медиумов имеют сан, и они не лучше, но и не хуже других членов духовенства. Многие «ясновидящие» получили религиозное воспитание.

Если считать, что парапсихологические способности связаны с общественным положением и моральными качествами человека, то как объяснить необычный случай с Тэдом Сериосом? Этот выходец из Чикаго, личность глубоко антиобщественная, алкоголик и уголовник, в присутствии многочисленных психиатров и психологов смог с помощью одного лишь умственного напряжения передать изображения на фотопленку, используя аппараты с объективом и без него. Эти картинки были представлены организаторами опыта, и Сериос даже не мог их видеть: они были запечатаны в непрозрачные конверты.

Однако существует по меньшей мере одно моральное качество, всегда присущее человеку, обладающему парапсихологическими способностями, какого бы они ни были происхождения, — это чуткость, теплота и симпатия по отношению к ближним.

Эта связь настолько очевидна, что упоминание ее может показаться банальной. Однако в рамках нашей темы она имеет особое значение.

Эти качества — чуткость и заинтересованность в близком человеке — разумеется, не единственные черты, присущие профессиональным медиумам. Есть и другие составляющие, которые способствуют проявлению медиумических способностей. Эти элементы

являются частью всех скрытых способностей, которые включает в себе человеческая душа. Как не существует людей, вовсе лишенных медиумических качеств, так и стопроцентные медиумы встречаются крайне редко. Иначе говоря, любой человек в той или иной степени является медиумом.

Разумеется, это относится и к «пациентам» медиумов. В ходе сеанса они считают себя лишь простыми зрителями и не осознают, что сами играют определенную роль в происходящем. Но существование вещей снов показывает, что каждый из нас способен на уровне сознания получать сообщения или информацию, исходящую из нашего подсознания, а возможно, и из внешних источников. Все это вместе и может составить послание медиума, передаваемое во время сеанса. Речь идет о коллективном подсознании, явлениях телепатии и общения с душами умерших. Следовательно, роль консультирующегося с медиумом человека можно назвать очень и очень важной.

Если допустить правомерность множества доказательств в пользу телепатии, то из этого следует, что обращающийся к медиуму человек сам может передавать информацию телепатическим путем. Ведь парапсихологические способности, которыми, вероятно, обладает медиум, в той или иной степени существуют и у этого человека. Этот процесс может быть описан следующим образом: подсознание пациента помимо его воли передает информацию, которую улавливает подсознание медиума, а тот во время транса излагает ее пациенту, не подозревающему о ее происхождении.

Кроме того, часть информации пациент вполне сознательно сообщает во время сеансов посредством ответов на вопросы и замечаний. Таким образом, можно объяснить случайные совпадения и банальные фразы, произносимые медиумом, который — в силу своей сверхчувствительности — использует для своих откровений малейшие намеки, даже при отсутствии сознательного обмана, благодаря естественной склонности ума.

По мере того как я больше узнавал о телепатии, я старался в своих репликах по ходу сеансов сообщать как можно меньше информации. Тем не менее прослушивая после сеанса магнитофонные записи, я каждый раз с удивлением обнаруживал, как много информации могли давать медиуму мои даже самые осторожные и просчитанные ответы. Я вижу на это две причины. С одной стороны, в любом диалоге собеседники, естественно, стремятся высказаться, особенно если речь идет о чем-то очень личном, а с другой стороны — пациент должен что-то говорить, чтобы поддержать диалог.

Даже если человек хранит во время сеанса полное молчание, в своих мыслях он «отвечает» и на сообщения медиума, и, таким образом, они приобретают для него некоторую связность, какова бы ни была их истинная ценность. Без этой умственной работы, молчаливой или высказанной вслух, никакой контакт человека с человеком невозможен.

Возьмем аналогичный пример в классической психологии — память. Страдающий амнезией не может вспомнить прошлое — восстановить в памяти то, что он забыл, — как бы ни пытались ему помочь близкие или свиде-

тели произошедших с ним событий. Он вспомнит все лишь тогда, когда снова заработает механизм ассоциаций. Вновь обретенная память заставит его почувствовать, что его воспоминания о прошлом — правда и он выздоровел. Точно так же удовольствие от встречи с близким другом, не говоря уже о любимом человеке, зависит не от слов приветствия, которыми мы с ним обмениваемся, но от всей совокупности общих воспоминаний и пережитых вместе с ним чувств.

Этот процесс играет большую роль в толковании наблюдаемых явлений.

Во-первых, во время телепатической связи, какова бы она ни была, человек может быть более или менее убежден в реальности явления лишь на основании эмоций, которые он при этом испытывает. Мы вернемся к этому позже.

Во-вторых, память человека находится под влиянием хорошо известного психологического фактора, заключающегося в искажении воспоминаний. Поэтому отчеты о сеансах часто содержат ошибки и упущения.

В юридических школах, рассказывая студентам о доказательствах и свидетельских показаниях, преподаватели часто проводят следующий опыт. Класс делится на две группы. Первая должна выполнить ряд действий и произнести заранее обговоренные слова, о которых члены второй группы не знают. В конце занятия студентам из второй группы предлагается описать устно или письменно то, что они наблюдали. Чем больше проходит времени с момента совершения действий до момента написания отчета, тем более неполным, искаженным и преувеличенным выгля-

дит описание. Обычно свидетели событий излагают то, что было сказано в ходе его обсуждения, а не то, что произошло на самом деле. Они описывают не то, что видели, и даже не то, что думают, что видели, а то, что слышали по этому поводу.

Начиная писать эту книгу, я был уверен, что сохранил точные воспоминания обо всех подробностях сеансов. Однако, перечитав свои записи и слушая магнитофонные ленты, я заметил, что помню не то, что произошло, а то, о чем я уже говорил. Объяснение, которое первым приходит в голову, заключается в том, что мы запоминаем в основном детали, наиболее соответствующие тому, что мы хотим увидеть или услышать. Тем не менее мои личные опыты не подтверждают полностью эту теорию.

Действительно, определенные факты или события остались в моей памяти со всей отчетливостью, но чаще всего я был склонен забывать вещи, которые доказывали существование парапсихологических явлений. И лишь перечитывая свои записи или отчеты, я улавливал тесную связь разрозненных фактов, сплетающихся в единое целое, в то время как те же данные, рассматриваемые порознь, не представляли ни интереса, ни значения. Понятно, почему в судах не принимают показаний свидетелей, говорящих о том, что знают понаслышке, а также показаний, данных спустя долгое время после событий.

В связи с телепатическими опытами это говорит о том, как важно фиксировать все сказанное на бумаге и магнитофонной ленте.

В-третьих, фактическая роль, которую играет тот или те, кто обращается к медиу-

му, при парапсихологическом контакте, может объяснить, почему другие члены той же семьи не могут войти в такой контакт. Одни люди более открыты, чем другие и, если допустить возможность загробной жизни, облегчают контакт медиума с умершими, тогда как другие лишь затрудняют эту задачу.

В-четвертых, в свете наших выводов о роли пациентов медиумов и свидетелей парапсихологических опытов, интересно было бы исследовать их поведение в случае полтергейста.

В ходе моих исследований телепатических явлений мне представился случай встретиться с доктором Стивенсоном, ученым-психиатром из Вирджинского университета. Он автор многочисленных работ о жизни в потустороннем мире и детской реинкарнации. Когда я рассказал ему о своих опытах, он сделал удивительное, но чрезвычайно полезное для меня замечание по поводу явлений, которые происходили в моей квартире в Кембридже.

— Джеймс, — сказал он мне, — возможно, причиной полтергейста были вы сами.

В тот момент я вспомнил слова одного из моих братьев, епископа Мосли, который, выслушав мой рассказ об этих явлениях, первым делом спросил: «Джеймс, вы консультировались с врачом?» «Если вы имеете в виду психиатра, — ответил я тогда, — то я к нему уже обращался. Если бы в Кембридже со мной не находились постоянно двое свидетелей, доказывающих, что я не сплю, я бы проконсультировался с кем-нибудь еще».

Двумя годами раньше я посещал психоаналитика, последователя Юнга, чтобы луч-

ше узнать себя и эффективнее выполнять свою роль пастора и духовного наставника. Доктор не обнаружил у меня ни малейших симптомов психоза или невроза.

Однако после возвращения из Кембриджа я снова обратился за консультацией к тому же специалисту по психоанализу. Хотя уже само присутствие свидетелей исключало возможность галлюцинации или игры воображения, доктор Джон Перри, очень восприимчивый к парапсихологии, уверил меня, помимо всего прочего, что у меня нет никаких признаков психического расстройства, которое могло случиться в момент опытов или после них.

Когда доктор Стивенсон озадачил меня своим замечанием насчет полтергейста, я понял, что епископ Вирджинии скорее всего не сомневался в моем психическом здоровье: его вопрос подразумевал, не удалось ли найти научное объяснение тем явлениям, которые я описал. Я спросил Стивенсона:

— Что вы имеете в виду? Я уверен, что это не были галлюцинации, так как, во-первых, со мной были свидетели, а во-вторых, я уже полностью оправился от моего горя.

— Все это можно было бы объяснить тем, — сказал мне врач, — что разрушительная энергия, вызванная эмоциональным шоком, который вы пережили, нашла внешнее проявление — помимо вашей воли, через подсознание.

Он подробно рассказал мне о полтергейсте. Очень часто невольными авторами этого явления становятся подростки, выступающие в роли источника энергии. Стивенсон предпола-

гал, что в моем случае сознательное стремление преодолеть горе, видимо, высвободило и направило в другом направлении подавленные эмоции, что и вызвало явления полтергейста, свидетелями которых мы были в Кембридже.

Объяснения Стивенсона открыли мне новые горизонты: ведь я с самого начала искал объяснения случаям полтергейста, имевшим место до моего первого сеанса с миссис Твитт, но раньше мне не приходило в голову ничего, кроме версии о существовании загробной жизни. Однако если виновниками полтергейста были Мэйрн, Дэвид или я сам, я понимаю, почему мы все трое чувствовали себя такими обессиленными и изнурительными, когда эти явления становились особенно интенсивными. Возможно, это было связано именно с тем, что мы излучали необычную энергию.

Несколько позже мне попала в руки книга под названием «Можем ли мы объяснить полтергейст?», написанная кембриджским ученым по фамилии Оуэн.

Автор описал в своем труде большое количество случаев, которые невозможно было объяснить с традиционной точки зрения, и пришел к заключению, что причиной полтергейста являются живые люди, которые, — вследствие эмоционального потрясения, психических или физических нарушений неосознанно излучают некую особую энергию.

Можно сравнить эту теорию с принципами «психосоматической» медицины, которая утверждает взаимозависимость психических — соматических — и физических болезней, как причины и следствия. В таком случае, вылечив психологическую причину болезни, можно добиться выздоровления тела.

Аналогично в случае полтергейста, очевидно, можно прекратить эти явления, вылечив человека, который является их причиной.

Что касается меня, то, очевидно, я действительно подавил большую часть эмоций, которая вызвала во мне смерть Джима. В это же самое время я столкнулся с другими проблемами, которые требовали от меня сильных эмоциональных реакций: процесс по обвинению в ереси, беспокойство по поводу положения духовенства в Родезии, мой арест, заключение и затем высылка из этой страны. Я находился в состоянии постоянного эмоционального напряжения, и даже после возвращения из Кембриджа, хотя я много думал о Джиме, в основном мои мысли занимали эти заботы и задачи, стоящие передо мной. Вероятно, вызвав явления полтергейста, мое подсознание вынуждало меня обратить внимание на сына.

Если я в самом деле подавил в себе переживания по поводу Джима, то вполне естественно, что интуитивно я приписывал моему сыну энергетические явления, которые порождало мое подсознание. Во всем, что происходило необычного, я усматривал дело рук Джима — и в конце концов решил, что должен попытаться войти в контакт с сыном.

Следуя этой гипотезе, мой первый визит к миссис Твигг был уступкой неосознанному чувству вины по отношению к Джиму. Когда вся моя внутренняя энергия оказалась направленной к определенной цели, полтергейст стал излишним, — и действительно, эти явления прекратились, как только я встретился с медиумом.

Но тем не менее этой теории недостаточно, чтобы объяснить все случаи полтергейста, свидетелем которых я был. На это есть несколько причин:

1. Явления такого рода происходят обычно с людьми от пятнадцати до тридцати лет и лишь очень редко с теми, кому, как и мне, за сорок.

2. Перемещение вещей обычно происходит на глазах у свидетелей, в то время как в Кембридже они перемещались, когда нас всех троих не было в квартире, и мы обнаруживали это лишь по возвращении.

3. Обычно свидетели присутствуют при полетах или спонтанных перемещениях предметов. В Кембридже наблюдали такой случай лишь однажды.

4. В большинстве случаев полтергейст сопровождается звуками ударов или стуком, которые производят «шумные духи». Однако мы никогда ничего подобного не слышали.

5. Наконец, диапазон явлений, наблюдавшихся нами в Кембридже, гораздо шире, чем в любом из известных случаев. Проанализированные и описанные д-ром Оуэном случаи сводятся, как правило, к повторяемым явлениям: состояние транса, телекинез, тепло, ожоги и самовозгорание предметов. Мы сталкивались с некоторыми из этих явлений, но не наблюдали ни полетов, ни ударов или других шумов, ни самопроизвольно появляющихся надписей.

Если допустить, что причиной полтергейста был я, то как объяснить случай, когда Дэвид обнаружил расстегнутые и расположенные под определенным углом английские булавки в своей квартире в Сан-Франциско, в то время как я находился в 50 км оттуда?!

Тем не менее мне трудно целиком отказаться от теории, предложенной Оуэном. Возможно, частично в моем случае она и верна. Можно, например, допустить, что:

1) неведомые силы, противоречащие известным физическим законам, действовали помимо нашей воли;

2) некоторые явления полтергейста были все же вызваны энергией моей личности;

3) другие непонятные события, используя присутствующих людей в качестве медиумов, спровоцировал дух Джима, выражавший таким образом свое присутствие;

4) горе, угрызения совести и другие подавленные эмоции пробудили во мне медиумические способности, обычно скрытые.

И, наконец, если физическое и эмоциональное расстройство человека может вызывать явления полтергейста, то, возможно, источником их была Мэйри Бергруд, которая уже в то время сильно болела.

Какие бы версии мы ни выдвигали, сам по себе факт остается загадкой. Все наши гипотезы предполагают существование источника энергии, природа и проявления которой остаются совершенно неизвестными.

Не имея возможности удовлетворительно объяснить эти случаи полтергейста, я готов допустить, что причиной их мог быть как Джим, так и я или кто-то из двух моих друзей. Сообщения, полученные от медиума, подтверждали события в Кембридже, но я и сам мог, неосознанно передавая свои мысли, сообщить медиуму эту информацию.

Надо признать, что развитие событий действительно наводило прежде всего на мысль о каком-то внешнем источнике, но,

возможно, я недооцениваю творческую силу своего неосознанного воображения.

Если я сам был источником необходимой для полтергейста энергии, то еще более интересно отметить, что так же неосознанно я пришел к парапсихологическим контактам, уровень достоверности которых неоспоримо высок. Этот факт может позволить свести воедино различные аспекты опытов, что очень и очень важно.

Главное значение этих контактов состоит не в их содержании — хотя и оно заслуживает внимания, — а в правдоподобности и целостности сообщений; обычно слова медиума требуют расшифровки. В большинстве случаев человек, разговаривающий с медиумом, верит в подлинность источника сообщений, так как их правдоподобность производит впечатление, что он действительно общается со своим умершим родственником или знакомым.

В ходе различных сеансов, на которых я присутствовал, я наблюдал изменения в умонастроении Джима — если, конечно, это действительно был он. Во время двух первых контактов у миссис Твигт Джим был взволнован, обеспокоен и, казалось, сожалел о своем поступке. Свое самоубийство он воспринимал как непоправимую ошибку.

Впоследствии же у меня создалось впечатление, что мой сын стал более спокойным. В основном он старался убедить меня, что он жив, интересуется моими делами и хочет мне помочь. Свою смерть он воспринимал теперь с позиции фаталиста: «это должно было произойти».

Позже, примерно через два года, Джим, казалось, наконец нашел свое место в ином

мире. «Я обязан помочь тем, кто, как и я, покончил с собой», — заявил он. Теперь он уже меньше стремился к контактам со мной, постепенно отдаляясь от мира живых. Он смог теперь рассказать об обстоятельствах своей смерти. Впервые я услышал от него, что он счастлив и что он нашел свой путь «в потустороннем мире».

Вероятно, мне могут возразить, что это медиумы, зная о самоубийстве Джима, на каждом этапе угадывали, каким должно было быть состояние его духа. Но замечательно то, что все три медиума, с которыми я имел дело, говорили об этих изменениях. Можно также предположить, что медиумы, читая мои неосознанные желания в моем подсознании, говорили то, что я ожидал услышать. Действительно, на каждом сеансе я надеялся, что Джим предстанет передо мной изменившимся — более умиротворенным, более счастливым... Но откуда бы это ни исходило — от меня, медиума или из загробного мира через посредство медиума, — я повторяю, что этот очевидный прогресс, эти постепенные изменения создают у человека, разговаривающего с медиумом, полное впечатление, что он находится в контакте с живым и развивающимся человеком.

Однако нужно напомнить, что обычно мы знаем людей лишь постольку, поскольку представляем их себе на основании наших собственных реакций. Я знал Джима по его поведению, его словам и тому, что он говорил о себе. Следовательно, я сравнивал сообщения, которые я получал от него через медиума, с тем образом, который хранился в моей памяти. Поэтому связь, которую я наблюдал,

субъективна и основана лишь на интуитивном осмыслении получаемой информации.

Масса данных, которыми мы располагаем относительно парапсихологических явлений, и еще больше количество фактов, относящихся к телепатическим способностям человека, заставляет нас взглянуть на проблему более широко.

Тогда возникают два основных вопроса: какова природа человека и какова природа вселенной?

Мои работы последних лет и моя борьба за реформирование христианского учения заставляют меня поверить в единство благодати и универсальную истину, а парапсихологические опыты и те исследования, к которым они меня привели, побуждают взглянуть на человека и вселенную шире, чем это делает традиционное христианство и родственный ему западный материализм.

Раньше христианские ученые утверждали, что человек является самодостаточным созданием, даже если на него оказывают воздействие внешние силы. Антропологи, социологи и психологи безуспешно пытались подчеркнуть значение общества и детерминизм в отношении к индивидууму.

Пришло время изменить наш взгляд на человека и выработать теорию, которая одновременно учитывала бы сознание индивидуума, его собственное подсознание и «коллективное бессознательное». Наша традиционная наука с трудом принимает идею такого синтеза. Видимо, человек, имея ограниченные возможности, может постичь и осознать лишь часть правды относительно прошлого, настоящего или будущего. Наши

мысли зависят от деления языка на фразы, слова и слоги. Наше критическое восприятие ограничено часами бодрствования и пятью чувствами, которые воспринимают лишь то, что нам необходимо в каждый определенный момент. Большая часть реальности не воспринимается нашим сознанием, — хотя это происходит, очевидно, через подсознание. С другой стороны, то, что мы воспринимали в прошлом, постепенно стирается восприятием настоящего. Наши новые впечатления хранят, однако, след подсознательного восприятия. Таким образом, благодаря механизму мысленных ассоциаций или случайности, мы можем иногда детально восстановить пережитое в прошлом.

Значительная часть того, что составляет нашу личность, остается в каждый конкретный момент относительно недоступной для нашего сознания, но наши пять чувств постоянно «записывают» и накапливают все, что происходит вокруг нас.

Долгое время считалось, что память индивидуальна и доступна лишь самому индивидууму, что она базируется в мозге — центре ее хранения. Считалось также, что с пересадкой мозга другому человеку, если бы это было осуществимо, этому человеку передалась бы личность «донора».

Сегодня существует другая гипотеза: основа нашей личности находится в подсознании и обладает экстрасенсорными качествами. На уровне подсознания каждый индивидуум является частью «коллективного бессознательного» всего человечества. Все наши осознанные мысли и чувства поступают в коллективное подсознание, и, таким образом, каждый

из нас участвует в подсознательной жизни других. Благодаря своим экстрасенсорным способностям, мы передаем и получаем ощущения, которые дополняют обычное индивидуальное сознательное восприятие всех уровней.

Самое яркое подтверждение этой теории — наши сны. Когда мы спим, сознательная сенсорная активность сведена к минимуму, в то время как подсознательная деятельность высвобождается и создает не менее живые образы, чем те, которые мы воспринимаем в состоянии бодрствования. Восстанавливая в памяти содержание снов, мы заново переживаем их сюжет на уровне сознания, хотя он разворачивался во сне, когда работало лишь подсознание. Кто же автор этих сцен, сценариев, этих образов? Думали ли об этом те, кто отрицает парапсихологические явления, телепатию и метафизику? Каким образом человек смог бы во сне создавать настолько динамичные картины, если бы его сознание было отключено? Спящий действительно воспринимает звуки, краски, запахи и вкусы, но отдает себе в этом отчет, лишь проснувшись. Вместо того чтобы воспринимать сон по Фрейдю, как проявление внутренних конфликтов индивидуума, можно предположить, что спящий человек шире участвует в деятельности коллективного подсознания, чем бодрствующий, и что это бессознательное участие так же реально, как и другие виды деятельности, которые осуществляются в течение дня на уровне сознательного восприятия.

Видимо, сон подавляет чувственное восприятие и снижает порог сознания в той

степени, которая необходима, чтобы высвободить подсознание. Этому же результату можно добиться с помощью транса, гипноза, наркотических средств и мистического экстаза.

Можно было бы для ясности сравнить коллективное подсознание с гигантским компьютером, созданным и запрограммированным таким образом, что любой человек мог бы вносить туда информацию на своем собственном языке — мысли, формы, образы, чувства, — и при желании получать всю необходимую информацию.

На сознательном уровне каждый человек, видимо, способен получить из коллективного компьютера только ту информацию, которую он внес сам. Но некоторые люди обладают способностью не только получать данные, поступающие из их сознательного восприятия, но и воспринимать информацию, которая не принадлежит их личности. Такие люди, в зависимости от своего социального окружения, получают различные характеристики. Их могут называть эксцентричными, странными, сумасшедшими, больными, бунтарями, ясновидящими, «не от мира сего», пророками, мечтателями или гениями; они вызывают всю гамму чувств — от презрения до преклонения. Иногда их называют также медиумами. Я уверен, что все мистические опыты, гипноз, экстрасенсорное восприятие, парапсихологические контакты являются лишь более или менее выраженными проявлениями этого состояния.

Нам предстоит еще многое узнать о возможностях и способах контактов. Прежде чем творчески использовать их, мы должны научиться связываться с этим большим «компь-

ютером» — как на уровне чувственного восприятия, так и на экстрасенсорном уровне, — развивая наши сознательные связи с коллективным подсознанием при помощи нашего собственного подсознания. Таким образом, нам удалось бы достичь большего равновесия между индивидуальным сознанием и подсознанием, а в социальном плане — большей свободы, ясности и легкости общения с другими людьми.

Именно с этим связана бессмысленность применения наркотических средств. Если под воздействием наркотиков на какое-то время и кажется, что ты достиг единства сознания и подсознания, то на самом деле их применение приводит, наоборот, ко всеуглубляющемуся разобщению этих уровней, могущему привести человека к психозу или сумасшествию.

Люди, использующие наркотики, чувствуют себя изолированными, отрезанными от общества. Если бы неконформистская культура, развивающая чувствительность и внутреннюю открытость каждого человека, была более распространена, она позволила бы нам прийти к более гармоничным общественным отношениям.

Я надеюсь, что читатели этой книги воспользуются когда-нибудь моим опытом. Можно предположить, что, накапливая факты и данные, мы способны стать надежным «записывающим устройством», обладающим стереофоническими свойствами. Парапсихологические исследования могут, с одной стороны, улучшить качество человеческого общения, а с другой, послужить началом открытий в области природы человеческой души.

Предположим, что мы попросили дикаря задать сложный вопрос компьютеру послед-

ней модели. Получив за несколько секунд точный ответ, он скажет себе: «В машине кто-то прячется». Его личный опыт никогда не позволит ему понять, что такие результаты, можно получить без помощи человека.

Примерно таким же образом я представляю себе то, что происходит, когда медиум передает мне сообщения, содержание которых непосредственно относится к Джиму и в которых я узнаю личность моего сына. Я владею лишь теми словами, которые представляет мне мой сознательный опыт. Поэтому я говорю, что это очень похоже на личное общение, и добавляю, что нахожу Джима таким же, каким я его знал при жизни. В обычной жизни мы говорим: «Солнце взошло сегодня в шесть часов утра», в то время как речь идет об очень сложном явлении. Таким же образом не было бы неточным использовать выражение «Джим мне сказал». До сих пор я избегал этого, но стоит ли поступать так и дальше?

А пока мы не достигли более высокого уровня понимания и не нашли более подходящих слов, позволяющих говорить об этих опытах и точнее описывать личные отношения, которые мы ежедневно устанавливаем с другими людьми, а также в свете того, что я описал в этой книге, я должен ответить на вопрос, который мне часто задавали и который, очевидно, вертится на языке у моего читателя: «Верите ли вы в жизнь после смерти? Верите ли вы в то, что общались со своим сыном?»

Поскольку вы спрашиваете меня не о знании, а о вере, я без колебаний отвечаю: «Да!»

ЗАМЕЧАНИЕ ДЛЯ КРИТИКОВ (А ТАКЖЕ ДЛЯ ВСЕХ, КОГО ЭТО ИНТЕРЕСУЕТ)

Написав множество статей и отчетов для различных периодических изданий, я знаю, что существуют любители сразу заглядывать на последние страницы книги, как будто там можно найти в сжатом виде основное ее содержание. В данном случае это было бы большой ошибкой. Мне не хотелось бы, чтобы послесловие к моей книге воспринималось вне содержания предыдущих глав. Действительно, по нему ни в коей мере нельзя судить о книге в целом. Тем не менее я публикую его, надеясь, что внимательно прочитавшие эту книгу от начала до конца поймут истинную роль нижеследующих строк и то значение, которое они имеют для меня, пережившего и описавшего эти события.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я завершил последнюю главу этой книги, будучи в Израиле. Поскольку мой обратный путь лежал через Лондон, я имел возможность снова участвовать в сеансе миссис Твигг, где присутствовали также три новых свидетеля. Мне кажется, что отрывок из магнитофонной записи, сделанной во время этого сеанса, прекрасно подходит для завершения моей книги.

Перед этим, в мае, я общался с Джимом — выше я объяснил, почему считаю себя вправе так говорить, — через мистера Дэсли, и мой сын сообщил, что «изучает теперь философию». Он употребил тогда это слово впервые после своей смерти, но месяц спустя, во время сеанса с миссис Твигг, снова заговорил на эту тему. Вот слова моего сына, записанные в тот день на магнитофонную пленку:

— Я постараюсь приложить все усилия, чтобы объяснить тебе вещи такими, какими я их вижу. Я так тронут, что ты продолжаешь то, что мы открыли вместе. Это самое главное... Я хочу сказать, что мы помогаем и оберегаем тебя, чтобы ты не отвлекался от основной цели... Теперь ты знаешь, что я покинул тебя, находясь в состоянии психического расстройства, непонимания и неспо-

собности доверять близкому. Я должен был с этим покончить. Когда я появился здесь, мне сказали: что ж, дипломы вам больше ни к чему. Начнем с основных вещей. И мне открылось то, что действительно имеет значение: сочувствие, любовь к близкому, взаимная помощь... Да, это самое чудесное, что есть в жизни. Вы должны научиться отождествлять себя с другим человеком, чтобы понять, отчего он страдает. Постепенно эти вещи приобрели для меня смысл. Я узнал религию, где Бог и Иисус не являются обязательными. Я обнаружил, папа, что мог бы прийти к философии, не имеющей отношение к религии. Когда я прибыл сюда, я думал, что все эти счастливые люди отвергнут меня, потому что они знают, кем я был. Так вот, они узнали меня. Они помогли мне и научили отличать главное от второстепенного. Таким образом, постепенно я снова почувствовал себя частью единого целого, и для меня было большим утешением узнать, что я могу войти с тобой в контакт. Я все еще связан с землей, потому что здесь нас учат любить тех, кого мы там оставили и кто думает о нас. Ты понимаешь, папа, что я хочу сказать? Объясни все это маме и ребятам. Я чувствую себя великолепно, не беспокойтесь за меня, но мне многое нужно вам сказать.

В ответ на мой вопрос «Слышал ли ты об Иисусе?» он сказал:

— Я уже говорил тебе об этом. Это трудно, потому что я боюсь ранить твои чувства. Я спросил моих учителей, и они мне сказали: «Джим, вы пока еще не в состоянии это понять». Я его не встречал. Они говорят о

нем как о мистике, о прорицателе. О папа! Они говорят о нем не как о Спасителе, а как о примере, которому надо следовать, понимаешь? Я хотел сказать тебе, что Иисус торжествует, но это не так. Я еще сам не очень хорошо понимаю... Он не Спаситель, но важен пример, который он дал... Но нужно быть готовым к тому, что не все будут нас любить. Я скажу тебе одну вещь: как только ты начинаешь излучать свет для других людей и говорить им правду, силы тьмы объединяются, они кричат: «Потушите свет, потушите!» Они сделали это и с Джоном Кеннеди¹⁹, с его братом Бобом²⁰, с Мартином Лютером Кингом²¹... Эти светильники погашены, но их дело не умрет, оно будет развиваться. Люди стремятся к свободе, и каждый из нас должен принять в этом участие, чтобы помочь тем, кто не может освободиться сам. Помогите им своими книгами, своим словом, своим примером. Я не говорил об этом прежде. Как страшно умереть, не узнав правды, не так ли? Здесь у меня есть все, это чудесный мир. Я ни в чем не нуждаюсь.

Своему другу по колледжу, который присутствовал на сеансе, он сказал:

— Узнай об этом все, что сможешь, потому что ты не знаешь, в какой момент тебе представится возможность использовать это

¹⁹ Кеннеди Джон Фицджералд (1917 — 1963) — президент США (1961 — 1963) от Демократической партии; убит в Далласе.

²⁰ Кеннеди Роберт Фрэнсис (1925 — 1968) — министр юстиции США, сенатор. Смертельно ранен в результате покушения.

²¹ Кинг Мартин Лютер — один из руководителей борьбы за освобождение негров в США, лауреат Нобелевской премии. Убит расистами.

и найти смысл твоей жизни. Не думайте, — сказал он еще, что Бога можно олицетворить. Это всеобъемлющая сила, а вы сливаете с ней личные усилия — ты согласен со мной, папа? Я хочу, чтобы ты знал, как волнующе возвращаться сюда. Мы не умерли, это вы мертвы, потому что вы больны. Я бы так хотел, чтобы ты понял, что я живу в мире любви и гармонии, в мире, полном музыки, света, поэзии. Мы полны благодарности за эту красоту и эту гармонию. Мы хотим отдать всеобъемлющей силе немного любви, которую она развила в нас и о которой мы даже не подозревали. Я надеюсь, что однажды я осознаю это достаточно глубоко, чтобы мне не нужно было больше быть привязанным к своей собственной личности. Ты знаешь, надо оторваться от самих себя, чтобы достичь свободы. Парадокс, но тот, кто ничего не имеет, обладает всем.

Любя, мы вызываем любовь к себе. Вы видите, все это кажется парадоксальным. Я учусь, я много работаю. Это и есть процесс эволюции. Мы медленно, но постоянно очищаемся. Мы развиваемся и достигаем света. Он бросает свои костыли и оковы и занимается главным. Вот то, что я открыл.